

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

*Научно-практический журнал
Учрежден Тюменским юридическим институтом
Министерства внутренних дел Российской Федерации
Издается с декабря 2006 года
Выходит ежеквартально*

№ 4 (10) 2009

Главный редактор
А.И. Числов

Редакционная коллегия:

Аксенов Р.Г., кандидат юридических наук, доцент; **Арямов А.А.**, доктор юридических наук, доцент; **Афанасьев В.С.**, доктор юридических наук, профессор; **Бражников Д.А.**, кандидат юридических наук, доцент; **Бутылин В.Н.**, доктор юридических наук, профессор; **Герасименко Ю.В.**, доктор юридических наук, профессор; **Григорьев О.Г.**, кандидат юридических наук, доцент; **Емельянов А.С.**, доктор юридических наук, доцент; **Киричек Е.В.**, кандидат юридических наук, доцент; **Комиссарова Е.Г.**, доктор юридических наук, профессор; **Кузакбирдиев С.С.** (заместитель главного редактора), кандидат юридических наук, доцент; **Лавров В.П.**, доктор юридических наук, профессор; **Мазунин Я.М.**, доктор юридических наук, профессор; **Ольков С.Г.**, доктор юридических наук, профессор; **Отческая Т.И.**, доктор юридических наук, профессор; **Петров А.А.**, кандидат юридических наук, доцент; **Сумачев А.В.**, доктор юридических наук, доцент; **Сергеев А.Б.**, доктор юридических наук, профессор; **Цишковский Е.А.** (ответственный секретарь), кандидат юридических наук, доцент; **Числов А.И.**, доктор юридических наук, профессор; **Шарапов Р.Д.**, доктор юридических наук, доцент; **Шеслер А.В.**, доктор юридических наук, профессор; **Юзиханова Э.Г.**, доктор юридических наук, доцент; **Яджин Н.В.**, кандидат юридических наук, доцент

*Редакторы Е.В. Карнаухова, Е.А. Пыжова, Е.Ю. Коробицина
Технический редактор С.Ф. Ярославцев*

Адрес редакции:

625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75.

Тел. (3452) 59-85-16.

Тел./факс (3452) 30-68-69.

Эл. почта journal@naukatui.ru

Сайт <http://www.naukatui.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-27144 от 09.02.2007 г.
ISSN 1998-6963

Подписано в печать 18.12.2009. Формат 60х84/8. Усл. п. л. 13,02. Уч.-изд. л. 10,1.
Тираж 1000 экз. Заказ № 242. Цена свободная.

© ФГОУ ВПО «ТЮИ МВД России», 2009

Содержание

Раздел 1. Методология, теория и история государственно-правового регулирования

<i>Цишковский Е.А.</i> Юридическая ответственность в правомерном поведении.....	4
<i>Крамской И.С.</i> Внешние условия эффективности механизма государственно-правового регулирования общественных отношений.....	15
<i>Овчинникова О.Д.</i> К вопросу о форме правления.....	20

Раздел 2. Проблемы государственного и муниципального строительства

<i>Изингер А.В.</i> Модернизация политической системы современной России в свете Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию (12 ноября 2009 г.).....	25
<i>Пожарский Д.В.</i> О соотношении экономической и охранительной функций Российского государства.....	30
<i>Данилова Н.В.</i> Правовой режим территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов.....	35

Раздел 3. Частное право, договорное регулирование

<i>Либанова С.Э.</i> Обеспечение эффективности экономики посредством конституционализации норм договорного права.....	43
---	----

Раздел 4. Уголовное законодательство и криминологическая наука

<i>Сумачев А.В.</i> О структуре уголовно-правовой нормы.....	49
<i>Скобелин С.Ю.</i> Сущность и содержание мер уголовно-правового характера, альтернативных наказанию.....	57
<i>Куркина И.Н.</i> Значение международного опыта развития социальной активности молодежи в профилактике совершения преступлений.....	63

Раздел 5. Совершенствование деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений

<i>Симанцов Ф.А.</i> Проведение проверок субъектов предпринимательской деятельности с целью выявления налоговых преступлений.....	67
---	----

Раздел 6. Процессуальное право, юрисдикция, процедуры

<i>Григорьев О.Г.</i> Особенности предъявления для опознания людей в ходе предварительного расследования.....	72
---	----

**Раздел 7. Проблемы юридической науки
и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей**

<i>Архипов А.А.</i> Уголовно-правовая характеристика уничтожения идентификационного номера, номера кузова, шасси или двигателя транспортного средства.....	83
<i>Корешникова Н.Р.</i> К вопросу о понятии и сущности правовых средств прокурора.....	88
<i>Пономарева Т.Л.</i> Особенности привлечения к дисциплинарной ответственности должностных лиц таможенных органов Российской Федерации.....	93

Раздел 8. Подготовка кадров для правоохранительных органов и научная жизнь высшей школы

<i>Ставцев В.Г.</i> Некоторые аспекты преподавания дисциплины «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел» на современном этапе.....	98
--	----

Раздел 9. Обзоры, рецензии, критика

<i>Шеслер А.В.</i> Дискуссия об уголовном наказании. Рецензия на монографию А.Ф. Мицкевича «Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия».....	101
<i>Summary</i>	104
<i>К сведению авторов</i>	108

Раздел 1. Методология, теория и история государственно-правового регулирования

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ПРАВОМЕРНОМ ПОВЕДЕНИИ

Е.А. Цишковский

(заместитель начальника организационно-научного и редакционно-издательского
отдела Тюменского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент; tsishkovskiy@bk.ru)

Статья посвящена возникновению, последующему развитию и перспективам теории юридической ответственности в правомерном поведении. Исследуются различные подходы к пониманию позитивной (перспективной) ответственности, анализируются их основания. В завершение формулируется понятие юридической ответственности в правомерном поведении, согласованное с общей теорией ответственности в праве.

Ключевые слова: юридическая ответственность, правомерное поведение, перспективная ответственность, позитивная ответственность, юридическая оценка.

Предварительные замечания. Идея юридической ответственности, не связанной с правонарушением, была предложена в юриспруденции в начале 60-х годов прошлого века. Ответственность, сопряженная с активной правомерной деятельностью субъекта, была воспринята (в том числе и как объект критики) наукой, в результате чего появились термины «позитивная ответственность», «перспективная ответственность», «активная ответственность».

Учение о юридической ответственности в правомерном поведении формировалось в условиях необходимости решения двух основных вопросов: во-первых, понимание позитивной (перспективной, активной) ответственности, отражаемое в ее определении, а во-вторых, ее соотношение с ответственностью за правонарушение.

Первые попытки сконструировать определение ответственности в правомерном поведении встречали обоснованную критику, так как для характеристики такой ответственности привлекались явления, находящиеся вне права: осознание долга, необходимость исполнения обязанностей, психическое отношение личности к исполнению обязанностей, трудовых функций, моральный долг, моральная обязанность, понимание индивидом последствий своих действий. Недостатки такого подхода обстоятельно изложены в юридической ли-

тературе, в их детальном освещении нет необходимости.

В дальнейшем сторонники идеи юридической ответственности без правонарушения стали использовать для ее определения устоявшиеся правовые категории: правовые санкции, юридическая обязанность, правоотношение. Новые определения были более удачными, однако также не были свободны от методологических и иных недостатков, подробно исследованных в науке.

Острая дискуссия, предметом которой являлось соотношение позитивной и негативной ответственности, привела к двум принципиальным результатам: объединенной юридической ответственности и выводу об их отдельном функционировании.

Не претендуя на подведение итогов дискуссии, отметим, что однозначно отвергать ее наличие после высказанных аргументов не имеет особого смысла. Вопрос признания или отрицания ответственности в правомерном поведении имеет в большей степени исходный, методологический характер. При этом важно не обосновывать позитивную ответственность исключительно целями политического и правового развития, юридической политики, идеологии и иными близкими к конъюнктуре факторами.

Ключевая проблема теории юридической ответственности (проблема ее общего понимания) на сегодняшний день заключается не столько в поиске доказательств ответственности в правомерном поведении, сколько в разработке ее общей дефиниции. Необходима теоретическая проработка основного (сущностного) признака юридической ответственности, который бы смог интегрировать иные признаки искомого понятия.

Методологические условности исследования. Перед определением ответственности в правомерном поведении целесообразно оговорить методологические предпосылки ее анализа. Во-первых, деление юридической ответственности на перспективную и ретроспективную производится по критерию времени. Ретроспективная ответственность возникает по факту содеянного, прошлого, а перспективная ответственность – это ответственность за будущее правомерное поведение.

Во-вторых, деление правовой ответственности на позитивную и негативную осуществляется по критерию характера правовых последствий для субъекта. Юридическая ответственность является негативной, если его субъективные права ограничиваются либо возлагаются дополнительные юридические обязанности. Ответственность является позитивной, если субъект права в установленном законом порядке поощряется за поведение, квалифицируемое как заслуга, либо правоотношение, в котором он участвует, продолжает беспрепятственно осуществляться. И позитивная и негативная юридическая ответственность наступают *post factum*, когда правовое деяние (правонарушение либо заслуга) уже совершено. Иными словами позитивная и негативная ответственность ретроспективны, т.к. ответственность наступает за осуществленное (прошедшее) поведение.

В-третьих, юридическая ответственность в правомерном поведении неоднородна, ее можно подразделить на позитивную и перспективную. Оба этих вида ответственности реализуются в правомерном поведении, но одна проявляется в уже

совершенном (заслуженном, поощряемом) правомерном поступке, а другая направлена и осуществляется в будущем правомерном поведении.

В настоящее время в русском языке понимание ответственности в целом представляет собой единство и последовательное взаимодействие трех составных частей единого целого [1, с. 8-26; 2, с. 5-22]:

1. Сознание долга, сформулированного в нормах морали и права, и соответствующее поведение индивидов и их коллективов. В таком ключе ответственность исследовалась в основном в этике, общей и религиозной философии и частично в правоведении.

2. Оценка поведения и его социально значимых последствий специальными органами и средствами государства, а также самой личностью в соответствии с нормативно закрепленными критериями. В рамках данного подхода ответственность анализируется в философии, этике, социологии и юриспруденции.

3. Наложение взысканий (мер воздействия) от имени государства, общества, коллектива за отклонения от норм поведения. В этом аспекте сложилось классическое понимание ответственности в праве, т.е. юридической ответственности, которое в различных вариациях культивируется и в настоящее время. Кроме того, в подобном ракурсе ответственность иногда рассматривается в социологии.

Несмотря на условную обособленность, только совокупность этих трех составляющих порождает феномен ответственности, отражая социальную сущность индивида, которая проявляется в его сознании и деятельности. Иными словами, целостность и полнота понимания юридической ответственности должна основываться на системном единстве трех обозначенных выше смысловых элементов.

Существующие определения ответственности в правомерном поведении в той или иной мере акцентируют внимание на элементе сознания долга, что само по себе не позволяет выделить ее четких юридических признаков.

Смысловые элементы сознания долга

и оценки поведения очень тесно взаимосвязаны, ибо являют собой части единого целого, однако значение этих элементов в смысловой детерминации термина «ответственность» не одинаково. С одной стороны, соответствующее сознанию долга правомерное поведение является результатом выбора индивидом варианта собственного поведения, обусловленным оценкой будущих действий и их результатов. Без оценки имеющихся возможностей, ситуации, последствий невозможен акт сознательного и волевого поведения, равно как и акт свободной воли и выбора вообще. Само же поведение также выступает следствием оценки, даваемой «во исполнение» сознания долга. С другой стороны, между оценкой и поведением, обусловленным сознанием долга, равно как между оценкой и правовым поощрением, существует причинно-следственная связь. При этом в одном случае оценка дается будущему (потенциальному) поведению, а в другом – поведению осуществленному.

Следовательно, оценка является первичной по отношению к сознанию долга и применению правового поощрения. Можно резюмировать, что семантическое значение категории «ответственность» в целом задается оценкой поведения и его последствий.

Понимание юридической ответственности в правомерном поведении. После некоторых предварительных замечаний рассмотрим признаки исследуемого явления. Уровень их обобщения предполагает познание наиболее общих качеств, свойств ответственных в правомерном поведении.

1. Юридическая оценка правомерного поведения – сущностный признак правовой ответственности. С учетом вектора времени юридическая оценка как процесс и результат установления соответствия правомерного поведения действующим юридическим нормам дается как свершившейся заслуге, так и правомерному поведению, которое субъект намерен осуществить.

Уточним два существенных момента. Во-первых, юридическая оценка является сущностью юридической ответвен-

ности в правомерном поведении. Оценка является сущностью любого вида социальной ответственности. Любые действия (бездействие), прежде чем вызвать нормативно определенные последствия, соответствующим образом оцениваются (собираются и уточняются все фактические данные, отыскивается соответствующая казусу норма, производится сопоставление и делается вывод). Во-вторых, зачастую при исследовании позитивной ответственности оценка переводилась в ранг психологического процесса, субъективного восприятия собственного поведения и его результатов. Между тем сводить даваемую в ходе реализации позитивной юридической ответственности оценку к психологической (моральной, политической и т.д.) сфере не совсем оправданно. Правовому поведению должна даваться адекватная правовая оценка. Е.А. Лукашевой в связи с этим отмечается, что «юридическая ответственность существует как отношение зависимости человека от государства, выражаемое в его способности осуществлять свободную оценку и выбор, ориентируясь на правовые эталоны...» [3, с. 105].

Юридическая оценка предметно отражает реакцию государственных органов, физических и юридических лиц на правовое поведение личности. Такой подход имеет ряд преимуществ. Во-первых, юридическая ответственность непосредственно связывается с социальной ответственностью посредством родового оценочного признака. Так, например, Е.А. Лукашева обоснованно утверждает, что «различия между правовой и моральной ответственностью начинаются с характера оценки действий человека» [3, с. 108, 110]. Во-вторых, юридическая оценка отражается во всех без исключения видах правовой ответственности (уголовной, гражданской, административной и т.д.). Ответственность – это «тот критерий, который позволяет оценивать объем и качество выполнения или невыполнения своих обязанностей, в соответствии с чем выражается одобрение или порицание» [4, с. 73]. В-третьих, юридическая оценка объединяет различные, а подчас и противоречивые признаки ответс-

твенности в различных отраслях российской системы права, например, позитивные и негативные аспекты (несмотря на такие разные явления, как вознаграждение субъекта и его наказание).

Признавая прогрессивной эту конструкцию в принципе, отметим, что она оставляет без внимания как минимум три важных положения.

Во-первых, остается нерешенным вопрос: существует ли позитивная юридическая ответственность субъектов в таком правовом, а точнее, правомерном поведении, за которым не следует ни поощрение, ни наказание (взыскание)? В данном случае имеется в виду обычное правомерное поведение (не квалифицируемое как заслуга).

Во-вторых, если существует, то какая именно юридическая оценка ему дается? Дело в том, что если социально активное заслуженное поведение оценивается позитивно, а противоправное – негативно, то открытым остается вопрос о природе оценки обычного правомерного поведения.

В-третьих, даже если на первые два вопроса можно ответить утвердительно, то приведенная конструкция объясняет позитивную юридическую ответственность, тогда как перспективная правовая ответственность остается вне общей модели ответственности в правомерном поведении.

Предпримем попытку разрешить обозначенные проблемы.

Традиционно по критерию активности правомерное поведение дифференцируют на активное, обычное и пассивное. Приведенная классификация не может быть признана состоятельной, если в качестве примера пассивного правомерного поведения приводить ситуацию, когда лицо не использует принадлежащие ему субъективные права, ибо правомерное поведение осуществляется только в правоотношениях. Мало того, чтобы поведение «соответствовало, не противоречило правовым нормам», необходимо чтобы оно осуществлялось в рамках правоотношений. Сказанное не противоречит принципу, характеризующему общедозволительный тип правового регулирования, – «дозволено все, что прямо не запрещено законом».

Так, моральное или религиозное поведение формально вполне может не противоречить и в определенном смысле соответствовать юридическим предписаниям, однако правомерным оно не является, равно как и правовым вообще. Если субъект, например, не использует принадлежащее ему активное избирательное право, то, безусловно, он не совершает правонарушения. Означает ли это, что он совершает правомерное деяние в виде бездействия? Полагаем, что не совершает, потому что возможный отказ от использования права предполагается самой природой субъективного права, но не предусматривается законодательством в качестве варианта поведения за отсутствием необходимости. «Неиспользование гражданином субъективного права не оценивается как законное либо незаконное, то есть это “личное дело” гражданина (если, конечно, право не является одновременно и обязанностью, не ущемляет права и законные интересы других лиц)» [5, с. 33]. Иными словами, когда субъект отказывается от использования принадлежащего субъективного права, отсутствуют соответствующие юридические факты, не возникает правоотношения, не реализуются взаимные права и обязанности, то отсутствует правовое регулирование в целом. Подобное пассивное поведение вообще не является правовым. Таким образом, следует вкладывать иной смысл в категорию «пассивное правомерное поведение» либо отказаться от ее выделения, дифференцируя правомерное поведение на активное и обычное.

Констатировать наличие позитивной юридической ответственности при осуществлении активного правомерного поведения, равно как и констатировать ее отсутствие при пассивном (при его понимании в качестве отказа от использования субъективного права) правомерном поведении можно вполне уверенно. Однако решить подобный вопрос применительно к обычному правомерному поведению достаточно сложно.

В юридической литературе под обычным правомерным поведением понимается повседневная, служебная, бытовая и иная

жизнь человека, соответствующая правовым нормам. В рамках обычного правомерного поведения граждане выполняют свои правовые обязанности, совершают те или иные юридически значимые действия. Оно является обычным, в том числе и потому, что полностью соответствует установленной норме. Вполне объяснимо в связи с этим, что оно не поощряется государством.

Четкую и безусловную грань между обычным и активным (зачастую поощряемым) правомерным поведением очертить достаточно трудно. Заслуга представляет собой, во-первых, добросовестное и точное выполнение субъектами возложенных на них юридических или общественных обязанностей, а во-вторых, совершение участниками общественных отношений не предусмотренных правовой нормой таких полезных деяний, которые превосходят обычные требования [6, с. 36]. Как следует из первой части определения, основанием поощрения может быть соответствующее предъявляемым требованиям исполнение обычных правовых обязанностей. Вполне естественно, что добросовестное и точное исполнение юридических обязанностей может иметь место как при активном, так и при обычном правомерном поведении. Различие состоит в наличии дополнительных моральных, организационных, а иногда и материальных затрат. К тому же возможность правового поощрения в целом зависит в основном от правоприменителя.

На вопрос о наличии позитивной юридической ответственности в обычном правомерном поведении можно дать положительный ответ, а само такое поведение признать ответственным. Позитивная юридическая ответственность отнюдь не связывается только с поощрением. Кроме того, требуемое качество исполнения возлагаемых юридических обязанностей уже само по себе свидетельствует о необходимости ответственного отношения к ним со стороны различных субъектов. Среди прочих признаков правомерного поведения правильно отмечается, что оно есть ответственное действие личности [7, с. 24, 86; 8, с. 19; 9, с. 12]. Даже выполнение обыкно-

венных юридических обязанностей, которое вписывается в пределы установленной нормы, требует правовой ответственности, предполагает ее. Именно поэтому «...состояние ответственности возникает тогда, когда личность совершает урегулированный правом поступок и тем самым показывает свое отношение к необходимости выполнения требований норм права» [10, с. 30-31; 11, с. 51-52; 12, с. 69; 13, с. 73].

Наличие юридической ответственности субъектов в обычном правомерном поведении предполагает определение природы даваемой такому поведению правовой оценки. Безусловно, она (оценка) не может быть признана негативной, т.к. оцениваемое является правомерным. В таком случае, является ли она позитивной? В общем смысле – безусловно, является. Однако с точки зрения действия правовых норм, четкой юридической квалификации поведения, применения соответствующих санкций подобный ответ не может быть признан достаточным. Положительная юридическая оценка должна в чем-то объективироваться, предметно выражаться. Если, например, положительная оценка заслуженного поведения проявляется через правовое поощрение, то не совсем понятно, как проявляет себя аналогичная оценка обычного правомерного поведения. В конечном счете, стирается грань между этими оценками, обычным и активным правомерным поведением, применением поощрительных санкций и их отсутствием.

Вместе с тем обычное правомерное поведение не является безразличным, индифферентным для государства. Сознвая данный факт, некоторые исследователи реакцию государства на обычное правомерное поведение граждан определяют как «одобрение» [14, с. 17; 15, с. 12]. Конечно, в целом с моральных позиций подобное поведение одобряется постольку, поскольку оно желательно для государства и общества. Однако с сугубо юридической точки зрения такое многоаспектное понятие как «одобрение» трудно формализовать, подвести под нормативное основание. В реальности отсутствуют предметные признаки, критерии, позволяющие квалифицировать

реакцию на обычное правомерное поведение как «одобрение». Кроме того, «одобрение» – категория этическая, являющаяся антонимом категории «порицание». Факт допустимости, дозволения определенного рода деятельности отнюдь не означает ее государственного одобрения. Таким образом, подобный подход к оценке обычного правомерного поведения (как к позитивной оценке, выраженной в государственном одобрении) дает основание усомниться в наличии *юридической реакции* вообще, как таковой.

Правовая оценка, даваемая обычно и заслуженному правомерному поведению, не является идентичной. Если взять за основу норму поведения, в данном случае правовую, то становится очевидным, что соответствующие виды поведения отличаются друг от друга. При этом основное отличие обычного и социально-активного правомерного поведения производится по критерию соответствия норме, некоему усредненному варианту поведения. С точки зрения соответствия правовой норме можно выделить три вида юридически значимого поведения: 1) то, что предпочитается в наибольшей степени (акты поведения, приближающегося к социальному идеалу); 2) то, что считается нормальным, правильным (как поступают в большинстве случаев); 3) то, что не одобряется, порицается (считается общественно опасным, преступным) [16, с. 135]. Иными словами, даже если посмотреть на вопрос, абстрагируясь от юридической специфики регулируемого поведения, то на основе более общего критерия – соответствия правовой норме – можно провести различие между обычным и активным правомерным поведением. Обычное поведение соответствует юридической норме, «укладывается» в нее, тогда как социально активное поведение превышает данную норму, выходит за ее пределы, позитивно «отклоняется» от нее. Соответственно различию обычного и активного правомерного поведения, следует отличать между собой юридические оценки, которые ему даются. Позитивная юридическая оценка дается социально активному правомерному поведению, кото-

рое позитивно выходит за пределы нормы, поэтому она не может даваться обычному поведению, осуществляемому в границах этой нормы. Даже с общих позиций обозначенное различие является очевидным, его необходимо учитывать при исследовании юридической ответственности.

Юридическая оценка, предметом которой выступает обычное правомерное поведение (в случае, если оно не влечет за собой применения поощрительных санкций), является нейтральной. Этот вывод следует из общего критерия дифференциации правовых оценок – квалификации правового поведения с точки зрения действующих юридических норм. Если активное правомерное поведение оценивается позитивно (реализуется поощрение), а противоправное – негативно (реализуется правоограничение), то обычное правомерное поведение оценивается нейтрально (ни поощрение, ни правоограничение не применяются). Именно таким образом понимается нейтральность юридической оценки – отсутствие применяемого на основе действующего законодательства поощрения, когда «...на данный момент поведение субъекта соответствует уровню требований общества к данному и виду и форме поведения» [1, с. 10].

В литературе встречается мнение, что оценки, даваемые конкретным проявлениям социального (правового) поведения, могут носить отрицательный, негативный характер (свидетельствовать о социальной вредности явления), быть социально нейтральными (считать явление соответственно не имеющим общественной полезности) или же быть положительными (относить определенные действия (поступки) к полезным, социально ценным явлениям жизнедеятельности людей) [7, с. 25].

Поддерживая приведенную позицию в целом, трудно согласиться с воззрениями автора на нейтральную правовую оценку. Ведь если социальное поведение вообще не представляет интереса для права, то есть не является правовым, то в принципе нельзя вести речь о наличии юридической оценки. Там, где нет права, нет и его оценок. Определенное поведение не

может юридически оцениваться, если нет правовых норм, его регулирующих. Такие отношения являются «юридически индифферентными», они находятся вне этой оценки, поскольку в таких отношениях ее вообще не может быть.

Таким образом, правовому (активное и обычное правомерное, противоправное) поведению может быть дана положительная, нейтральная или отрицательная юридическая оценка. С учетом правовых последствий оценки можно в первых двух случаях вести речь о позитивной, а в третьем случае – о негативной юридической ответственности.

Перспективная юридическая ответственность также может быть объяснена на основе правовой оценки, ибо «оценка может быть обращена как к прошлым, так и к будущим фактам...» [17, с. 148]. Более того, такой подход позволяет объяснить ее на принципиально общей основе с ретроспективной ответственностью, что делает возможным создание общей модели юридической ответственности.

Перспективная ответственность в целом представляет собой оценку будущего поведения и его социально значимых последствий. Соответствующее сознанию долга поведение является результатом субъективного выбора индивидом варианта собственного поведения, обусловленным оценкой будущих действий и их результатов. Без оценки имеющихся возможностей, ситуации, последствий невозможен акт сознательного и волевого поведения, равно как и акт свободной воли и выбора вообще. Особое значение играет правовая норма, регулирующая деяние, которое субъект намерен осуществить. В литературе отмечается, что прежде чем вступить в правовые отношения, субъект права обязан соизмерить свое поведение с теми нормами права, которые предписывают или запрещают те или иные поступки [8, с. 54]. Оценка будущего поведения имманентна интеллектуально-волевой деятельности субъекта, при этом конкретные социальные нормы, выступающие ее критерием, зависят от характера потенциального поведения. Само же такое поведение в последующем высту-

пает следствием оценки, даваемой «во исполнение» сознания долга [18, с. 53].

Если посмотреть на позитивную и перспективную ответственность как на юридическую оценку правомерного поведения (как осуществленного, так и потенциального), его результатов и правовые последствия такой оценки, то возможность создания единой модели ответственности в правомерном поведении становится реальной, вследствие методологического потенциала категории «оценка». Верно утверждение, что взгляд на ответственность через призму оценки – ключевого социального момента этой формы связи людей приводит к самому широкому пониманию ответственности: к включению в методы и средства и позитивного воздействия, положительной стимуляции поведения [1, с. 23].

Любое правомерное поведение в той или иной степени является организованным, следовательно, оно соответствующим образом планируется, прогнозируется, субъектом предвидятся его социально значимые последствия. Как видим, будущему поступку дается оценка, а поскольку субъект «не может не учитывать существующие на этот счет правовые и нравственные предписания» [19, с. 37], постольку оценка будущего поступка является юридической.

Вместе с тем оценка осуществленного и будущего (потенциального) правомерного поведения имеет различную природу. Несомненно, что подобные отличия обусловлены вектором времени. Модальность (обращенность в прошлое или будущее), конечно же, делает данные оценки противоположными с точки зрения критерия времени, однако не исключает их общей сущности, ибо то и другое есть оценка.

2. Правовые последствия юридической оценки. Единство и целостность правовой ответственности задается причинно-следственной связью юридической оценки и тех правовых последствий, которые она вызывает. Необходимость указания на правовые последствия юридической оценки, с одной стороны, конкретизирует саму оцен-

ку, а с другой – свидетельствует о форме ее объективации, выражении вовне.

Итак, правовые последствия оценки правомерного поведения можно разделить на две группы: отраженные в законодательстве и не указанные в качестве таковых.

Предусмотренные нормативными правовыми актами правовые последствия влечет только положительная юридическая оценка. Последствием такой оценки является правовое поощрение. Поощрение (по аналогии с наказанием, взысканием) есть мера юридической ответственности. Прямо предусмотренные правовые последствия вызывает только положительная юридическая оценка, даваемая правоприменителем.

Правовые последствия, не определенные законодательством, влечет нейтральная оценка осуществленного (не поощряемого) и юридическая оценка будущего правомерного поведения. Так, последствием нейтральной юридической оценки является дальнейшее беспрепятственное осуществление правоотношения. Общие и конкретные правовые отношения, участником которых является субъект, продолжают осуществляться (не переходят в конкретные охранительные или поощрительные).

За правовой оценкой будущего правомерного поведения и его результатов следует обусловленное сознанием долга обычное или активное правомерное поведение. Оно является непрямым следствием данной оценки, в нем оценка объективируется. Исходящее от оценки сознание долга трансформируется в правомерное поведение, выражает и проявляет вовне субъективную направленность деятельности. Перспективная ответственность объективируется в правомерном поведении, которое соответствует юридическим требованиям. Следовательно, правовое последствие в виде правомерного поведения объективирует перспективную правовую ответственность, проявление которой наличествует не только в сознании, но и в деятельности.

Безусловно, последствия нейтральной оценки осуществленного и оценки бу-

дущего правомерного поведения являются правовыми (находящимися в правовой сфере), однако в законодательстве они не зафиксированы.

Таким образом, схематично юридическая ответственность без правонарушения может быть представлена как единство юридической оценки правомерного поведения и ее правовых последствий. Однако только положительная (официальная) оценка поведения, даваемая правоприменителем, влечет прямо предусмотренные законом последствия (поощрение).

Следовательно, категория «юридическая ответственность», сконструированная по принципу оценки правомерного поведения и ее юридических последствий, обозначает два вида ответственности.

Во-первых, это позитивная ответственность. Она, в свою очередь, выражается в двух вариантах: как положительная юридическая оценка заслуженного поведения, влекущая правовое поощрение; как нейтральная юридическая оценка активного и обычного правомерного поведения (не являющегося заслугой), влекущая дальнейшее беспрепятственное осуществление правоотношения.

Во-вторых, это перспективная ответственность, т.е. юридическая оценка будущего правомерного поведения, даваемая самим субъектом, последствием которой является активное или обычное правомерное поведение.

3. Объективная и субъективная стороны юридической ответственности. Юридическая ответственность, как и любое социально-правовое явление, находит свое выражение в двух диалектически связанных сферах: объективной и субъективной. Это позволяет выделить объективную и субъективную стороны ответственности в праве.

Объективная сторона позитивной ответственности проявляется в совокупности материальных и процессуально-процедурных норм, мер правового поощрения, прав и обязанностей субъектов, заслуженных поступков, их социально полезных последствий, причинной связи между ними,

поощряемых и поощряющих, способов и средств их деятельности и т.д.

Субъективная сторона позитивной ответственности выражена психическими процессами осознания и переживания оценки поведения и реализации правового поощрения. В принципе субъективная сторона позитивной ответственности представляет собой субъективное отражение или реакцию на существование ее объективной стороны.

Долгое время объективная сторона позитивной ответственности не была востребована правоведами, что явилось одной из основных причин дискуссии о проблеме ее существования. Сторонники позитивной юридической ответственности пытались сформулировать ее дефиницию без учета объективации ответственности, используя категории «осознание», «чувство», «долг» и другие. Однако именно объективная сторона (закрепление в праве, реализация в правоотношении, правовые последствия) придает позитивной ответственности правовое качество, подтверждает ее юридическую природу.

Объективная сторона перспективной ответственности проявляется в осуществлении правомерного поведения, юридическую оценку которому дает сам субъект. Объективация оценки в правомерном поведении отражает реальность перспективной ответственности, т.е. ответственности за будущее правомерное поведение.

Субъективная сторона перспективной ответственности воплощается в осознании необходимости правомерного поведения, активных правовых форм жизнедеятельности. В ней прослеживается действие механизма мотивации и саморегуляции социально активного и обычного правомерного поведения, благодаря которому существует и поддерживается законность и правопорядок, укрепляется дисциплина.

Кроме того, юридическая оценка предстоящего поведения сопровождается действием мотивации, представленной двумя основными мотивами: сознанием долга и заинтересованностью в вознаграждении.

Безусловно, проявление объективной

и субъективной сторон в позитивной и перспективной ответственности неодинаково. В позитивной ответственности преобладают элементы объективной стороны, представленные поощрительной юридической практикой. В перспективной ответственности доминирует субъективная сторона. Ее содержание представляет сознание необходимости действовать правомерно, преследуя законные цели и используя правомерные средства их достижения. Субъект дает юридическую оценку будущему правомерному поведению, проанализировав юридически значимую ситуацию и ее возможные последствия. Оценка потенциального поведения имеет на данной стадии реализации юридической ответственности только субъективное значение, а объективируется она в последующем правомерном поведении. В данном случае следует говорить о «неофициальной перспективной квалификации» [20, с. 20] будущих правомерных актов поведения.

Таким образом, позитивная и перспективная юридическая ответственность имеет объективную и субъективную стороны. Однако природа и назначение позитивной и перспективной юридической ответственности, несмотря на их принципиальную общность, – различны, что предполагает «условный приоритет, доминирование» одной из сторон по отношению к другой. В позитивной ответственности доминирует объективная сторона, а в перспективной – субъективная. Еще раз отметим, что сам факт подобного доминирования не может и не должен служить основанием для теоретического, тем более практического нивелирования другой, не доминирующей стороны правовой ответственности.

4. Юридическая ответственность является самостоятельным элементом механизма правового регулирования. Тесная связь юридической ответственности с нормой права (нормативная конструкция ответственности) и элементами ее логической структуры (гипотезой, диспозицией, санкцией), правоотношением, актами реализации прав и обязанностей и актами применения права дает основание для постановки вопроса о месте юридической

ответственности в механизме правового регулирования.

Принимая во внимание взаимодействие ответственности с элементами механизма правового регулирования, было бы ошибочным сводить ее к одному из элементов данного механизма. В то же время действие юридической ответственности не дает оснований для ее отождествления со всеми элементами рассматриваемого механизма. Самостоятельность и специфика правовой ответственности проявляется в том, что она сама по себе, как целостное правовое явление оказывает правовое воздействие. В одном случае – путем охраны общественных отношений, прав и свобод граждан (ответственность за правонарушение), в другом – посредством развития правомерного поведения, позитивных, полезных для общества и государства действий (ответственность в правомерном поведении).

Комплексный подход к юридической ответственности, при котором единство ее сущности не исключает многоплановых форм явления, дает основание для постановки вопроса «о возможности и целесообразности включения этого института в механизм правового регулирования в каждой отрасли права» [21, с. 31].

В связи с этим, рассматривая правовую ответственность как одно из юридических средств и принимая во внимание ее регулирующий потенциал, следует признать ее самостоятельным элементом механизма правового регулирования. Признание юридической ответственности в этом качестве позволяет:

1. Использовать регулятивные возможности юридической ответственности. Понять влияние юридической ответственности на механизмы регуляции и саморегуляции правового поведения личности, мотивацию активного правомерного поведения, исследовать ответственность в информационно-психологическом подходе.

2. По-новому осмыслить связи юридической ответственности с другими правовыми явлениями: нормой права, правоотношением, правовой культурой и правосознанием, правовым стимулирова-

нием и ограничением, правомерным поведением.

3. Создать предпосылки для совершенствования законодательства, коррекции и координации системы стимулов и ограничений, введения новых и более эффективных негативных и позитивных санкций, повысить результативность действующих поощрительных норм.

Любое явление, будучи объектом познания, фиксируется посредством описания его признаков. Последние можно разделить на существенные и несущественные. Существенные признаки выражают необходимое, постоянное, наиболее значимое в явлении. В свою очередь, существенные признаки дифференцируются на основные и дополнительные. На основе анализа признаков исследуемого явления предлагается следующая модель его определения и понимания: *юридическая ответственность в правомерном поведении – это юридическая оценка правомерного поведения (осуществленного или потенциального), последствием которой является правовое поощрение либо дальнейшее осуществление такого поведения (правоотношения), обусловленное сознанием его необходимости.*

Особенности предлагаемого понимания правовой ответственности состоят в следующем. Во-первых, такое понятие соответствует диалектическому единству правоотношения и целостности института юридической ответственности. На протяжении долгих лет при изучении ответственности в праве учеными-юристами в ее понимании выделялся элемент обязанности, а элемент права упускался. В приведенном определении присутствует не только обязанность действовать правомерно, но и право (в совокупности с обязанностью) властной инстанции дать официальную юридическую оценку правомерному поведению. Право и обязанность неразрывно взаимосвязаны, в чем заключается целостность правоотношения и реализуемой в нем юридической ответственности.

Во-вторых, предлагаемое определение должно снимать отраслевые противоречия в понимании позитивной и перс-

перспективной ответственности. Независимо от качества правомерного поведения и регулирующих его норм, в первую очередь такому поведению дается официальная юридическая оценка, а во вторую – возлагаются и применяются меры поощрения. Перспективная же ответственность также представляет собой юридическую оценку, однако ее предметом выступает потенциальное правомерное поведение. Указание в определении на сущностный признак правовой ответственности снимает эти противоречия и приводит отдельные различия «к общему знаменателю».

В-третьих, в приведенном определении юридическая оценка отражает связь позитивной и перспективной ответственности, а также единство их объективной и субъективной сторон. В реализации позитивной ответственности оценка дается осуществленному поведению, носит положительный или нейтральный характер. В реализации перспективной ответственности юридически оценивается будущее правомерное поведение. С объективной стороны юридическая оценка дается выраженными вовне субъектами и инстанциями, оценивается правомерное поведение лица. С субъективной стороны, само лицо дает частную юридическую оценку собственному правомерному поведению, организовывая фактически действия с учетом требований правовых норм.

1. Ответственность в управлении: монография / отв. ред. А.Е. Лунев, Б.М. Лазарев. М., 1985.
2. Муздыбаев К. Психология ответственности: монография. Л., 1983.
3. Лукашева Е.А. Право, мораль, личность. М., 1986.
4. Строгович М.С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5.
5. Боброва Н.А., Зражевская Т.Д. Ответственность в системе гарантий конституционных норм (государственно-правовые аспекты): монография. Воронеж, 1985.
6. Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права: монография. Саратов, 1978.

7. Оксамытный В.В. Правомерное поведение личности. Киев: Наукова думка, 1985.
8. Хачатуров Р.Л., Ягутян Р.Г. Юридическая ответственность. Тольятти, 1995.
9. Рыбаков В.А. Проблемы формирования гражданско-правовой активности (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1993.
10. Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности. М., 1968.
11. Недбайло П.Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение. 1971. № 3.
12. Томашев В.В. Диалектика взаимосвязи ответственности и свободы // Вестник Ярославского университета. 1974. Вып. 6.
13. Строгович М.С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5.
14. Липинский Д.А. Формы реализации юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999.
15. Тарханов И.А. Поощрение позитивного поведения и его реализация в уголовном праве (вопросы теории, нормотворчества и правоприменения): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2002.
16. Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация. М., 1982.
17. Неновски Н. Право и ценности: монография / вступ. ст. и пер. с болг. В.М. Сафронова; под ред. В.Д. Зорькина. М.: Прогресс, 1987.
18. Кучинский В.А. Личность. Свобода. Право. М., 1978.
19. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978.
20. Тюрина Н.И. Правомерное поведение как объект юридического исследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.
21. Назаров Б.Л. О юридическом аспекте позитивной социальной ответственности // Советское государство и право. 1981. № 10.

ВНЕШНИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

И.С. Крамской

(преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института МВД России, кандидат юридических наук;
ikramskoj@yandex.ru)

Статья посвящена понятию механизма государственно-правового регулирования и условиям его эффективности, таким как: уровень общественного правосознания, правовой культуры; индивидуальные свойства личности, которая реализует юридическую норму; надлежащий уровень законности и правопорядка в обществе; высокий уровень научного прогнозирования политической, экономической, социальной перспектив; планомерное развитие страны, ее экономическая состоятельность

Ключевые слова: правовое регулирование, механизм государственно-правового регулирования, цели правового регулирования, внешние и внутренние условия эффективности правового регулирования; юридические отношения, юридическая норма, законность, правовая культура, правосознание

Государство, осуществляя правовое регулирование тех или иных общественных отношений, использует особый механизм. Термин «механизм» в переводе с древнегреческого означает орудие, машина. В науке под механизмом принято понимать совокупность (последовательность) состояний, процессов, определяющих собой какое-нибудь действие, явление, а также систему, устройство, определяющие порядок какого-нибудь вида деятельности [1, с. 401]. В юридической литературе достаточно широко используется данная категория. Например, выделяют «механизм государства», «юридический механизм управления», «механизм правового воздействия», «механизм правового регулирования» «механизм правотворчества», «механизм реализации норм права» и т.д.

Категория «правовое регулирование» обычно определяется как «осуществляемое при помощи права и всей совокупности правовых средств юридическое воздействие на общественные отношения», как «целенаправленное воздействие на поведение людей и общественные отношения с помощью правовых (юридических) средств» [2; 3; 4]. Это в полной мере соответствует общепринятому пониманию термина «регулирование» (регулировать – упорядочивать, налаживать, направлять развитие, движение чего-нибудь с целью привести в норму, в систему) [5, с. 549].

Первым, кто сформулировал идею о связи всех правовых средств в едином механизме правового регулирования, был Н.Г. Александров [6], впоследствии она получила развитие в трудах С.С. Алексеева [7]. Именно тогда были выработаны понятия механизмов правового регулирования и социального действия права [8; 9]. С помощью указанных понятий ученым удалось раскрыть единство и глубокую связь между различными правовыми явлениями (нормами, правоотношениями, формами реализации права и т.д.), показать их роль как звеньев одной целостности. По мнению С.С. Алексеева, механизм правового регулирования (далее – МПР) следует понимать как взятую в единстве систему правовых средств, при помощи которых обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения [10, с. 9].

Однако в связи с тем, что надлежащее регулирование общественных отношений представляет собой основную социальную функцию не только права, но и государства, представляется более правильным использование термина «механизм государственно-правового регулирования», который предложили Н.Л. Гранат и В.В. Лазарев [11, с. 394].

Идея включения государства в механизм правового регулирования является, несомненно, позитивной и заслуживающей

внимания, так как изучение механизма через призму государственно-правового регулирования позволяет более последовательно и целостно его анализировать.

Механизм государственно-правового регулирования (далее – МГПР) призван:

– собрать вместе все части юридической надстройки и факторы, на нее влияющие, и расставить их по своим местам;

– увидеть те основные функции, которые выполняют юридические, социальные, психологические и другие факторы в процессе правового регулирования, т.е. в процессе выполнения правом своих функций;

– понять процесс трансформации правовых принципов и норм в поведение (правомерное и неправомерное), возникновение законности и правопорядка или правового нигилизма;

– обосновать необходимость совершенствования правового регулирования в обществе, повышения эффективности и качества реализации права, уровня юридической культуры [12, с. 16].

Анализ различных подходов в понимании МГПР и его средств показывает, что исследование данной проблемы подвергалось достаточно глубокому и всестороннему исследованию. Однако в юридической науке еще не сформировался общий единый подход к проблеме МГПР. При этом сам он зачастую исследуется исключительно через призму сугубо правовых средств и способов воздействия, его социально-психологическим, идеологическим, этическим, управленческим, организационным аспектам уделяется мало внимания.

Однако МГПР не является какой-то формальной, искусственной, «застывшей» конструкцией, случайным набором правовых инструментов. Наоборот, основная черта, характеризующая МПР, – это его динамическая сущность. Каждое звено данной цепи занимает в ней особенное место, выполняет специфические задачи и функции и в то же время включается в общую систему. Основное значение МПР заключается в том, что посредством его дается возможность видеть всю систему правовых средств (нормативно-правовых

актов, нормативных договоров, интерпретационных актов, правовых норм, юридических отношений, актов реализации и т.д.) в непрерывном взаимодействии и взаимосвязи в целях упорядочения общественных отношений.

Но в рамках государственно-правового регулирования не всегда возможно беспрепятственное воздействие на общественные отношения. Предполагается, что все нормы права, все законы одинаково совершенны, что все люди одинаково правомерно действуют, что государственные органы действуют в рамках закона. Однако несовершенство закона, пренебрежительное к нему отношение и т.п. неизбежно приводят к сбоям в действии механизма государственно-правового регулирования. Поэтому для определения всей совокупности факторов, воздействие которых способствует оптимизации МГПР, представляется необходимым, помимо установления критериев совершенства юридических средств, входящих в его состав и воздействующих на эффективность МГПР в целом, выделить и группу, которую составляют внешние условия, действующие вне данного механизма.

К числу таких факторов, в первую очередь, относится уровень общественного правосознания, правовой культуры. Правовая культура неразрывно связана с правосознанием и, подобно ему, пронизывает право. Как верно отмечает Е. Комарова, «правовая культура – в значительной степени результирующая категория, показатель уровня и особенностей правового развития общества, зеркало его правового сознания» [13, с. 65].

Претворение предписаний юридических норм в жизнь в значительной степени зависит от того, согласились ли адресаты норм с их содержанием, осознали ли необходимость и справедливость правовых требований, пришли ли к выводу о важности их неуклонного исполнения [14, с. 69]. Правосознание влияет на функционирование системы государственно-правового регулирования, поскольку активизирует ее, предостерегает против отрыва от жизни, от реальных интересов населе-

ния. И напротив, низкий уровень правосознания, наличие негативных установок по отношению к праву – одна из важнейших причин ослабления регулирующей роли права, наличия противоправного поведения. Но правосознание не способно обеспечить соблюдение норм, если они неверно отражают потребности общественного развития, несовершенны, противоречивы. Поэтому необходимо иметь в виду, что высокий уровень правосознания выступает лишь одним из условий оптимального государственно-правового регулирования.

К условиям действенности МГПР в литературе относят и индивидуальные свойства личности, которая реализует юридическую норму. Человек в своем поведении руководствуется не только правовыми предписаниями, но и своими интересами, привычными взглядами, эмоциями, чувствами. Если эти особенности у ряда лиц совпадают, данный фактор перерастает уже в условие эффективности, связанное с типом личности ее исполнителей, с господствующими воззрениями людей, даже если рассматривать действие закона в отношении индивидов, а не социальных групп, то и тогда очевидно, что результат такого действия зависит не только от права, но и от множества социальных характеристик рассматриваемого субъекта [15, с. 34].

Бесспорным представляется тот факт, что достижение целей государственно-правового регулирования невозможно без надлежащего уровня законности и правопорядка в обществе, которые, как и правосознание, выступают необходимыми условиями действенности МГПР.

Законность можно определить как принцип, метод и режим строгого, неуклонного соблюдения, исполнения норм права всеми участниками общественных отношений (государством, его органами, общественными и иными организациями, трудовыми коллективами, должностными лицами, гражданами – всеми без исключения). При этом принцип выступает как идеальная форма законности – соблюдать нормы права должны все. К сожалению, в действительности далеко не все право-

вые нормы и не всеми субъектами исполняются, имеет место немало нарушений законности, например, количество преступлений, зарегистрированных в 2006 г., по сравнению с аналогичным показателем 2002 г. возросло на 1 329 100 и составило 3 855 400 [16].

С законностью теснейшим образом связано другое правовое явление – правовой порядок (правопорядок). Правопорядок – это состояние упорядоченности общественных отношений, основанное на праве и законности. Это конечный результат реализации правовых требований и предписаний, результат соблюдения, исполнения правовых норм, т.е. законности. Именно правопорядок представляет собой цель правового регулирования, именно для его достижения издаются законы и иные нормативные правовые акты, осуществляется совершенствование законодательства, принимаются меры по укреплению законности [17, с. 310].

Значимой предпосылкой для формирования совершенного МГПР является высокий уровень научного прогнозирования политической, экономической, социальной перспектив. Разве нельзя было предвидеть, отмечает Ю.А. Тихомиров, в ходе нараставших межнациональных конфликтов бездействия законов о государственных структурах, неприменения норм УК к преступникам т.п.? Конечно, можно. Юридические конфликты как одна из характеристик меняющихся правовых систем требуют их предотвращения и устранения [18, с. 210].

По мнению некоторых ученых, одним из направлений повышения эффективности МГПР выступает знание правовых предписаний субъектами права [19, с. 31; 20, с. 81]. Правовые нормы не эффективны в той же мере, в какой они не известны. И хотя владение содержанием иных социальных норм, помимо правовых, при условии нахождения всех социальных регуляторов в системном взаимодействии может выступать своеобразным гарантом правомерного поведения, задавать единую направленность в оценке явлений, но такое знание не

может дать свободное владение правовым материалом.

Среди факторов, способствующих повышению уровня знания содержания нормативных правовых актов, можно выделить: распространение юридических знаний в пределах конституционных прав и свобод; выработку государственной программы по повышению уровня правовой грамотности со строгим закреплением ролевых задач и характером проводимых мероприятий за конкретными видами государственных учреждений; разработку стимулов повышения общеобразовательного уровня населения; создание целостной сферы информационной правовой среды.

Конечно, все эти условия повышения правовой информированности населения хорошо известны, но, как мы полагаем, необходимо сделать акцент на разъяснении именно механизмов, процессов реализации юридических норм и защиты, субъективных прав. Иногда процедура реализации принадлежащих лицам прав настолько сложна и забюрократизирована, что это может отпугнуть субъектов юридических отношений от возможности использования как самого принадлежащего им права, так и возможности его защиты в случае нарушения. Поэтому немаловажную роль играет не только повышение правовой информированности населения, но и доступность изложения юридических процедур в текстах нормативных правовых актов, их четкость и ясность.

Положительным образом на МГПР влияет и планомерное развитие страны, ее экономическая состоятельность. Устойчивая экономика выступает показателем сильного государства, способного гарантировать и организационную обеспеченность действия права, и поддерживать авторитет права в сознании граждан. Уровень экономического развития общества и государства должен быть таковым, чтобы могли быть обеспечены в полном объеме надлежащая скорость движения МГПР, его устойчивость, краткость, гибкость и т.д.

В.В. Путин в своем выступлении на заседании Государственного совета 8 фев-

раля 2008 г. «О стратегии развития России до 2020 года» отметил, что в прошлом году наша страна достигла самого большого прироста ВВП за последние 7 лет – 8,1 %. Однако и сейчас – на фоне благоприятной экономической конъюнктуры осуществляется лишь фрагментарная модернизация экономики, что неизбежно ведет к росту зависимости России от импорта товаров и технологий, к закреплению за нами роли сырьевого придатка мировой экономики и может повлечь за собой отставание от ведущих экономик мира, вытеснение нашей страны из числа мировых лидеров [21].

Подводя итоги, отметим наличие определенной пропорциональной зависимости, которую можно установить между совершенствованием МГПР и повышением качества условий его функционирования, в свою очередь тоже оказывающим влияние на его эффективность. Поэтому между качеством элементов механизма государственно-правового регулирования и факторами, способствующими его эффективности, существует диалектическая взаимосвязь, переход друг в друга, что означает их отношение друг к другу, как к взаимозависимым обоюдным условиям. Именно поэтому только соединение всей совокупности внешних и внутренних факторов, влияющих на государственно-правовое регулирование, воедино, может обеспечить существование подлинно эффективного механизма государственно-правового регулирования общественных отношений.

1. Краткий экономический словарь / под ред. А.Н. Азриеляна. М., 2001.

2. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в советском государстве. М., 1966.

3. Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М., 1998.

4. Лазарев В.В. Сфера и пределы правового регулирования // Советское государство и право. 1970. № 11.

5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1998.

6. Александров Н.Г. Правовые и произ-

- водственные отношения в социалистическом обществе // Вопросы философии. 1957. № 1.
7. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1966.
8. Явич Л.С. Право – регулятор общественных отношений в СССР. Душанбе, 1957.
9. Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961.
10. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. II. М., 1982.
11. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 1996.
12. Ямбушев Ф.Ш. Правовое сознание в механизме правового регулирования общественных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002.
13. Комарова Е. Правосознание и правовая культура как средство обеспечения правового воздействия // Современные проблемы совершенствования российского законодательства: сб. ст. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2002.
14. Долгова А.И. Правосознание как условие эффективности закона // Эффективность применения уголовного закона / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.Б. Михайловской. М.: Юрид. лит., 1973.
15. Эффективность действия норм права / А.С. Пашков, Л.С. Явич, Л.И. Спиридонов и др. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
16. URL: <http://www.gks.ru>.
17. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. 4-е издание, перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005.
18. Тихомиров Ю.А. Предприниматель и закон. М.: Экономика, 1996.
19. Чулюкин Л.Д. К вопросу об изучении эффективности уголовно-процессуальных норм // Вопросы эффективности советского уголовного процесса. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1976.
20. Никитинский В.И. Эффективность норм трудового права. М.: Юрид. лит., 1971.
21. URL: <http://www.edinros.ru>.

К ВОПРОСУ О ФОРМЕ ПРАВЛЕНИЯ

О.Д. Овчинникова

(преподаватель кафедры теории и истории права и государства
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук; olesya901@mail.ru)

Статья посвящена такому элементу формы государства, как форма правления; автором рассматриваются историческое развитие понятия, различные подходы к классификации, а также факторы, влияющие на становление формы правления.

Ключевые слова: форма правления, республика, монархия.

Форма правления представляет собой государственно-правовую категорию, под которой понимается один из элементов формы государства. Отношение к указанному понятию в литературе неоднозначное. Изначально исследованием данной категории занимались философы. Анализ содержания их работ стал подтверждением того, что на раннем этапе становления юриспруденции они отождествляли такие понятия, как форма правления и форма государственного устройства. При этом мнения придерживались практически все исследователи вплоть до начала XX века. Так, Аристотель стал одним из первых исследователей, попытавшихся сформулировать дефиницию формы правления. Под государственным устройством (*politeia*) он понимал распорядок в области организации государственных должностей вообще, и в первую очередь верховной власти: верховная власть повсюду связана с порядком государственного правления (*politeuma*), а последний и есть государственное устройство [1, с. 506]. Из определения видно, что ученым практически отождествляются понятия «форма правления» и «государственное устройство».

Мыслители античности относили вопрос о классификации формы правления к числу наиболее значимых. Так, Платон и Аристотель выделяли две группы форм правления: классические (царская власть, аристократия, демократия (полития) и три отклоняющиеся от них – тирания, олигархия и охлократия (анархия) [1, с. 506; 2, с. 58]. Аналогичной точки зрения относительно основных форм правления придержи-

живались Полибий, Цицерон, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо и др. Следует отметить, что первоначально критерием для классификации форм правления выступало количество лиц, которым принадлежит верховная власть. Если власть в руках у одного правителя, то налицо монархия, если власть в руках немногих – это аристократия, при условии, что власть в руках всего населения, то это демократическое государство. Вторым критерием являлся характер властвования, то есть то, чем руководствуются правители при осуществлении своей власти: общественной пользой или личной выгодой. Если власть в государстве осуществляется в интересах населения, а правители проявляют заботу о своих гражданах, то налицо правильные формы правления (монархия, аристократия, полития). Если же происходит обратное и личная выгода выходит на первый план по сравнению с общественной пользой, а правитель осуществляет правление в собственных интересах, то монархия превращается в тиранию; аристократия трансформируется в олигархию, когда власть осуществляется в интересах группы лиц, стоящих у власти; а полития – в демократию, тем самым образуя отклоняющиеся формы правления. Позже И. Кант к количественному критерию добавил наличие принципа разделения власти, на основании чего перешел к двучленному делению форм правления, где было разделение властей – существовала республиканская форма правления, а в случае его отсутствия – монархическая [3, с. 454].

Вопрос о сущности формы правле-

ния до сих пор остается дискуссионным. Связано это с тем, что на сегодняшний день юридические источники обеспечили многообразие подходов к понятию формы правления. На наш взгляд, это позволяет в зависимости от заложенного в них содержания свести их в три группы.

1. Форма правления рассматривается как способ организации только высших органов государственной власти.

Такая трактовка в понимании формы правления поддерживается большинством российских ученых [4, с. 47]. Она позволяет определить вид и разновидность формы правления с помощью анализа структуры, полномочий, порядка формирования и функционирования центральных органов государства. В соответствии со структурой механизма государства к ним относятся Президент, Парламент и Правительство. При этом анализируемая категория с рассматриваемой точки зрения имеет определенные спорные моменты. Например, большинство современных государств помимо вышеперечисленных органов имеют в своей структуре и иные важные учреждения (такие как Государственный Совет, Совет безопасности, Счетная палата, возможно формирование Конституционного собрания и др.), в большинстве своем совещательного характера. Следует ли их подвергать анализу с точки зрения указанного подхода? Ответ на данный вопрос можно найти в Основном законе государства. Согласно ст. 11 Конституции осуществление государственной власти в Российской Федерации возлагается на перечисленные в статье федеральные органы государственной власти: Президента, Федеральное собрание, Правительство, суды (Конституционный, Верховный, Высший арбитражный и иные федеральные суды). Данная норма права носит императивный характер, следовательно, перечень учреждений государственной власти является исчерпывающим и не подлежит расширению без изменения гл. 1 Конституции России. Иной точки зрения относительно данного вопроса придерживаются Т.Я. Хабриева и В.Е. Чиркин, считая, что в форме правления следует учитывать современную роль

других центральных органов государства (например, контрольных органов, участвующих в управлении государством), а также методы управления, формы прямых и обратных связей [5, с. 250].

2. Форма правления включает в себя способ организации всех органов государства (высших и местных).

Так, чешский юрист Й. Благож считает, что в понятие формы правления также необходимо включать и систему политических партий, и их взаимоотношения с высшими государственными органами, особенно отношения, касающиеся принятия решений по важным политическим и государственным вопросам [6, с. 22].

Этот подход является более трудоемким, поскольку при определении формы правления анализу подвергается не только верховный аппарат государственной власти, но и центральные, судебные, контрольно-надзорные, а также местные органы, включаемые некоторыми исследователями [7, с. 300] в рассматриваемую категорию. Считаем целесообразным использование данного подхода при определении форм правления не только развивающихся государств, к которым следует отнести страны Африки, Азии, Латинской Америки, но и государств переходного типа (например, постсоциалистические государства). Это связано с тем, что в большинстве случаев определить форму правления в этих странах возможно лишь на основе полного исследования деятельности не только центрального аппарата государственной власти, но и полномочий контрольно-надзорных, судебных, а также местных органов власти.

3. К третьей группе относится точка зрения, согласно которой в понятии исследуемой категории вообще не указывается, какие государственные учреждения необходимо подвергнуть рассмотрению для определения функционирующей в государстве формы правления. Согласно позиции отдельных исследователей (например, М.И. Абдулаева, С.А. Комарова, В.Н. Корнева и др.) форма правления – это отражение способов организации государственной власти конкретного государства, а

также того, кто и как ее должен осуществлять.

Объединяющим моментом всех подходов является то, что их представители считают необходимым включать в понятие формы правления такой элемент, как участие населения в формировании органов власти.

В настоящее время остается спорным вопрос о необходимости включения в понятие формы правления такого признака, как компетенция, и распределения ее между органами государственной власти. Около трети современных ученых-юристов придерживаются мнения, что она является неотъемлемым элементом формы правления [8, с. 90], но высказываются и противоположные мнения. Например, по мнению В.С. Петрова, не следует включать в форму правления весь объем организации всех органов власти и управления и разграничение между ними компетенции, поскольку такое расширение понятия формы правления может привести к его отождествлению с понятием механизма государства [9, с. 57].

Полагаем, что здесь следует говорить не об отождествлении понятий, а об их тесной взаимосвязи. Дело в том, что к механизму государства, как и форме правления, относятся вопросы, касающиеся системы государственных органов. На сегодняшний день не представляется возможным правильно определить форму правления государства без учета сведений о полномочиях и распределении их между государственными органами.

Своеобразное преодоление множественности подходов к понятию «форма правления» предлагает Я.И. Оприлов. Он синтезировал имеющееся многообразие мнений в единую «нейтральную» точку зрения, согласно которой форма правления – это элемент формы государства, складывающийся из фактической и юридической сторон образования и организации (структуры, правового положения и взаимоотношения) высших органов государственной власти, а также тех органов государства, которые наделены самостоятельными властными функциями [10, с. 32].

В целом с предложенным подходом можно согласиться. Но непонятно, какие организации подразумеваются под «органами государства, наделенными самостоятельными властными функциями». Относятся к ним только центральные или также государственные структуры регионального уровня.

Необходимо отметить, что еще задолго до Я.И. Оприлова Й. Благож выделил в форме правления юридическую сторону (она закреплена в нормативных правовых актах) и фактическую сторону, которая указывает направление развития формы правления в конкретном государстве [6, с. 21-22]. Й. Благож считает, что определить подлинную форму правления государства возможно лишь при анализе обеих сторон в совокупности с изучением функционирующего в том же обществе политического режима. Причина в том, что эти элементы формы государства находятся не просто в тесной взаимосвязи, но порой представляют собой одно целое.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что форма правления, являясь стержневым элементом формы государства, представляет собой объект пристальных исследований. Однако вопрос об ее выборе остался за рамками проводимых изысканий. В целях освещения данного аспекта следует отметить, что форма правления не избирается произвольно, а является потребностью жизни. Государством избирается только то правление, которое в наибольшей степени соответствует сложившимся условиям либо способствует экономическому, социально-политическому, культурному развитию страны. Так, идеологический фактор исламской религиозной идеологии обуславливает такую форму правления, при которой руководитель государства является одновременно и духовным лидером, совмещающим в своих руках светскую и религиозную власть. Кроме того, необходимо отметить зависимость формы правления от культуры и традиций, именно благодаря которым была сохранена монархия в Японии, имеющая более чем тысячелетнюю историю.

Следует указать, что причину уста-

новления той или иной формы правления невозможно объяснить без анализа характера производственных отношений. В тех государствах, в которых преобладала частная собственность, закрепилась республиканская форма правления, при преобладании государственной и общественной собственности – монархическая. Так, особенностью стран, развивающихся по восточному пути (Китай, Египет, Индия), стало то, что административно-государственные структуры, сформированные для выполнения грандиозных общественных работ, складывались раньше, чем возникала частная собственность (узурпировались не средства производства, а управление ими). В основе экономики восточных государств находилась не только государственная, общественная, но и частная собственность. Однако последняя не оказывала существенного влияния на экономику, поскольку она, как и ее владельцы, находилась в безраздельной власти монарха, а ее количество было несущественным по сравнению с собственностью государственной. Следовательно, отсутствие частной собственности способствовало формированию монархической формы правления, имеющей на первоначальном этапе деспотический характер.

В отличие от восточных государств, в Европе на первоначальных этапах разложения общинного строя появляется частная собственность. Именно она является базисной основой для утверждения экономического господства имущих классов, начинает влиять на институты публичной власти и использовать их для защиты своих интересов.

В итоге, целесообразно говорить о том, что форма правления в своей основе имеет объективный характер, обусловленный воздействием таких факторов, как экономика, форма собственности, исторический опыт и т.д. Определенное влияние на выбор формы правления оказывает и размер территории государства. Так, в древние и средние века в государствах с большой территорией республиканская форма правления не могла функционировать, поскольку возникали трудности при

реализации представительной власти, что связано с плохими условиями коммуникации, связи и транспорта. Так, когда Рим был небольшим государством, он закреплял республиканскую форму правления. Позже, когда в результате завоевательных войн территория Рима значительно расширилась, форма правления трансформировалась в монархию. Следовательно, при обширных территориях возникают монархии (империи) – Франция, Россия, Германия, при небольших территориях – республики.

Субъективный фактор также оказывает определенное, но не решающее влияние на форму правления. Это связано с тем, что выбор и становление формы правления не осуществляется отдельными субъектами, а является результатом работы на протяжении длительного периода времени. В то же время личностные качества отдельных политических лидеров позволяют концентрировать государственную власть в своих руках и осуществлять ее в авторитарном или тоталитарном режиме, что порой является исторической необходимостью. Так, в 1933 г., когда Гитлер оказался у власти, Германия находилась в руинах и развалинах. За время своего правления он не только преодолел экономический кризис в государстве, но и завоевал демократические страны.

Реализация субъективного фактора в условиях российской формы правления нашла выражение в таких исторических особенностях, как отождествление главы государства с конкретной личностью, а также превалирующее положение ее по отношению к другим властвующим структурам. Связано это с тем, что российское государство в основном возглавляли сильные, зачастую авторитарные личности.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что форма правления является одним из важных государственных институтов, характеризующихся динамичностью и изменчивостью, на становление которого непосредственное влияние оказывает система объективных и субъективных факторов.

1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Мн.: Литература. Классическая философская мысль, 1998. 1392 с.
2. Платон. Законы. М.: Мысль, 1999. 832 с.
3. Шершеневич Г.Ф. История философии права: монография. Спб.: Лань, 2001. 528 с.
4. Арановский К.В. Государственное право зарубежных стран: учебник для вузов. М.: ИД «ФОРУМ» ИНФРА, 2000. 488 с.
5. Хабриева Т.Я. Теория современной конституции: монография. М.: Норма, 2005. 320 с.
6. Благож Й. Формы правления и права человека в буржуазных государствах: монография. М.: Юрид. лит., 1985. 222 с.
7. Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Проспект, 2004. 648 с.
8. Бабаев В.К. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Юристъ, 1999. 591 с.
9. Петров В.С. Тип и формы государства: монография. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1967. 119 с.
10. Опритов Я.И. Специфика формы государственного правления современной России: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2001. 177 с.

Раздел 2. Проблемы государственного и муниципального строительства

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В СВЕТЕ ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ (12 НОЯБРЯ 2009 г.)

А.В. Изингер

(преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Тюменского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук; alexander_16.08@mail.ru)

В статье рассматриваются вопросы модернизации политической системы современной России в свете Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, обнародованного 12 ноября 2009 г. Проводится краткий анализ основных положений Послания в сфере реформирования политической системы Российской Федерации на региональном уровне. Исследуется преемственность в модернизации политической системы президентами РФ с 2000 года по настоящее время.

Ключевые слова: *Послание Президента РФ, политическая система, модернизация, реформирование, региональный уровень.*

Рубеж 80–90-х годов прошлого столетия стал в истории Российского государства переломным моментом. Во многом он был обусловлен крушением устоявшегося советского общественного строя и авторитарного политического режима на фоне активного формирования демократических и рыночных начал политической и экономической жизни, которое продолжается и в настоящее время.

Современный этап общественного развития в Российской Федерации воспринимается как весьма специфический, характеризующийся переходом государства в качественно иное состояние под воздействием процессов реформирования. Данные процессы затронули все без исключения области государственной деятельности, в том числе развитие политической системы.

Безусловно, реформирование или модернизация политической системы России – весьма противоречивое явление, которое влечет за собой не только позитивные, но и негативные последствия. Вместе с тем модернизация данной системы на сегодняшний день – объективное явление, и остановить ее невозможно. При этом следует отметить, что развитие институтов гражданского общества в России позволяет оперативно выявлять определенные недо-

работки в законодательном регулировании или практической реализации процессов реформирования политической системы. Это в свою очередь влечет выработку путей и способов преодоления данных негативных для развития государства последствий модернизации со стороны органов власти.

Эффективность реформирования различных сфер государственного управления, в том числе и политической, предполагает определенную системность. В связи с этим необходимо отметить, что государственная политика в этой области, инициируемая президентами России начиная с 2000 года, носит строгий системный порядок. Данный процесс можно проследить по докладам глав государства, представляемым на ежегодном Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации.

Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию является конституционно закрепленной обязанностью (ст. 83 Конституции РФ). В Толковом словаре русского языка под посланием понимается «письменное обращение государственного деятеля к другому государственному деятелю по какому-нибудь важному государственному, политическому вопросу» [1, с. 557]. Заслуживает

внимания тот факт, что Конституция РФ не определяет статус ежегодного Послания Президента РФ Федеральному Собранию и не наделяет его обязательной юридической силой, а лишь упоминает его как причину для совместного заседания палат федерального парламента (п. «е» ст. 84, ч. 3 ст. 100). Но говорить о Послании как о некой формальности, осуществляемой лишь в силу обязанности, нельзя. Совет Федерации РФ определяет обращение как политико-правовой документ, устанавливающий приоритеты, программные цели и задачи деятельности органов государственной власти Российской Федерации [2, с. 315].

Практика показывает, что президентское Послание носит характер базисного документа, как для органов государственной власти, так и для общества в целом. Послание Президента РФ Федеральному Собранию позволяет главе государства довести до сведения Государственной Думы и Совета Федерации основополагающие цели и задачи, ставящиеся на будущее перед государственными органами. Необходимо также отметить, что, помимо реализации указанной функции, Президент РФ посредством Послания доводит основные направления государственной деятельности практически во всех областях до ветвей власти и, что главное, до сведения граждан Российской Федерации.

Четкая функциональная направленность Послания Президента РФ позволяет в дальнейшем не только представить направления реформирования, модернизации государства, но и сформировать конкретные цели деятельности, сформулировать задачи, на реализацию которых будут направлены все ветви власти.

Безусловно, послания Президента Федеральному Собранию не являются закостенелыми с точки зрения структуры. Они характеризуются различными параметрами – сложностью поставленных в них задач, а также формой представления информационно-аналитических материалов. Обращение включает в себя анализ положения дел в стране и основные задачи в социальной, экономической и политичес-

кой сферах. Ежегодно, в зависимости от целей и задач государства, глава государства, рассматривая основные направления государственной и социальной политики, выделяет вопросы, посвященные экономике, социальной сфере, вопросам реформирования государственного устройства и др. При этом Президент РФ особо отмечает сферы, представляющие интерес на данном этапе развития государства, определяя дальнейшее направление в решении проблем, возникающих в конкретной области.

Политическая система и вопросы реформирования в данной сфере занимают особое место во всех обращениях Президента РФ к Федеральному Собранию. Не стало исключением и Послание Президента Российской Федерации Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации 12 ноября 2009 года. В частности, одним из наиболее важных аспектов дальнейшего развития политического устройства Дмитрий Анатольевич отметил именно вопрос ее модернизации.

Следует отметить, что процесс модернизации политической сферы для России не является новым. В силу различных причин с конца прошлого века реформирование в данной области проводилось неоднократно. Вместе с тем политика по развитию данного направления, на основе принципов демократии, начиная с 2000 года, приобрела четкую системную направленность.

Проводя анализ Посланий Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации, начиная с 2000 года, когда главой государства являлся В.В. Путин, и до сегодняшнего дня, когда Президентом является Д.А. Медведев, необходимо отметить четкую линию укрепления и развития политической системы России. В частности, в своем Послании 8 июля 2000 года В.В. Путин отмечал, что «...за прошедшее десятилетие в стране произошли принципиальные перемены – Конституцией гарантированы права и свободы личности, сформирована демократическая политическая система, стала реальностью многопартийность... Однако буква закона и реальная жизнь подчас далеки друг

от друга. В России построен лишь каркас гражданского общества. Сейчас требуется совместная терпеливая работа, чтобы оно стало полноценным партнером государства» [3]. Следует отметить, что на протяжении всего периода нахождения В.В. Путина на должности главы государства он строго следовал целям и задачам модернизации и реформирования политической системы, поставленным в 2000 году.

С приходом к власти Д.А. Медведева процесс реформирования политической системы в Российской Федерации не прервался. В своем Послании в 2008 году Дмитрий Анатольевич уделил этому аспекту много внимания. Он отмечал, что прежде всего необходимо принять меры по дальнейшему повышению уровня и качества народного представительства во власти, способного обеспечить большую включенность граждан в политическую жизнь. В связи с этим были сформулированы вполне конкретные решения по развитию гражданского общества и демократического государства. Это и дальнейшие децентрализация и гуманизация социального устройства и политической системы, выражающиеся прежде всего в доверии все большего числа социальных и политических функций непосредственно гражданам, их организациям и самоуправлению.

При этом необходимо особо отметить, что реформирование, проводившееся на протяжении восьми лет, с 2000 по 2008 гг., в большей степени было направлено на развитие и реформирование политической системы на федеральном уровне, и лишь незначительно затрагивало региональную сферу. Но, как представляется, истинно демократическим государством является только то государство, в котором демократические принципы и ценности представлены на всех уровнях, центральном и региональном.

Этому вопросу значительное внимание уделил Д.А. Медведев в своем Послании 12 ноября 2009 г. В частности, им было отмечено, что политические партии, которые сегодня действуют в нашей стране, прошли испытание временем, и на следующем этапе необходимо уделить особое

внимание укреплению демократических институтов на региональном уровне.

В связи с этим Президентом РФ были предложены следующие меры:

1. Ввести единый критерий установления численности депутатов органов законодательной власти субъектов Российской Федерации.

2. Все партии, представленные в региональных парламентах, должны получить возможность формировать фракции. Всем должно быть гарантировано, что из их представителей будут замещаться депутатские вакансии для работы на постоянной основе и на руководящих постах.

3. Там, где это еще не установлено, партии, за которые на региональных выборах проголосовало более 5 % избирателей, должны получить гарантии представительства в законодательном органе субъекта Федерации.

4. Партии, не представленные в Государственной Думе, но имеющие фракции в законодательных собраниях субъектов Федерации, следует освободить от сбора подписей для участия в региональных выборах в соответствующих регионах и для муниципальных выборов, а в перспективе вообще отказаться от сбора подписей как метода допуска партии к выборам.

5. Органы законодательной власти всех уровней как минимум одно заседание в году должны посвящать заслушиванию и обсуждению сообщений и предложений партий, не представленных в законодательных органах.

6. Следует навести порядок с досрочным голосованием на местных выборах, проанализировать практику использования открепительных удостоверений и принять необходимые меры для предотвращения незаконных манипуляций в данной области.

7. Рекомендовать во всех субъектах Российской Федерации принять законы о гарантиях равного освещения в средствах массовой информации деятельности партий, представленных в региональных парламентах.

8. В уставы и конституции субъектов Российской Федерации включить статьи о

ежегодном отчете руководителей исполнительной власти перед местным парламентом по аналогии с Конституцией России.

9. Выработать программу перехода к выборам в представительные органы власти всех уровней исключительно по партийным спискам.

10. Продолжить и активизировать работу по «технологическому обеспечению» политической конкуренции.

Анализ пунктов последующей модернизации политической сферы России показывает обеспокоенность Президента Российской Федерации соблюдением прав и свобод политических партий, их реальной возможностью реализации стоящих перед ними целей, и прежде всего представительством интересов граждан.

При этом Президент РФ, отстаивая интересы политических партий, особый акцент делает на законности деятельности самих общественно-политических формирований.

В чем заключается суть предлагаемых Президентом РФ мер по модернизации политической системы России?

Часть из них следует отнести скорее к техническим вопросам, например, касающиеся численности депутатов. Отсутствие нормы федерального законодательства, устанавливающей максимальное количество депутатов в законодательном органе субъекта Федерации, как это сделано, например, в федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления» [4, ст. 35] для органов местного самоуправления, позволяет субъектам самостоятельно определять эту численность. При этом чаще всего обоснованного критерия установления ее численности нет. На это обратил внимание и глава государства: «...многомиллионное население экономически сильной Москвы представлено в городской думе 35 народными избранниками, а в Народном Хурале Республики Тыва (экономические возможности которой, к сожалению, куда как более скромные по сравнению с Москвой, а население в 30 с лишним раз меньше) заседает 162 депутата» [5]. Таким образом, предложение Д.А. Медведева о необходимости пре-

дусмотреть гибкий порядок постепенного выравнивания этих перекосов является рациональным.

Кроме того, в целях соблюдения законности Президент РФ предлагает также сделать работу законодательных органов и порядок их формирования более открытыми. В частности, на это направлены предложения о введении практики освещения в средствах массовой информации деятельности партий, представленных в региональных парламентах, и внедрение электронных средств подсчета голосов и обработки информации на избирательных участках, что будет способствовать борьбе со злоупотреблениями в ходе избирательных кампаний, сделает избирательную систему на региональном уровне более прозрачной. Предусмотренные правительственными планами продвижение широкополосного Интернета в российские провинции откроет новые перспективы для свободных общественных дискуссий на любые темы и получения всесторонней информации о событиях в стране и мире.

Что касается возможности представлять интересы избирателей партиям, набравшим 5 % голосов избирателей на региональных выборах, то здесь Президент РФ предлагает ввести гарантии представительств их в законодательных органах субъектов Федерации, что позволит данным органам соответствовать понятию «представительный» в большей степени. Кроме того, по мнению Д.А. Медведева, органы законодательной власти всех уровней как минимум одно заседание в год должны посвящать заслушиванию и обсуждению сообщений и предложений партий, не представленных в законодательных органах. Таким образом, эти меры позволят улучшить качество народного представительства и создать дополнительные условия для свободной, справедливой и цивилизованной конкуренции между партиями.

Кроме того, еще одним направлением модернизации политической системы является предложение об отмене сбора подписей как метода допуска партии к выборам. Как подчеркнул Д.А. Медведев,

«Наше законодательство и без того достаточно требовательно к качеству партийного строительства. Оно обязывает партии иметь значительную численность, это прямо зафиксировано в законе, и действовать в большинстве регионов страны. Так что дополнительные тесты на массовую поддержку и организационные способности им проходить не нужно» [5]. Данная мера является продолжением предложенного главой государства в 2008 году отказа от использования денежного залога на выборах всех уровней и позволит, во-первых, сократить расходы в ходе предвыборной кампании, а во-вторых, акцентировать внимание партий на разработке и реализации их программы, а не на соблюдении излишних формальных требований.

Важным моментом Послания является также предложение о введении ежегодного отчета руководителей исполнительной власти перед местным парламентом по аналогии с Конституцией России. Данная мера тоже направлена на повышение уровня законности в деятельности указанных органов. Однако необходимо учитывать, что в связи с отсутствием возможности применения мер ответственности к руководителю исполнительного органа субъекта Федерации со стороны регионального парламента, данная мера будет носить скорее информационный характер. В связи с этим представляется целесообразным данному отчету законодательно придать статус Послания главы субъекта Российской Федерации законодательному органу соответствующего субъекта Федерации. При этом необходимо отметить, что данная практика применяется в отдельных субъектах уже давно. В частности, ежегодные Послания Президента РФ Федеральному Собранию дали импульс высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации к подготовке своих собственных политических обращений к нормотворческим органам о социально-экономическом положении, бюджетной политике и основных направлениях развития регионов [6, с. 15].

Подводя итог, следует отметить, что процесс модернизации политической сис-

темы Российской Федерации переживает очередной виток. Многопартийная система в Российской Федерации в целом сложилась. Она стала стабильно функционирующим общенациональным политическим институтом, важнейшим инструментом, обеспечивающим фундаментальные права и свободы народа, в том числе и его исключительное право на власть. В то же время многие аспекты политической жизни подвергаются общественной критике: проблемы в организации выборов, низкий уровень политической культуры, дефицит глубоко проработанных альтернативных предложений по конкретным вопросам социально-экономического развития. Таким образом, процесс модернизации политической системы России, заключающийся в продолжении совместной работы по улучшению качества народного представительства и созданию дополнительных условий для свободной, справедливой и цивилизованной конкуренции между партиями является обоснованной необходимостью.

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук; Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1995.
2. Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2007 г. «О состоянии законодательства в Российской Федерации». М.: Совет Федерации, 2008.
3. Сайт В.В. Путина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.putin2004.ru/putin/press> (дата обращения: 30 нояб. 2009).
4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 28.11.2009) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
5. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 30 нояб. 2009).
6. Брюнин В.В. Послания высших должностных лиц субъектов Российской Федерации как фактор, определяющий стратегическое планирование законодательной деятельности // Адвокат. 2008. № 9.

О СООТНОШЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ОХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Д.В. Пожарский

(начальник кафедры гуманитарных дисциплин

Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук,
доцент; human@vui.vladinfo.ru)

Взяв за основу рассмотрение различных аспектов соотношения важнейших функций государства – экономической и охранительной, автор статьи приходит к выводу о том, что все функции государства находятся в тесной органической связи между собой, образуют систему.

Ключевые слова: экономическая функция государства, охранительная функция государства, законность, правопорядок, экономика, экономический фактор.

Государственно-правовая охрана общественных отношений необходима всегда, – считает профессор Т.Н. Радько, – поскольку идея беспреступного общества остается не более чем мечтой отдельных романтиков» [1, с. 117].

Следует отметить, что относительно наименования охранительной функции государства в современной юридической литературе наблюдается вариативность. Данная деятельность именуется по-разному: «функция защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности и правопорядка» [2, с. 68], «функция охраны правопорядка и укрепления законности» [3, с. 32], «функция охраны прав и свобод граждан, всех форм собственности, правопорядка» [4, с. 57], «правоохранительная функция», «функция охраны прав и свобод личности» [5, с. 11], «охранительная функция» [6] и др.

На наш взгляд, при рассмотрении и определении точного наименования данной деятельности государства более правильно исходить не только из ее предметной направленности (предметный критерий), но и природы, характера и функциональных особенностей конкретных видов охранительной деятельности (функциональный критерий) [1, с. 117].

Следует согласиться с Т.Н. Радько, считающим, что более правильным является структурный подход к анализу охранительной функции, поскольку этот прием позволяет избежать излишней абстрактности и более полно ее охарактеризовать

[1, с. 118]. Действительно, при перечислении всех сфер общественных отношений, нуждающихся в государственно-правовой охране, а следовательно предметно обуславливающих охранительную функцию, довольно трудно избежать излишней множественности. Например, в учебнике «Теория государства и права», изданном под редакцией профессора С.С. Алексеева в 1985 г., среди внутренних функций советского государства названы: «функция охраны и преумножения социалистической собственности», «функция охраны социалистического правопорядка, прав и свобод граждан», «функция охраны природы и рационального использования природных ресурсов» (курсив наш. – Д.П.). Получается, что каждая функция государства в известном смысле охранительная.

Видимо, следует различать две различные группы функций: функции-задачи и функции-операции (данная точка зрения существует в отечественной правовой науке – М.А. Бухтерева, Б.П. Курашвили, Ю.А. Тихомиров). Так, например, в современной юридической науке появились исследования контрольно-надзорной [7] и информационно-коммуникативной [8] функций государства. В структуре охранительной функции можно выделить следующие подфункции [1, с. 118]:

- охрана конституционного (государственного) строя;
- охрана прав и свобод человека;
- охрана собственности;
- охрана общественного порядка;

- охрана природных ресурсов и окружающей природной среды;
- борьба с преступностью.

В конкретных историко-политических условиях перечень подфункций в структуре охранительной функции может быть дополнен или сокращен без ущерба для титульного и собирательного наименования этого направления деятельности государства.

Реализация практически каждой из указанных подфункций связана с общественными экономическими отношениями.

Применительно к подфункции охраны конституционного (государственного) строя необходимо отметить, что в конституционно-правовой литературе среди основ конституционного строя называются экономические основы (единство экономического пространства, свобода перемещения товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности, многообразие форм собственности). Вполне очевидно, что, охраняя конституционный строй в целом, государство охраняет и его экономическую составляющую.

Подфункция охраны прав и свобод человека также напрямую связана с экономической сферой, поскольку именно в этой сфере человек реализует свои гарантированные Конституцией РФ экономические права и свободы [9, с. 14-15]: право собственности, право заниматься предпринимательской деятельностью, свобода экономической деятельности. Другими словами, экономические права человека являются объектом данной подфункции. Охраняя и защищая указанные права и свободы, государство подтверждает их высшую ценность, неотчуждаемость и гарантированность. Стоит также отметить, что при охране конституционных экономических прав и свобод никоим образом не умаляются иные экономические права и свободы, закрепленные в отраслевом законодательстве. Их охрана так же обязательна, как охрана основных конституционных прав и свобод личности.

Подфункция охраны природных ресурсов и окружающей среды также имеет

непосредственное отношение к экономической функции. Для российской экономики это имеет особое значение, поскольку на современном этапе основным источником экономического роста по-прежнему остается благоприятная ценовая конъюнктура на энергоносители, добываемые из недр.

Подфункция охраны общественного порядка также тесно связана с экономической деятельностью государства. Вполне очевидно, что, охраняя общественный порядок, государство охраняет также правовой порядок, обеспечивает законность. В этой связи отметим, что в юридической науке уже давно отмечается наличие тесной связи между экономическими факторами, законностью и правопорядком. Т.Н. Радько считает, что «если экономические факторы содействуют укреплению законности, то они могут быть отнесены к экономическим гарантиям, а если дестабилизируют ее, отрицательно сказываются на процессе реализации прав и свобод граждан, то гарантией законности считать их нельзя» [1, с. 490]. А.Б. Ендин отмечает, что «укрепление законности должно стать первоочередной задачей экономической политики (функции) государства» [10, с. 14].

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что подфункция охраны общественного порядка устремлена, помимо прочего, в экономическую сферу, поскольку последняя представляет собой значительный сегмент общественной жизни и регулируется различными нормами, в том числе правовыми. Охрана экономического порядка, экономической дисциплины, экономической законности – важная задача государственных органов.

Что касается подфункции борьбы с преступностью, то необходимо отметить, что ценность некоторых экономических общественных отношений послужила основанием для признания посягательств на них преступлениями. Законодатель не случайно выделил самостоятельный раздел «Преступления в сфере экономики» в УК РФ, включающий в себя такие главы, как: «Преступления против собственности», «Преступления в сфере экономической деятельности», «Преступления против

интересов службы в коммерческих и иных организациях».

Сегодня вряд ли вызовет удивление утверждение о том, что значительный сегмент национальной экономики является теневым, криминальным. Определить масштабы теневой экономики в полном объеме не представляется возможным. По данным статистических органов, теневая экономика в России составляет приблизительно 38-45 % ВВП (ряд независимых экспертов называют 50 %).

Комиссия ЕС в Брюсселе опубликовала доклад, в котором указывается, что в скандинавских странах теневая экономика составляет до 5 % ВВП, в группе стран (Бельгия, Франция, Великобритания) от 5 до 20 %, в ряде других (Греция, Италия) – более 20 % [11, с. 17]. Отмечается, что обострение криминальной ситуации в сфере экономики в основном связано с недостаточным уровнем развития и совершенствования институтов власти и их механизмов, нормализации деятельности правоохранительных органов и отсутствием достаточной стабилизации социально-экономического положения общества, наличием внутренних напряжений [11, с. 15]. Однако при этом редко указывается на то, что наряду с теневой экономикой существует и теневое право [12, с. 40-47]; при этом оба явления по отношению друг к другу попеременно выступают в качестве причины и следствия.

Противодействие криминальным явлениям в экономике становится неотложной задачей государства, всего общества, начиная с совершенствования старых и формирования новых институтов хозяйствования и механизмов выведения из криминальных отношений неопасных для общества видов экономической деятельности, а также борьбу с криминальными структурами [11, с. 3].

Не менее важной задачей сегодня можно считать совершенствование финансово-экономического контроля, поскольку без контрольной (надзорной) функции обеспечить охрану правопорядка невозможно [13, с. 5], в том числе и в экономической сфере.

В целом можно отметить, что охранительная функция государства носит обеспечивающий характер по отношению к экономической функции. Вместе с тем, экономическая функция нередко оказывает воздействие на охранительную политику государства. Экономический фактор играет важную роль в осуществлении охранительной функции.

Вместе с тем созидательное воздействие экономической функции на охранительную не является единственным аспектом соотношения этих явлений. В условиях экономических преобразований, направленных на формирование либеральной экономики, соотношение государственно-правовой охраны и экономики нередко носит классово-антагонистический характер. Наиболее рельефно подобный характер этих связей проявляется в сфере предпринимательства и бизнеса. Не секрет, что извлечение прибыли является основной целью предпринимательской деятельности – такова природа бизнеса. Между тем нередко процесс достижения этой цели сопряжен с нарушениями социальных норм, в том числе и правовых. Нарушения юридических норм, как правило, оправдываются экономической рентабельностью, новыми политическими условиями, дефицитом времени на соблюдение всех правил.

Так, В.А. Мау считает, что «...экономическая целесообразность требовала быстрых (и политических и юридических) ответов на вопросы создания в России рыночной экономики и частной собственности» [14, с. 22]. При этом автор называет тех, кто считает приватизационный процесс грабительским, поверхностными политиками и публицистами. Считаем, что с сугубо юридической точки зрения подобная позиция должна быть отвергнута. Разве может целесообразность, даже экономическая, в системе координат правового государства требовать, командовать правом, особенно законностью? Что касается «поверхностных», то автор, видимо, не случайно постеснялся к их числу отнести ученых-юристов. Ведь этот ряд могли бы пополнить такие известные ученые, как Ю.Е. Аврутин, В.К. Бабаев, М.И. Байтин,

А.В. Корнев, Н.И. Матузов, В.С. Нерсесянц, А.М. Тарасов, А.Н. Харитонов и др., чье мнение относительно криминального характера российской приватизации вряд ли можно назвать поверхностным. Однако именно здесь находятся истоки определенного противоречия между экономической и охранительными функциями государства. Предприниматель, для которого экономическая целесообразность и рентабельность превыше всего, – с одной стороны, и субъекты правоохранительной (контрольно-надзорной) деятельности, прежде всего обеспечивающие (в том числе на уровне теоретических изысканий и рекомендаций) законность, – с другой. Не так давно в России можно было наблюдать, как представители «крупного бизнеса» «в штыхы» воспринимали проводимые правоохранительными органами мероприятия, что иногда отражалось на различного рода экономических рейтингах и индексах российского государства. Так, падение курса ценных бумаг крупнейших российских компаний (в среднем на 19 %) на отечественном и мировом рынке в октябре 2003 г. многими экспертами связывалось с арестом главы нефтяной компании «ЮКОС» (Российская газета от 28 октября 2003 г.). В связи с политической важностью данная тема была рассмотрена Президентом России на совещании с членами Правительства РФ 26 октября 2003 г., на котором глава государства выступил с заявлением о равенстве всех граждан перед законом и правосудием.

Подводя итог, отметим, что в системе функций государства экономическая деятельность выполняет важную роль, формируя материально-финансовый ресурс для реализации иных направлений деятельности государства. Вместе с тем исходить только из того, что экономика – всегда решающий фактор не совсем и не всегда правильно. Все без исключения функции государства в разной степени оказывают обратное, а некоторые – обеспечивающее воздействие на экономические отношения и процессы. И это обстоятельство лишнее раз доказывает утверждение о том, что все без исключения функции государства на-

ходятся в тесной органической связи между собой и представляют систему.

1. Радько Т.Н. Теория государства и права. М., 2004.
2. Морозова Л.А. Проблемы современной российской государственности. М., 1998.
3. Сырых В.М. Теория государства и права. М., 1998.
4. Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов: СВШ МВД РФ, 1995.
5. Сим А.В. Функция охраны прав и свобод личности в современном Российском государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004.
6. Степанов О.А. Правовые основы обеспечения охранительной функции государства в условиях использования новых информационных технологий. М., 2000.
7. Пожарский Д.В. Функции государства и государственный контроль в их системе (теоретико-правовой аспект). М., 2005.
8. Никодимов И.Ю. Информационно-коммуникативная функция государства и механизм ее реализации в современной России (Теоретический и сравнительно правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001.
9. Кононенко А.Н. Конституционные социально-экономические права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации и роль органов внутренних дел в их обеспечении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
10. Ендин А.Б. Законность в деятельности уголовно-исполнительной системы российского государства (общеправовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006.
11. Есипов В.М. Организационно-экономический механизм противодействия криминальной экономике на этапе проведения рыночных реформ: автореф. дис. ... д-ра. экон. наук. М., 2004.
12. Баранов В.М. Законодательное определение понятия «экономическая безопасность государства» и современные проблемы ее правового обеспечения / Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные при-

оритеты, практика обеспечения // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2001. № 1.

13. Черников В.В. Судебные, правоохранительные и контрольные органы России. М., 2002.

14. Мау В.А. Конституционная экономика и история // Экономика и законодательство. 2003. № 12.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ТЕРРИТОРИЙ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ

Н.В. Данилова

(заведующая кафедрой природоресурсного и экологического права
Института государства и права Тюменского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент; nvdanilova@mail.ru)

Автор статьи исследует действовавшее ранее и современное законодательство, имеющее цель урегулировать отношения, возникающие при выделении территорий традиционного природопользования, с участием коренных малочисленных народов. Анализируя акты регионального законодательства, автор затрагивает процедурные моменты выделения таких территорий и обсуждает неоднозначность правовых режимов таких территорий.

Ключевые слова: *естественно-природный комплекс территорий, традиционный образ жизни, особо охраняемые природные территории, самобытная культура малочисленных народов, реестр территорий, хозяйственная деятельность.*

Важной мерой правовой защиты экономических и социальных интересов коренных малочисленных народов является выделение территорий традиционного природопользования (далее – ТТП). Процесс выделения указанных территорий идет с начала 1990-х годов, когда стала проводиться земельная реформа, и уже имеет пусть краткую, но свою историю. Существенную роль в ней сыграл указ Президента РФ от 22 апреля 1992 г. № 397 «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера» [1]. В соответствии с названным указом органам государственной власти субъектов Российской Федерации предписывалось совместно с региональными ассоциациями коренных малочисленных народов определять в местах проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера территории традиционного природопользования. Такие территории признавались неотъемлемым достоянием этих народов и без их согласия не подлежали отчуждению под промышленное и иное освоение, не связанное с традиционным хозяйствованием. Кроме того, предписывалось передавать бесплатно родовым общинам и семьям из числа малочисленных народов Севера, связанным с традиционными отраслями и промыслами, в пожизненное наследуемое владение либо в аренду оленьи пастбища, охотничьи, рыболовные и другие угодья

для комплексного использования (оленьеводства, охотничьего, рыболовного и морского зверобойного промыслов, сбора ягод, грибов, орехов, лекарственных растений и др.), а также определять границы территорий для традиционных видов хозяйственной деятельности народов Севера с целью обеспечения бережного и рачительного природопользования.

С принятием указа отдельные субъекты Федерации начали активную разработку собственных регулятивных механизмов, необходимых для налаживания работы по определению и выделению территорий традиционного природопользования для коренных малочисленных народов. Первоначально такое регулирование осуществлялось в основном в форме актов временного характера – различных временных положений*, которые впоследствии становились базой для дальнейшего нормотворчества уже на уровне законов соответствующих субъектов Федерации. Одновременно шел сам процесс закрепления территорий традиционного природопользования за коренными малочисленными народами. Данный процесс по причине отсутствия единого федерального законодательства происходил по-разному: территории закреплялись как родовые владения, крестьянско-фер-

* Такие временные положения были в свое время приняты, например, в Красноярском крае, в Сахалинской, Амурской, Магаданской, Читинской областях, Таймырском и Чукотском автономных округах.

мерские хозяйства, угодья национальных предприятий. Во многих субъектах Федерации такое закрепление не нашло даже отражения на уровне земельного кадастра субъекта Федерации.

Права на земельные участки оформлялись через различные юридические титулы, допускавшие действовавшим на тот период земельным законодательством: право пожизненного наследуемого владения; право постоянного бессрочного пользования; аренда; а в случае создания крестьянского фермерского хозяйства или личного подсобного хозяйства возможен был титул собственности. Субъектами прав на земельные участки могли быть отдельные граждане (представители коренных малочисленных народов), коммерческие организации различных организационно-правовых форм, созданные лицами из числа коренных малочисленных народов и осуществляющие традиционные виды хозяйственной деятельности, а также особые коллективные субъекты – семьи, общины. Правовой статус родовых общин, родовых и семейных хозяйств приравнивался к статусу крестьянского (фермерского) хозяйства [2].

Практика наделения коренных малочисленных народов земельными участками (территориями традиционного природопользования) значительно различалась в субъектах Федерации, что было обусловлено особенностями проводимой национальной политики и развития законодательства в регионах. Например, в Ямало-Ненецком автономном округе земельные участки предоставлялись исключительно сельскохозяйственным организациям различных форм собственности и организационно-правовых форм. Общины коренных малочисленных народов Севера до сих пор осуществляют свою хозяйственную деятельность в округе без юридического оформления своих прав на земельные участки.

В Ханты-Мансийском автономном округе была разработана собственная модель правового регулирования земельных отношений коренных малочисленных народов – в форме института «родовых угодий». Нормативно-правовой основой

данного института являлось положение о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе, принятое Советом народных депутатов ХМАО 7 февраля 1992 г. Согласно данному положению под родовыми угодьями понимался естественно-природный комплекс территорий (леса, реки, их берега, озера, болота, луга, пастбища и др.), на которых исторически сложились образ жизни и формы традиционного хозяйствования коренных жителей ХМАО. Родовые угодья могли закрепляться за отдельными гражданами, семьями, общинами на различных правах – праве постоянного (бессрочного) пользования, пожизненного наследуемого владения и аренды. За период с 1992 по 2001 гг. на территории ХМАО было выделено 477 родовых угодий, общая площадь которых составляет 13 825 240 га (около 24 % от всей территории автономного округа). По официальным данным правительства округа, на данной территории проживает и занимается традиционной деятельностью 3610 человек. Из указанных земель 44 % изъято для нужд недропользования.

В настоящее время правовой режим ТТП определяется специальным федеральным законом от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ (ред. от 03.12.2008 № 250-ФЗ) «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» [3]. Согласно ст. 1 данного закона ТТП – это особо охраняемые природные территории, образованные для ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Как следует из этого определения, ТТП относятся к одной из категорий особо охраняемых природных территорий. В отличие от иных категорий особо охраняемых природных территорий, основная цель создания которых – охрана природы, ТТП создаются прежде всего для ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов. Также целями создания территорий традиционного приро-

допользования являются: защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных народов; сохранение и развитие самобытной культуры малочисленных народов; сохранение на территориях традиционного природопользования биологического разнообразия.

Образование ТТП осуществляется решениями соответствующих органов государственной власти на основании обращений лиц, относящихся к малочисленным народам, и общин малочисленных народов или их уполномоченных представителей (ст.ст. 6-8). Законом предусмотрено выделение различных видов территорий традиционного природопользования – федерального, регионального и местного значения. В зависимости от вида территории определяется компетентный орган, имеющий право принимать решение об ее образовании. Решение об образовании территорий традиционного природопользования принимают: по территориям федерального значения – Правительство Российской Федерации, регионального значения – органы исполнительной власти субъектов Федерации, местного значения – органы местного самоуправления.

За период действия указанного федерального закона ни одна территория федерального значения так и не была создана. Как отмечается в Постановлении Совета Федерации Российской Федерации от 24 сентября 2003 г. № 256-СФ «О мерах по образованию территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов», Правительство Российской Федерации отвечает отказом на неоднократные обращения субъектов традиционного природопользования об образовании территорий традиционного природопользования [4]. В качестве причины называется отсутствие четко прописанной процедуры рассмотрения обращений коренных малочисленных народов об образовании ТТП.

Более оптимистична картина в регионах. Так, например, в ХМАО после принятия федерального закона «О территориях традиционного природопользования...» все родовые угодья были преобразованы

в ТТП регионального значения. Таким образом, их статус был приведен в соответствие с требованиями федерального законодательства. Одновременно началась разработка окружного закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре», который был принят 28 декабря 2006 г. и в настоящее время регулирует создание новых ТТП в округе. В отличие от законодательных актов других субъектов Российской Федерации [5; 6; 7; 8] в законе этого субъекта достаточно детально прописывается порядок образования ТТП регионального значения.

Органами, осуществляющими полномочия в области образования, использования и охраны ТТП, являются Правительство Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, уполномоченные им исполнительные органы государственной власти автономного округа, а также Комиссия по вопросам территорий традиционного природопользования, которая осуществляет всю необходимую работу по подготовке материалов об образовании ТТП. В состав комиссии включаются представители исполнительных органов государственной власти автономного округа в области управления земельными, водными, лесными ресурсами, охраны и использования недр, охраны окружающей среды и животного мира, иных исполнительных органов государственной власти автономного округа, а также по согласованию представители федеральных органов исполнительной власти (их территориальных органов) и органов местного самоуправления муниципальных образований автономного округа. К участию в работе комиссии привлекаются представители малочисленных народов, субъекты права традиционного природопользования, а также иные заинтересованные лица.

Лица, обладающие правом на подачу обращения об образовании ТТП, направляют его в Правительство округа. Законом регламентировано содержание этого обращения. Оно должно включать сведения о лицах, ходатайствующих об образовании

территории традиционного природопользования, предполагаемой площади, местонахождении, описание границ территории традиционного природопользования, обоснование необходимости образования, наименование и перечень видов традиционного природопользования, в том числе приоритетного (основного).

По поручению Правительства округа Комиссия по вопросам территорий традиционного природопользования рассматривает данное обращение. По итогам рассмотрения готовятся материалы об образовании территории традиционного природопользования. Их неотъемлемой частью является проект положения о правовом режиме территории. Материалы направляются на согласование в органы местного самоуправления соответствующего муниципального образования автономного округа, природоохранные и иные органы государственной власти, согласование (заключение) которых требуется при образовании территории традиционного природопользования в соответствии с законодательством. Кроме того, материалы об образовании территории традиционного природопользования подлежат согласованию с физическими и юридическими лицами, осуществляющими в заявленных границах территории деятельность, не связанную с традиционным природопользованием и традиционным образом жизни малочисленных народов.

На основании полученных заключений и согласований комиссия либо направляет лицу, подавшему обращение, мотивированный ответ о невозможности образования территории традиционного природопользования, либо вносит в Правительство автономного округа проект решения об образовании соответствующей территории традиционного природопользования.

Законом округа установлены основания для отказа в образовании территории традиционного природопользования. К ним относятся следующие обстоятельства:

1) обращение об образовании территории традиционного природопользования подано лицом, не обладающим правом на его подачу;

2) обращение об образовании терри-

тории традиционного природопользования оформлено ненадлежащим образом: содержит недостоверную информацию или предложения, противоречащие законодательству;

3) территория, на которую претендует заявитель, частично или полностью предоставлена другим субъектам права традиционного природопользования или занята иными особо охраняемыми природными территориями;

4) на данной территории не может быть образована территория традиционного природопользования ввиду географических, социально-экономических и иных причин;

5) обращение подано лицами, которые включены в Реестр территорий традиционного природопользования по другой территории традиционного природопользования или которые были исключены из Реестра территорий традиционного природопользования в связи с нарушением требований законодательства, в том числе нарушением правового режима территории традиционного природопользования;

6) отсутствуют согласования субъектов, осуществляющих в заявленных границах территории в установленном законодательством порядке деятельность, не связанную с традиционным природопользованием и традиционным образом жизни малочисленных народов, и не принято решение об изъятии соответствующей площади для государственных нужд;

7) в других случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Решение об образовании ТТП принимается не позднее одного года со дня поступления в Правительство автономного округа обращения. Указанный срок может быть пролонгирован с уведомлением лиц, подавших обращение, о причинах продления срока. На основании решения об образовании ТТП лица, в интересах которых образована соответствующая территория, вносятся в Реестр территорий традиционного природопользования.

Не менее важным и сложным являет-

ся вопрос правового режима ТТП, включающий в себя порядок использования природных ресурсов и осуществления хозяйственной деятельности на пределах границ ТТП. Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования...» только в общих чертах определяет правовой режим ТТП. Детально он должен регламентироваться положениями о данных территориях, которые должны утверждаться одновременно с принятием решения об образовании ТТП.

На этот счет закон содержит следующие положения. Лица, относящиеся к малочисленным народам, и общины малочисленных народов вправе безвозмездно пользоваться общераспространенными полезными ископаемыми, находящимися на территориях традиционного природопользования, для личных нужд. Лица, не относящиеся к малочисленным народам, но постоянно проживающие на территориях традиционного природопользования, пользуются природными ресурсами для личных нужд, если это не нарушает правовой режим территорий традиционного природопользования. Пользование природными ресурсами, находящимися на территориях традиционного природопользования, гражданами и юридическими лицами для осуществления предпринимательской деятельности допускается, если указанная деятельность не нарушает правовой режим территорий традиционного природопользования.

В случае изъятия земельных участков и других обособленных природных объектов, находящихся в пределах границ территорий традиционного природопользования, для государственных или муниципальных нужд лицам, относящимся к малочисленным народам, и общинам малочисленных народов предоставляются равноценные земельные участки и другие природные объекты, а также возмещаются убытки, причиненные таким изъятием.

Вопросы вызывает порядок предоставления земельных участков, находящихся в пределах границ территорий традиционного природопользования. Частью 2 ст. 11 закона в первоначальной редакции

предусматривалось, что указанные земельные участки и другие обособленные природные объекты предоставляются лицам, относящимся к малочисленным народам, и общинам малочисленных народов в безвозмездное пользование. Федеральным законом от 26 июня 2007 г. № 118-ФЗ данная норма была изложена в новой редакции: «Земельные участки и другие обособленные природные объекты, находящиеся в пределах границ территорий традиционного природопользования, предоставляются лицам, относящимся к малочисленным народам, и общинам малочисленных народов в соответствии с законодательством Российской Федерации». Основанием для внесения поправок послужила необходимость приведения данной нормы в соответствие с новым Земельным кодексом Российской Федерации, не предусматривающим права безвозмездного пользования земельными участками для коренных народов.

Однако внесение указанных, казалось бы, незначительных поправок существенным образом влияет на права коренных народов в области использования земель. Во-первых, законодатель практически полностью изменил концепцию федерального закона «О территориях традиционного природопользования...». Изначально, по замыслу законодателя, придание территории статуса территории традиционного природопользования вовсе не означало наделение коренных народов (граждан, общин) какими-либо имущественными правами (вещными либо обязательственными). Напротив, оно служило цели выведения этих земель из гражданского оборота. Как отмечено О.Н. Запороцким и О.А. Мурашко, «... в законе во многом был учтен негативный опыт последних лет, когда закреплявшиеся за коренными народами в отдельных субъектах Федерации территории традиционного природопользования в виде родовых угодий, крестьянских хозяйств и национальных предприятий нередко переходили за минимальные материальные возмещения новым владельцам – нефте- и газодобывающим компаниям, различным акционерным обществам, в том числе иностранным юридическим лицам, а

коренные народы оставались не у дел [9, с. 158-159]. Исходя из этого, главной целью закона о территориях традиционного природопользования провозглашалось выведение указанных территорий из гражданского оборота, с тем «чтобы они были исключены из сферы купли-продажи, наследования, дарения, аренды и тем самым были сохранены для будущих поколений коренных малочисленных народов» [10, с. 51].

Указанный подход нашел свое отражение даже в используемой в законе терминологии: как в названии федерального закона № 49-ФЗ, так и в его тексте используется формулировка «территории традиционного природопользования», а не «земли традиционного природопользования» коренных народов. Известно, что при разработке данного закона имел место спор, касавшийся предмета регулирования данного акта и, соответственно, используемой терминологии. Подчеркивая разницу между указанными формулировками, Л.В. Андриченко отмечала: «...территория – это пространство. На этой территории могут находиться земля, природные ресурсы и природные комплексы. В связи с этим очевидны различия в правах: земля, земельные участки могут предоставляться в собственность, в аренду и пр. К территориям же должен применяться совсем иной правовой режим» [11]. Сторонники такой концепции прав коренных народов на принадлежащие им в силу обычаев земли полагали, что это позволит усилить государственную защиту прав и интересов этих народов.

Во-вторых, рассматриваемая поправка исключила для коренных народов возможность безвозмездно пользоваться землями на территориях традиционного природопользования. Вместо этого введена отсылочная норма к иному законодательству Российской Федерации, которое в настоящее время не содержит необходимых гарантий права коренных народов на безвозмездное пользование землями. Проведенный нами анализ земельного и лесного законодательства показал, что лица из числа коренных народов и общины могут получить

земельные участки, необходимые им для ведения традиционных видов хозяйственной деятельности, на общих основаниях, т.е. исключительно на праве собственности или в аренду. Таким образом, это полностью нивелирует продекларированное в федеральном законе от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ (ред. от 05.04.2009 № 40-ФЗ) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов» [12] право коренных народов на безвозмездное пользование землями и другими природными ресурсами.

Для совмещения различной по своему характеру хозяйственной деятельности на территориях традиционного природопользования федеральным законом предусмотрена дифференциация правового режима данных территорий путем выделения функциональных зон. Федеральный закон допускает выделение следующих зон (частей):

– поселения, в том числе поселения, имеющие временное значение и непостоянный состав населения, стационарные жилища, стойбища, стоянки оленеводов, охотников, рыболовов;

– участки земли и водного пространства, используемые для ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни, в том числе оленьи пастбища, охотничьи и иные угодья, участки акваторий моря для осуществления промысла рыбы и морского зверя, сбора дикорастущих растений;

– объекты историко-культурного наследия, в том числе культовые сооружения, места древних поселений и места захоронений предков и иные объекты, имеющие культурную, историческую, религиозную ценность.

Законодательством субъектов Федерации предусматривается выделение и иных функциональных зон. Законом ХМАО «О территориях традиционного природопользования...» предусмотрено выделение следующих функциональных зон: зона строгого охранного режима; зона охранного режима; зона ограниченного хозяйственного использования. Содержание разрешенного использования по каждой зоне определяется Положением о право-

вом режиме соответствующей территории традиционного природопользования по результатам проведенного зонирования.

В региональном законодательстве эти требования могут детализироваться. Так, указанным законом ХМАО регламентированы дополнительные к федеральным требования по осуществлению хозяйственной деятельности, не связанной с традиционным природопользованием и традиционным образом жизни малочисленных народов. Лица, осуществляющие такую деятельность в границах территорий традиционного природопользования, обязаны соблюдать следующее:

1) при разработке проектной документации хозяйственной деятельности схема размещения промышленных объектов, в том числе буровых скважин и иных сооружений временного и постоянного характера, подлежит согласованию с субъектами права традиционного природопользования. При отрицательном согласовании схемы размещения объектов либо отказе в ее согласовании субъектами права традиционного природопользования варианты месторасположения и условия размещения промышленных и иных сопутствующих объектов рассматриваются Комиссией по вопросам территорий традиционного природопользования, которая готовит соответствующие рекомендации Правительству автономного округа. Правительство автономного округа с учетом рекомендаций комиссии может принять решение о согласовании либо об отказе в согласовании схемы размещения объектов в границах территории традиционного природопользования;

2) задание на проектирование подлежит согласованию с уполномоченными Правительством автономного округа органами исполнительной власти автономного округа;

3) размещение транспортных путей, обслуживающих перевозки, должно предусматривать минимальное количество переправ через реки (ручьи) с учетом требований природоохранного законодательства;

4) при использовании авиации для

доставки пассажиров и грузов на место непосредственной хозяйственной деятельности маршрут и график авиaperевозок должны исключать полеты над местами отела и выпаса оленей;

5) вокруг промышленных и иных сопутствующих объектов, определенных совместно с субъектами права традиционного природопользования (их уполномоченными представителями), осуществляется установка ограждений (коралей);

6) по требованию субъектов права традиционного природопользования им представляются планы природоохранных мероприятий и информация об их исполнении.

1. Российские вести. 1992. № 4.

2. О социально-экономическом положении районов Севера и приравненных к ним местностей: постановление СНД РСФСР от 21 апр. 1992 г. № 2707-1.

3. Собрание законодательства РФ. 2001. № 20. Ст. 1972.

4. О мерах по образованию территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [Электронный ресурс]: постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 24 сент. 2003 г. № 256-СФ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О развитии особо охраняемых природных территорий Сахалинской области [Электронный ресурс]: закон Сахалинской области от 2 окт. 2000 г. № 214. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера Амурской области [Электронный ресурс]: закон Амурской области от 27 окт. 2003 г. № 250-оз. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О территориях традиционного природопользования и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]: закон Республики Саха (Якутия) от 13 июля 2006 г.

- № 370-3 № 755-111. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Положение о территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера в Ненецком автономном округе [Электронный ресурс]: утв. постановлением администрации Ненецкого автономного округа от 29 дек. 2001 г. № 1025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Запороцкий О.Н., Мурашко О.А. Как можно реализовать конституционное право на защиту традиционного образа жизни и исконной среды обитания // Северные народы России на пути в новое тысячелетие. М., 2000.
10. Мурашко О. Принят закон о территориях традиционного природопользования // Мир коренных народов. Живая Арктика. 2001. № 6-7.
11. Андриченко Л.В. Правовой статус национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Собрание законодательства. 1999. № 18. Ст. 2208.

Раздел 3. Частное право, договорное регулирование

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКОНОМИКИ ПОСРЕДСТВОМ
КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ НОРМ ДОГОВОРНОГО ПРАВА

С.Э. Либанова

(заведующая специализированной адвокатской конторой № 3 г. Кургана,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Курганского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент; libany@rambler.ru)

Эффективность правоприменения зависит от его взаимодействия с законотворчеством. Новые процессуальные кодексы освободили суд от установления истины по делу, а англо-американская концепция состязательности в российском правоприменении – лишь фикция, ущемляющая конституционные права. Принцип состязательности должен быть реально действующим.

Ключевые слова: несовершенство законов; субъективизм правоприменителей; презюмирование договорного регулирования в судебной практике.

Конституционное право каждого на судебную защиту не обеспечено, если правосудие недоступно. Проблемы обеспечения доступности правосудия особенно активно обсуждаются в связи с вступлением России в Совет Европы и ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод [1]. На Российскую Федерацию возложены международно-правовые обязательства, в том числе связанные с реализацией положений п. 1 ст. 6 Конвенции, гарантирующей каждому справедливое публичное разбирательство его дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом. Россия признала юрисдикцию Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), являющегося наднациональным судебным органом, решения которого в связи с жалобами на нарушение основных прав и свобод обязательны для государств – участников Конвенции. Решения ЕСПЧ, в том числе связанные с толкованием Конвенции, имеют прецедентный характер. С учетом правовых позиций ЕСПЧ, в том числе по вопросу обеспечения права доступа к суду, должна строиться работа и по совершенствованию российского процессуального законодательства, и по формированию адекватной правоприменительной практики, прежде всего судебной.

Эффективность права является одной из узловых теоретико-правовых отраслевых проблем современного правоведения.

Эффективность права не является его априорной особенностью, отраслевые правовые установления могут устаревать, не полностью отражать потребности, цели и задачи правового регулирования общественных отношений. Поэтому проблема эффективности права приобретает особое значение, определяя уровень продуктивности правовых норм и «коэффициент полезного действия» в правореализующем процессе [2, с. 205]. Проблема эффективности правовых норм уже давно стала предметом специальных исследований представителей отечественной юриспруденции [3; 4; 5; 6; 7, с. 61-67; 8].

Следует отметить, что существуют различные подходы к определению понятия эффективности правовых норм. Наиболее распространенным является признание определения понятия эффективности правовых норм как отношения между фактическим результатом их действия и той социальной целью, для достижения которой эти нормы были приняты [5, с. 22]. Достоинство данного определения понятия эффективности правовых норм состоит в том, что оно рассматривает эффективность в качестве общенаучного понятия, выступающего обобщенным выражением проблемы рациональных способов достижения цели нормативно-правового регулирования общественных отношений.

В основе неэффективности эконо-

мического законодательства лежит односторонний характер разработки многих основополагающих законов, как подготовленных, так и принятых без участия широкой профессиональной общественности, в том числе представителей адвокатского сообщества, признанного в силу ст. 3 федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.07.2008 № 160-ФЗ) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» [9] институтом гражданского общества.

Наличие законов еще не является гарантией соблюдения конституционных прав граждан и юридических лиц, т.к. большую роль играет складывающаяся правоприменительная практика. В теории и практике современного российского конституционализма, основанного на признании общедемократических ценностей правового государства и рыночной экономики, лишь формируется новая концепция защиты прав и свобод человека и гражданина, в особенности социальных и экономических, в том числе реализуемых посредством их судебной защиты. На этом уровне отсутствует единый концептуальный подход ко всей системе прав и свобод.

Одним из элементов механизма нового концептуального подхода можно признать основанное на конституционных принципах презюмирование судами договорного регулирования отношений сторон, исключающее субъективное вмешательство и судебное усмотрение.

Данное предложение базируется на новой тенденции конституционного развития современной России по усилению частноправовых начал публичного права. Права и свободы, обеспечиваемые и защищаемые с помощью частноправовых механизмов, получили публично-правовое оформление и защиту. Данное взаимодействие оценивается в науке двояко: как усиление частноправовых начал публичного права, и как «публицизация частного права» [10, с. 201-217].

Обозначенный процесс протекает не только между конституционным и гражданским правом, но и между гражданским правом и иными отраслями права. Усиление роли конституционных принципов

как источников правового регулирования гражданских правоотношений свидетельствует о внедрении в отечественную правовую систему общемировых правовых ценностей. Конституционные принципы, имея объективную природу, обладают предельной юридической насыщенностью содержания, предполагающей возможность многообразных интерпретаций с учетом изменения общественно-политической жизни, в том числе направления развития гражданского права и процесса в долгосрочной перспективе. Они должны непосредственно применяться при разрешении конкретных дел всеми общими и специальными судами. При признании судом несоответствия нормативного акта (закона) принципу он обязан решать дело на основе принципа права, что отражено в решениях ЕСПЧ.

Основные права и свободы могут рассматриваться как база ценностей конституции и правопорядка в стране. В науке конституционного права А.Н. Кокотовым сформулирована позиция о том, что «конституция играет роль общей части для других отраслей права» [11, с. 13]. Полагаем, что наука конституционного права, исходя из положений ч. 1 ст. 15 Конституции РФ о прямом применении основного закона, с одной стороны, объективно становится объектом изучения отраслевых наук, с другой – активно проникает в отраслевые юридические науки [12, с. 161].

Проблема исследования механизма воздействия конституционного права на гражданское право (конституционализации гражданского права) относится к числу сравнительно малоисследованных в отечественной литературе.

В настоящее время существенно возросла роль судебных прецедентов при наличии пробелов, коллизий или дефектности законодательного регулирования как некоего правового механизма устранения этих недостатков в правовом регулировании, наделенного признаками оперативности и мобильности.

Проблема кроется, на наш взгляд, в множественности прецедентов по поводу регулирования однородных отношений

даже в различных регионах России при смене принципов судопроизводства с поиска истины на состязательность.

Недостатки законодательного, правоохранительного и правоприменительного процессов влекут издание и иногда длительное правоприменение неконституционных правовых решений. В решениях Конституционного суда затрагиваются вопросы права частной собственности и права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Фактически новым словом в экономической характеристике конституционного статуса личности явилось обоснование Конституционным Судом РФ конституционно-правовой природы принципа свободы договора [13], что, на наш взгляд, полностью соответствует ст. 18 Конституции РФ и имеет актуальнейшее значение как для правоприменения, так и для экономики.

Важное значение в договорном регулировании взаимоотношений хозяйствующих субъектов имеют экономические критерии. Анализируя процесс обмена между товаровладельцами, К. Маркс отметил: «Это юридическое отношение, формой которого является договор, – все равно закреплён ли он законом или нет – есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением» [14, с. 373].

Объективные закономерности развития рынка обуславливают необходимость развития качественно новых представлений о договоре как децентрализованной правовой форме регулирования экономических отношений. Сила и эффективность права состоит не столько в принудительности, сколько в его способности реально, адекватно отражать, учитывать экономические и другие жизненно важные условия и закономерности – применительно к гражданскому праву – товарного оборота [15, с. 337]. Именно гражданско-правовой договор создает механизм саморегулирования, основанный на конституционных

нормах с учетом соблюдения экономических интересов сторон.

Посредством презюмирования судами выполнения условий договора, руководствуясь конституционными принципами, возможно решение множества правовых коллизий, а в итоге – экономических проблем. Эффективность реализации права незамедлительно увеличит «коэффициент его полезного действия».

Одной из концепций, способствующих конституционализации норм договорного права и увеличению «коэффициента его полезного действия», ведущему к гармоничному развитию цивилизованного рынка, является утверждение о том, что недобросовестным должником быть не выгодно, в первую очередь экономически. Возможны два пути решения данной проблемы: законодательный и правоприменительный [16, с. 42].

Критическая оценка достижений цивилистической науки в исследовании такой меры ответственности, как взыскание убытков, позволяет прийти к выводу об утрате значения многих прежних теоретических положений.

Пришло время и в российском праве для смены акцентов в концепции гражданской ответственности. В правоприменении основное значение необходимо придавать не санкции, применяемой к виновному лицу, а праву потерпевшего на получение возмещения. Появление п. 3 в ст. 401 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) как законодательной возможности отступления от принципа вины является первым признаком и подтверждает обоснованность предлагаемого принципиального изменения порядка доказывания причинной связи между поведением должника и наступившими убытками.

Особый интерес для решения проблем возмещения убытков представляет выделение в англо-американском праве «заранее оцененных убытков» и «штрафных убытков». Применение «заранее оцененных убытков» возможно только при нарушении договора. Согласно ЕТК США «убытки, подлежащие возмещению при нарушении договора, называются заранее

оцененными убытками, если в договоре указаны либо подлежащая уплате при нарушении договора сумма, либо способ исчисления такой суммы» [17, с. 346]. Именно такой вариант «заранее оцененных убытков», на наш взгляд, мог бы решить большую часть проблем, связанных с возмещением убытков и надлежащим исполнением обязательств в целом. Более того, это облегчит расчет рисков и снизит стоимость доказательств, оказавшись для кредитора единственной возможностью компенсировать убытки.

Заранее оцененные убытки характеризуются рядом преимуществ, поэтому целесообразно отразить в ГК РФ концепцию «заранее оцененных убытков» в период развития рыночных отношений в сфере предпринимательской деятельности, указав в ст. 15 ГК РФ следующее: «Сторонами могут быть предусмотрены заранее оцененные убытки, размер которых не подлежит пересмотру судом, за исключением случаев, прямо указанных в законе».

«Универсальность» категории убытков обусловлена теоретической возможностью их взыскания практически при любом нарушении прав и законных интересов потерпевшей стороны в различных отраслях права, но практически взыскать их в полном объеме невозможно, т.к. полный размер убытков недоказуем, несмотря на доказанность самого факта их причинения и наличия причинной связи. Анализ судебно-арбитражной практики свидетельствует о значительных колебаниях при рассмотрении дел о взыскании убытков [16, с. 62-195].

На современном этапе экономического и правового развития общества возмещение убытков продолжает оставаться одной из форм гражданско-правовой ответственности, под которой понимается форма выражения дополнительных обременений, возлагаемых на правонарушителя. В соответствии с п. 1 ст. 393 ГК РФ возмещению подлежат лишь убытки, причиненные противоправным поведением должника. Это означает, что между противоправным поведением должника и возникшими у кредитора убытками должна существовать

причинная связь, т.е. объективная связь явлений реального мира [18, с. 3].

Отказ от принципа объективной истины при признании действующим принципа состязательности в гражданском и арбитражном процессах ставит участников хозяйственного оборота в неравные условия, обязывая их представлять доказательства (как по поводу нарушенного права, так и в отношении самого нарушения) «разумности» установленного в договоре метода и размера исчисления убытков. Следует отметить, что достаточно четкого определения «разумности» до сих пор наукой не выработано. Недобросовестному должнику не требуется состязаться, т.к. добросовестный кредитор не знает и не может знать о несуществующем методе разумности, что позволяет процветать субъективизму в оценке суда в отношении определения критериев доказанности добросовестным кредитором размера убытков. В узком смысле одним из последствий этого является существенное отличие реальных и номинальных убытков, возникших у истца, а в глобальном – порождение неведения в справедливое правосудие, в конституционность государственной политики; процветание правового нигилизма.

Законодательное нововведение концепции определения размера подлежащих взысканию убытков в объеме «заранее оцененных» убытков, согласованных сторонами в договоре, и признание именно данного размера убытков презюмируемым судом при вынесении решения о взыскании позволит устранить наличие субъективности в оценочной деятельности суда по оценке определения доказанности размера взыскиваемых убытков, увеличить число удовлетворенных исков добросовестных кредиторов-истцов и в конечном счете искоренить недобросовестных должников-ответчиков, превратив надлежащее исполнение обязательств, предусмотренное ст. 309 ГК РФ, в правило, а не исключение, обеспечив надлежащую защиту конституционных прав и свобод и реальное соблюдение сторонами принципа свободы договора.

Признавая целесообразность и актуальность внедрения понятия «заранее

оцененных убытков», нельзя не отметить, что такая возможность была закреплена в дореволюционном российском законодательстве и отмечалась в судебной практике. Положениями о поставках продукции и товаров народного потребления 1988 г. рассматривалась возможность включения твердых убытков в текст договора, а также форма их выражения, преимущества применения и вероятные ограничения (п. 65) [19].

Признание правом и правоприменительной практикой презумпции незыблемости договорного определения сторонами «заранее оцененных» убытков может решить проблему массового неисполнения обязательств, остановить кризис неплатежей и стимулировать стороны к надлежащему исполнению обязательств.

Соглашение об ограничении размера убытков является легитимным и соответствует природе гражданско-правовых отношений (ст. 421 ГК РФ). Норма п. 2 ст. 9 ГК РФ также не препятствует таким договоренностям. Право сторон на формирование условий соглашения включает в себя и возможность определять режим ответственности. Ограничения размера компенсации, установленные национальной правовой системой, могут быть преодолены в результате действия международных правил и деятельности международных организаций (например, ст. 41 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). В соответствии с п. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Представляется, что кредитор-истец должен быть освобожден не только от доказывания размера убытков и причиненной связи, но и от обязанности принятия каких-либо мер по предотвращению убытков при наличии в договоре условия о согласовании размера «заранее оцененных

убытков», которое и должен презюмировать суд при принятии решения.

Первоначально возможно в порядке разъяснений, например постановлением Пленума ВАС РФ и ВС РФ, определить порядок правоприменения договорного закрепления «заранее оцененных сторонами убытков», отметив не только их легитимность, но и презумпцию обязательности исполнения условий договора и его свободу при определении размера, подлежащего взысканию в суде, возложив бремя доказывания обратного на должника-ответчика. Единственным основанием для снижения размера заранее оцененных в договоре сторонами убытков могут быть доказательства неосновательного обогащения кредитора-истца. Если добросовестный кредитор-истец не может доказать при существующем нормативном регулировании полного размера убытков, то и должник-ответчик не сможет доказать неосновательное обогащение и вынужден будет исполнять надлежащим образом договор в соответствии со ст. 309 ГК РФ. Таким образом, не возникнет противоречий между применением «заранее оцененных убытков» и действующим принципом их полного возмещения.

Использование института «заранее оцененных убытков» позволит, во-первых, существенно уменьшить количество должников, улучшающих свое имущественное положение за счет кредиторов, во-вторых, сократить число неисполненных в срок обязательств, что, в-третьих, приведет к улучшению экономического положения добросовестных кредиторов и ускорению стабилизации экономики страны в целом. Более того, оно будет свидетельствовать о реальном признании государством ценности субъективных гражданских прав и провозглашенных принципов. Добросовестный кредитор получит реальную возможность компенсировать не только возникшие у него убытки посредством получения соответствующего эквивалента при соблюдении принципа полного возмещения убытков, но и компенсировать объективно возникающий при этом моральный вред. Реально заработает принцип справедливости, позволив решить проблему

возмещения убытков предпринимателям в отношениях, деформированных в гражданско-правовые, стороной которых являются государственные учреждения (налоговое, таможенное и т.п. законодательство) [16].

Признаваемое всеми правовыми системами положение о невозможности требовать больше того, чем было потеряно кредитором в результате неисполнения договора, в данном случае не претерпит принципиального изменения через призму принципа справедливости и необходимости восстановления прав, являющегося основополагающим началом гражданского законодательства, путем полного возмещения убытков.

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в Риме 04.11.1950): с изм. и доп. от 11.05.1994 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
2. Керимов Д.А. Проблемы общей теории права и государства. Т. 1. Социология права. М., 2001.
3. Эффективность правового регулирования. М., 1976.
4. Петрухин И.А., Батуров Г.П., Моршакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979.
5. Эффективность правовых норм / В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко, В.В. Глазырин. М., 1980.
6. Эффективность гражданского законодательства. М., 1984.
7. Малько А.В. Эффективность правового регулирования // Правоведение. 1990. № 6. С. 61-67.
8. Поленина С.В. Качество закона и эффективность законодательства. М., 1993.
9. Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102; 2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3616.
10. Саватье Р. Теория обязательств. М., 1972.
11. Проблемы науки конституционного права / под ред. А.Н. Кокотова и М.И. Кукушкина. Екатеринбург, 1998.
12. Богданова Н.А. Система науки конституционного права. М., 2001.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 февр. 2004 г. № 3-П // Собрание законодательства РФ. 2004. № 9. Ст. 830.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1.
15. Семякин М.Н. Экономика и право: проблемы теории, методологии и практики. М.: Экономика, 2006.
16. Либанова С.Э. Особенности возмещения убытков в различных отраслях права: учеб. пособие. Курган: Изд-во Курганск. гос. ун-та, 2007.
17. Ансон В. Договорное право / под ред. О.Н. Садикова. М., 1984.
18. Кофман В.И. Границы юридически значимого причинения // Правоведение. 1960. № 4.
19. Об утверждении положения о поставках продукции производственно-технического назначения, положения о поставках товаров народного потребления и основных условий регулирования договорных отношений при осуществлении экспортно-импортных операций: постановление Совмина СССР от 25 июля 1988 г.

Раздел 4. Уголовное законодательство и криминологическая наука

О СТРУКТУРЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ

А.В. Сумачев

(профессор кафедры уголовного права Тюменского юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент; alekssumachev@mail.ru)

Автором статьи определяется трехчленная структура уголовно-правовой нормы. Дается характеристика особенностей диспозиции, гипотезы и санкции уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова: уголовно-правовая норма, диспозиция, гипотеза, санкция.

На первый взгляд, вопрос о структуре уголовно-правовой нормы кажется простым и решенным. Но это лишь на первый взгляд. Более пристальное внимание к данной проблеме позволяет выделить большое многообразие точек зрения как на саму структуру уголовно-правовой нормы, так и на место законодательного расположения ее структурных элементов. Более того, анализ учебной литературы по этой проблематике свидетельствует о том, что авторы учебников и учебных пособий по уголовному праву стараются «обойти» названные вопросы, практически не уделяя им внимания (например, о гипотезе в лучшем случае упоминают, не раскрывая ее сущности и специфики применительно к уголовно-правовым нормам). Попробуем здесь исправить это положение.

Итак, традиционный взгляд на структуру правовой нормы вообще предполагает наличие трех взаимосвязанных элементов: диспозиции, гипотезы и санкции. Вместе с тем в специальной литературе трехчленная структура уголовно-правовой нормы порой отрицается. Так, еще А.Ф. Кистяковский указывал: «Уголовный закон состоит из двух частей: а) определительной, или диспозитивной, и б) утвердительной, или санкционирующей». При этом «...первая содержит определение известного действия, в котором всегда подразумевается его запрещение или предписание; вторая совмещает в себе санкцию этого запрещения, или наказание» [1, с. 33]. Практически о том же писал Н.С. Таганцев: «Уголовные законы в тесном смысле содержат в себе всегда две части: описание того посяга-

тельства, которое запрещается под угрозой наказания, – часть определительная, или диспозитивная, и указание на саму ответственность – часть карательная, или санкция» [2, с. 37].

В.Г. Смирнов также говорил о двучленной структуре уголовно-правовой нормы, состоящей из гипотезы и санкции, которую он определяет как диспозицию данной нормы, ибо последняя обращена к органам власти, определяющим вид конкретного наказания за совершение преступления [3, с. 34 и далее].

Не менее интересный взгляд на структуру уголовно-правовой нормы выражал Н.Д. Дурманов. Она (структура нормы), по его мнению, зависит от адресата уголовно-правовой нормы. Так, если уголовно-правовая норма характеризует собой запрет, обращенный к отдельным гражданам, то здесь речь идет лишь о диспозиции и санкции; если определенный в диспозиции запрет нарушается, диспозиция нормы-запрета «превращается» в гипотезу уголовно-правовой нормы, обращенной к правоприменителю [4, с. 182]. Аналогичную позицию с точки зрения общей теории права, но преломляя ее положения применительно к отраслевым наукам, выдвигает В.Д. Перевалов. В частности, он отмечает, что «...структуру правовой нормы можно представить как систему диалектически взаимосвязанных элементов, которые взаимодействуют в ее рамках». И далее: «Указанные элементы могут взаимозаменяться, превращаться друг в друга, объединяться и выступать в единстве» [5, с. 283]. В качестве иллюстрации к своему тезису В.Д. Пе-

ревалов приводит точку зрения И.С. Самощенко, О.Э. Лейста и А.С. Пиголкина, согласно которой та часть уголовно-правовых норм, которая является диспозицией для граждан (запрет совершать общественно опасные деяния), одновременно является гипотезой для государства и государственных органов, рассматривающих дела о совершенных преступлениях [6, с. 194].

В современной литературе мнение о двучленной структуре уголовно-правовой нормы поддерживается не всеми. Так, хотя З.А. Незнамова и отмечает, что «...в уголовном праве общепринята двухчленная классификация: диспозиция (где указываются деяния, которые признаются преступлениями и за совершение которых устанавливается наказание. – А. С.) и санкция (часть уголовно-правовой нормы и часть статьи УК РФ, определяющая вид и размер наказания. – А. С.)» [7, с. 23; 8, с. 16], тем не менее она указывает на небесспорность этого мнения [9, с. 31]. Но и здесь, в части определения структурных элементов уголовно-правовой нормы (диспозиции, гипотезы, санкции), взгляды ученых весьма разнятся. Например, Д.Е. Кошелев предлагает достаточно сложную схему такой структуры. Так, по его словам, в гипотезу уголовно-правовой нормы органично вписываются указания: на совершение деяния, предусмотренного абзацем первым статьи или части статьи Особенной части УК РФ; на виновность лица и достижение им возраста уголовной ответственности; на отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, и оснований для освобождения от уголовной ответственности. К диспозиции, соответственно, относится часть статьи, которая начинается словами: «наказывается...» [10, с. 172]. А санкция, по словам Д.Е. Кошелева, зависит от адресата уголовно-правовой нормы («кому адресовано содержащееся в диспозиции слово “наказывается”»): суд; органы и лица, ответственные за предварительное расследование уголовного дела; виновные в совершении преступлений [10, с. 172].

Несколько противоречивую позицию занимает Ю.М. Ткачевский. Так, отмечая, что «...норма Особенной части состоит

из гипотезы, диспозиции и санкции», он утверждает, что гипотеза в уголовно-правовой норме не приводится – она только «предполагается примерно в следующей форме: “если кто-либо совершит убийство...”, а далее следует диспозиция, определяющая, что следует понимать под убийством» [11, с. 89-91].

О трехчленной системе уголовно-правовых норм, где гипотеза является единой (общей гипотезой) для всех норм Особенной части УК РФ и выражается в ст. 8 УК РФ, говорят А.Н. Комиссаров [12, с. 38], В.В. Бабурин и В.Н. Баландюк [13, с. 26-27]. Их взгляды с позиций общей теории права разделяет и поддерживает А.В. Мицкевич, указывая тем не менее, что гипотеза норм Особенной части УК РФ выражается в ч. 1 ст. 14 УК РФ, а именно в словосочетании «...запрещенное настоящим Кодексом...» [14, с. 225-226].

Как следует из представленных мнений, проблема структуры уголовно-правовой нормы и «расположения» ее структурных элементов достаточно сложна и решается неоднозначно. Впору задаться вопросом: не слишком ли все сложно и есть ли смысл все усложнять? Если исходить из общетеоретических определений (пригодных и разделяемых в отраслевой науке) диспозиции, гипотезы и санкции, каких-либо трудностей при определении данных элементов применительно к уголовно-правовой норме не возникает.

Диспозиция уголовно-правовой нормы – это определенное (предполагаемое) поведение (например, убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку – ч. 1 ст. 105 УК РФ).

Гипотеза уголовно-правовой нормы – это условия, при которых указанное в диспозиции поведение может повлечь наступление правовых последствий (применение санкций). Гипотеза уголовно-правовой нормы является сложной по своей структуре. При каких условиях «умышленное причинение смерти другому человеку» может повлечь применение санкций? Их не одно и не два, а, как правило, несколько. Ответственность (применение санкции) за

«умышленное причинение смерти другому человеку» возможна, во-первых, если лицо является физическим и вменяемым (ст. 19 УК РФ); во-вторых, если лицо достигло возраста уголовной ответственности (в соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ – 14 лет); в-третьих, если умышленное причинение смерти другому человеку не совершено в состоянии необходимой обороны (ст. 37 УК РФ), крайней необходимости (ст. 39 УК РФ) и иных состояниях, когда умышленное лишение жизни другого человека не признается преступным (например, в порядке исполнения смертной казни, при лишении жизни врага на войне или в ходе антитеррористической операции и т.п.). Все названные «если» есть не что иное, как условия наказуемости (применения санкции) за «умышленное причинение смерти другому человеку», то есть гипотезой. Соответственно, не только разделяя, но и расширяя точку зрения А.Н. Комиссарова, В.В. Бабурина, В.Н. Баландюка, А.В. Мицкевича, можно сказать, что гипотеза уголовно-правовой нормы содержится в статьях Общей части Уголовного кодекса России, но она (гипотеза, или условия) не может быть единой для всех норм, ибо различаются возраст уголовной ответственности, условия правомерности необходимой обороны в зависимости от характера посягательства и т.п. Кроме того, «нахождение» гипотезы (отражение условий наказуемости деяний) в нормах Общей части УК РФ* представляется обоснованным по ряду причин:

– исключается излишнее «загромождение» норм Общей части УК РФ повторными указаниями на некоторые общеприменимые условия наказуемости деяний (экономия нормативного материала);

– отражение большинства общих положений в Общей части УК РФ соответствует традициям российского (и не только) законодателя;

* Исключением, на наш взгляд, являются нормы Общей части УК РФ, где определены условия применения санкций за поведение, определенное диспозицией отдельных норм или их групп (ст. 331, примечания к ст.ст. 122, 127, 201, 285 УК РФ и др.).

– отражение большинства общих положений в Общей части УК РФ способствует более эффективному изучению и усвоению положений уголовного законодательства.

Санкция уголовно-правовой нормы – это меры принуждения, которые могут применяться за совершение действий (бездействия), указанных в диспозиции нормы, и при наличии условий, определенных ее гипотезой (например, «простое» убийство наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет). Однако взгляд на санкцию как на часть статьи Особенной части УК РФ, начинающейся словом «наказывается», является весьма упрощенным. Меры уголовно-правового принуждения (санкция) определяются не только исходя из положений Особенной части УК РФ, но и, как общепризнано, основываясь на положениях Общей части Уголовного кодекса России (например, на положениях глав 10, 14 УК РФ).

Как видно, приведенная схема структурного строения уголовно-правовой нормы весьма проста не только с позиций теоретических, но и с точки зрения законотворческой деятельности.

И далее. Руководствуясь предметом данного исследования, определенного названием статьи, сосредоточим внимание на диспозиции уголовно-правовой нормы – определенном (предполагаемом) поведении, описанном в статье Особенной части Уголовного кодекса России. Сразу можно отметить, что при описании преступного действия (бездействия) российский законодатель использует, как правило, дефинитивную форму, «расшифровывая» содержание того или иного понятия (конкретного преступления): убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку; кража, то есть тайное хищение чужого имущества; лжепредпринимательство, то есть создание коммерческой организации без намерения... и т.п. В других случаях, подобной «расшифровке» поддается название статьи Особенной части УК РФ целиком: побои – нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль,

но не повлекших последствий, указанных в статье 115 настоящего Кодекса; нарушение неприкосновенности жилища – незаконное соби́рание или распространение сведений о частной жизни лица... и др. И лишь в некоторых, достаточно редких, случаях законодатель просто использует общепонятные (общедоступные) термины: похищение человека; незаконное помещение лица в психиатрический стационар; посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа и др. (так называемые простые диспозиции).

Но во всех этих случаях, законодатель определяет диспозиции уголовно-правовых норм (Особенной части УК РФ) в форме описания поведения. Прямых указаний на запрет такого поведения в диспозициях статей Особенной части УК РФ нет. Следовательно, форму изложения законодательного материала в этих случаях можно признать диспозитивной, хотя прежде следует определиться с существом самого термина «диспозитивность».

Согласно Юридическому энциклопедическому словарю (1987) диспозитивность (от лат. *dispono* – располагаю, устраиваю) является одним из основных демократических принципов советского гражданского процессуального права, означающим, что стороны и другие участвующие в деле лица могут свободно распоряжаться своими материальными и процессуальными правами [15, с. 107]. О диспозитивности как принципе права говорят Л.Д. Кудинов [16, с. 30], А.С. Александров [17, с. 7], И.Л. Петрухин [18, с. 24; 19, с. 54], Л.Н. Масленникова [20, с. 15]. Таким образом, с одной стороны, диспозитивность следует рассматривать как общий принцип правового регулирования. Она определяет правовую способность частного лица самостоятельно решать вопросы о пользовании теми или иными правомочиями в конкретной сфере правового регулирования. Второй аспект диспозитивности в праве связывают со специфическим методом правового регулирования (И.Н. Сенякина [14, с. 235], Ю.А. Тихомиров [21, с. 46], Н.И. Матузов [22, с. 356], О.Г. Перминов [23, с. 6], Е.Л. Хильчук [24, с. 76-80]).

Соответственно этому диспозитивность можно рассматривать и как своеобразный метод правового регулирования. Диспозитивность как метод правового регулирования выражается в нормативно предусмотренной возможности выбора поведения, в зависимости от усмотрения частного лица. С общетеоретических и общеметодологических позиций диспозитивность рассматривают и как «особую модель построения правовой материи» (С.С. Алексеев). «Ее суть – в предоставлении лицу возможности самому, своей волей определять собственное поведение, что открывает простор для действий лица по своему усмотрению, по своей воле и в своих интересах» [25, с. 589].

Независимо от того, в каком качестве рассматривают категорию «диспозитивность» (как принцип права, как метод правового регулирования либо как особую модель построения правового материала), суть ее в одном – волеизъявление лица определяет возможные правовые последствия для него.

Описательная форма преступного поведения и отсутствие прямых указаний на запрет такового в диспозиции статей Особенной части УК РФ свидетельствуют о том, что человек волен действовать так, как указано в диспозиции, либо волен воздержаться от такого поведения. Иными словами, вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности (а в некоторых случаях обладающее дополнительными признаками специального субъекта), само (по собственной воле) способно определять возможность наступления для самого себя негативных уголовно-правовых последствий. Следовательно, совершение преступления (его не совершение) является правом лица. Видимо, не случайно, анализируя наказание, Гегель выводил природу наказания из природы преступления, где наказание является пра-

вом преступника^{**}. Итак, диспозиции норм (статей) Особенной части УК РФ изложены в диспозитивной форме.

Принятие данного положения влечет возникновение другого вопроса: почему нормы Особенной части Уголовного кодекса России называют уголовно-правовым запретом? (Отдельные ученые определяли уголовно-правовую норму (Особенной части УК РФ) в качестве «нетипичного уголовно-правового запрета»^{***}). Последователи теории Биндинга говорят о том, что норма уголовного права не содержит запрета деяния и преступник не только не нарушает нормы, а, наоборот, выполняет описанные в диспозиции нормы действия, то есть осуществляет своими действиями состав преступления [4, с. 184; 26, с. 217-219]. С точки зрения буквы закона так оно и есть: лицо действует в соответствии с предписаниями диспозиции уголовно-правовой нормы, более того, действует осознанно (виновно), реализуя свое право вести себя определенным образом (пусть даже и преступным). Так где же запрет?

«Нетипичность» уголовно-правового запрета (его сущность) проявляется не в прямом законодательном запрещении конкретных действий (бездействия), а выявляется как посредством системно-логического анализа структурных элементов уголовно-правовой нормы, так и посредством ее соотношения с другими нормами (норма-

^{**} В частности, он утверждал: «... государство должно утвердить с согласия отдельных людей или без их согласия – не только понятие преступления, разумность этого понятия в себе и для себя, но и в деянии преступника заключена и формальная разумность, воление единичного человека. В том, что наказание рассматривается как содержащее его собственное право, преступник почитается как разумное существо. Эта честь не будет ему воздана, если понятие и мерило его наказания не будут взяты из самого его деяния; так же и в том случае, если рассматривать его как вредного зверя, которого следует обезвредить или стремиться запугать и исправить его» (Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсисянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990. С. 148).

^{***} Такую формулировку использовал профессор В.А. Никонов в устных беседах с участием автора данной статьи.

ми-принципами, нормами-дефинициями и т.п.). Так, например, источник запрета одни авторы видят в наличии санкции статьи Особенной части УК РФ [4, с. 184]; другие – «запрет всякого поведения» выводят из такого признака преступления, как «противоправность» (включение статьи о преступлении (или его части) в Уголовный кодекс РФ), а равно из прямого указания в ч. 1 ст. 14 УК РФ на запрещенность деяния настоящим Кодексом [14, с. 224-225].

Не слишком ли это упрощено или, наоборот, усложнено? Удачная ли это попытка найти объяснение категории «уголовно-правовой запрет» (найти его источник)? Может быть, и удачная. Но только зачем искать объяснение тому, чего юридически (*de jure*) (в уголовном законе) не существует? Еще раз укажем: в тексте закона (статьи Особенной части УК РФ) определяется лишь вид поведенческих актов, совершение которых может повлечь применение санкций (наказания или иных мер уголовно-правового воздействия). Но где же здесь уголовно-правовой запрет? Его, на наш взгляд, нет. По крайней мере, он (запрет) в уголовном законодательстве не сформулирован. С позиций законодательной техники юридический запрет, диспозиция статьи, например, предусматривающей ответственность за убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ), должна звучать следующим образом: «Запрещается убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, которое наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет». Если бы диспозиция уголовно-правовой нормы была сформулирована таким образом, мы могли бы говорить об уголовно-правовом запрете.

В свое время Н.С. Таганцев, анализируя сущность преступления (как нарушение какой-либо границы – нарушение заповедей и норм), обращался к заповедям (нормам) нравственного, религиозного и правового характера. При этом он указывал, что нарушения (несоблюдение) норм нравственности и религии не могут быть абсолютно тождественными нарушениям преступным. В итоге Н.С. Таганцев отмечал, что преступление есть посягательство

на норму права [2, с. 41-47]. Но и здесь, на его взгляд, не все просто: что есть нарушение нормы права? – нарушение ли обязанности (с одной стороны, общей («подчиняться требованиям авторитетной власти», «нормам права» или «не вредить ближнему») с другой – специальной («не убивать», «не красть», «соблюдать санитарно-общественные требования» и т.д.) или нарушение установленного и охраняемого нормой законного права (интереса)? Анализ этого вопроса позволил ему сделать вывод о необходимости «обратиться к другому, положительному, моменту нормы, к установленным и охраняемым ею правам» [2, с. 48], причем правам не субъективным, а реализованным, воплощенным в индивидуальную или общественную жизнь (правовая норма в ее реальном бытии) [2, с. 49]. В конечном счете Н.С. Таганцев формулирует понятие преступления, порой критикуемое, порой разделяемое в науке, но известное каждому, кто занимается проблемами уголовного права, – «преступление есть посягательство на норму права в ее реальном бытии». Что из этого следует? А следствие, даже в части предмета нашего разговора, достаточно важное. Норма права, нарушаемая в результате преступного посягательства, может (а в большинстве случаев так оно и есть****) не являться уголовно-правовой нормой. Даже беглый взгляд на структуру и статьи Особенной части Уголовного кодекса России позволяет с уверенностью констатировать тот факт, что все права и свободы человека и гражданина, относящиеся к объекту уголовно-правовой охраны, определены и гарантированы нормами Конституции России. Интересы государства (в самом широком смысле), выступающие в качестве объекта посягательства, также определены нормами конституционного права. Достаточно большой массив правил (выра-

**** К уголовно-правовым нормам, нарушение которых возможно посредством совершения преступления, относятся лишь те, которые предусматривают непреступное причинение вреда в различных состояниях (необходимой обороны, при задержании преступника, крайней необходимости и т.п.).

жаясь словами Н.С. Таганцева, – «заповедей») определен техническими правовыми нормами: правила оказания медицинской помощи, правила дорожного движения и пожарной безопасности, санитарно-эпидемиологические правила и т.п. И именно в этих нормах (нормах иных отраслей российского, а равно международного) права, практически всегда четко и прямо (*de jure*) определяется запрет общественно опасного поведения:

– ч. 5 ст. 13 Конституции России: «*Запрещается* (курсив наш. – А. С.) создание и деятельность общественных объединений, цели и действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни» – ст. 278 УК РФ «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти», ст. 279 УК РФ «Вооруженный мятеж», ст. 275 УК РФ «Государственная измена», ст. 208 УК РФ «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем», ст. 282 УК РФ «Разжигание ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» и ряд иных уголовно-правовых норм;

– ч. 2 ст. 19 Конституции России: «*Запрещаются* (курсив наш. – А. С.) любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности» – ст. 136 УК РФ «Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина»;

– ч. 2 ст. 29 Конституции России: «*Запрещается* (курсив наш. – А. С.) пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства» – ст. 282-1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества», ст. 282-2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации»;

– ч. 2 ст. 30 Конституции России: «*Не допускается* (читай «запрещается». – А. С.) экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобро-

совестную конкуренцию», – ст. 178 УК РФ «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции»;

– ч. 3 ст. 35 Конституции России: «Никто не может быть (читай «запрещается». – А. С.) лишен своего имущества иначе как по решению суда» – глава 21 УК РФ «Преступления против собственности»;

– ч. 2 ст. 37 Конституции России: «Принудительный труд запрещен» – ст. 127-1 УК РФ «Использование рабского труда»;

– ст. 45 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан: «Медицинскому персоналу *запрещается* (курсив наш. – А. С.) осуществление эвтаназии – удовлетворение просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо действиями или средствами, в том числе прекращением искусственных мер по поддержанию жизни. Лицо, которое сознательно побуждает больного к эвтаназии и (или) осуществляет эвтаназию, несет уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации» [27] – ст. 105 УК РФ «Убийство».

И такого рода примеров великое множество.

Таким образом, нормы уголовного права (в диспозиции статей Особенной части УК РФ) описывают лишь вид (способ) преступного поведенческого акта. Поведенческий акт, исходя из смысла преступления, должен быть виновным, а соответственно, волевым. Воля предполагает выбор вида поведения: в нашем случае преступного или не преступного. Следовательно, диспозиция уголовно-правовой нормы выражена в диспозитивной форме и уголовно-правового запрета не содержит. Запрет на совершение общественно опасных деяний содержится в нормах иных отраслей как российского, так и международного права.

И в завершение несколько выводов.

1. Традиционный взгляд на структуру правовой нормы предполагает наличие трех взаимосвязанных элементов и в уголовно-правовой норме: диспозиции, гипотезы и санкции.

2. Диспозиция уголовно-правовой нормы – это часть нормы, в которой описывается определенное (предполагаемое) поведение. При этом законодатель определяет диспозиции уголовно-правовых норм в форме описания поведения. Прямых указаний на запрет такого поведения в диспозиции статей Особенной части УК РФ нет. Норма права, нарушаемая в результате преступного посягательства, в большинстве случаев не является уголовно-правовой нормой, а является нормой иных отраслей российского, а равно международного права, где практически всегда четко и прямо (*de jure*) определяется запрет общественно опасного поведения.

3. Гипотеза уголовно-правовой нормы – это условия, при которых указанное в диспозиции поведение может повлечь наступление правовых последствий (применение санкций). Гипотеза уголовно-правовой нормы является сложной по своей структуре и содержится (в своей основе) в статьях Общей части УК РФ. При этом гипотеза не может быть единой для всех норм, ибо различаются возраст уголовной ответственности, условия правомерности необходимой обороны в зависимости от характера посягательства и т.п.

4. Санкция уголовно-правовой нормы – это меры принуждения, которые могут применяться за совершение действий (бездействия), указанных в диспозиции нормы, и при наличии условий, определенных ее гипотезой. Меры уголовно-правового принуждения (санкция) определяются не только в статьях Особенной части УК РФ, но и основываются на положениях Общей части УК РФ (например, на положениях главы 10, 14 УК РФ).

1. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Т. 1. Общая часть. Киев: Университетская типография, 1875. 413 с.

2. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т. 1. Тула: Автограф, 2001. 800 с.

3. Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права. Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1965. 86 с.

4. Курс советского уголовного права: в 6

- т. Т. 1. Уголовный закон. М.: Наука, 1970. 312 с.
5. Теория государства и права: учебник для юрид. вузов и факультетов / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М.: НОРМА–ИНФРА-М, 1998. 570 с.
6. Общая теория советского права. М., 1966. 327 с.
7. Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. Т. 1. Общая часть / отв. ред. А.Н. Игнатов и Ю.А. Красиков. М.: НОРМА–ИНФРА-М, 1998. 639 с.
8. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: конспект лекций / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М.: ИНФРА-М, 2002. 138 с.
9. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко и З.А. Незнамова. М.: ИНФРА-М–НОРМА, 1997. 516 с.
10. Кошелев В.Д. О структуре норм Особенной части уголовного права // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. Вып. 3. Ч. 2. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 1999. С. 170-173.
11. Курс уголовного права. Общая часть: учебник для вузов. Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М.: ЗЕРЦАЛО, 1999. 592 с.
12. Уголовное право России. Общая часть: учебник / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М.: Юристь, 1996. 512 с.
13. Уголовное право Российской Федерации: (Общая часть): учебник / под ред. А.И. Марцева. Омск: Омский юрид. ин-т МВД России, 1998. 368 с.
14. Общая теория государства и права: академический курс / под ред. М.Н. Марченко: в 2 т. Т. 2. Теория права. М.: Зерцало, 1998. 510 с.
15. Юридический энциклопедический словарь. 2-е изд., доп. М.: Советская энциклопедия, 1987. 450 с.
16. Кудинов Л.Д. К вопросу о публичности уголовного процесса в правовом государстве // Актуальные проблемы уголовного права и правоприменительной деятельности органов внутренних дел в новых социально-политических условиях: межвуз. сб. науч. тр. М.: Моск. высш. шк. милиции МВД России, 1992. С. 29-31.
17. Александров А.С. Диспозитивность в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород: Нижегород. высш. шк. МВД России, 1995. 28 с.
18. Петрухин И.Л. Публичность и диспозитивность в уголовном процессе // Рос. юстиция. 1999. № 3. С. 24-25.
19. Петрухин И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). М.: Юристь, 1999. 392 с.
20. Масленникова Л.Н. Методология познания публичного и частного (диспозитивного) начал в уголовном судопроизводстве: монография. М.: Акад. управления МВД России, 2000. 180 с.
21. Тихомиров Ю.А. Публичное право: учебник. М.: БЕК, 1995. 496 с.
22. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: Юристь, 1999. 672 с.
23. Перминов О.Г. Уголовно-исполнительное право: учеб. пособие для вузов. М.: Былина, 1999. 231 с.
24. Хильчук Е.Л. Некоторые проблемы применения диспозитивного метода в трудовом праве // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. Вып. 3. Ч. 2. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 1999. С. 76-80.
25. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
26. Томашевский Н.П. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов // Вопросы общей теории советского права. М.: Госюриздат, 1960. С. 217-219.
27. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. № 54871: в ред. от 2 декабря 2000 г. № 139 ФЗ // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 15 августа 1993 г. № 33. Ст. 1318.

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА, АЛЬТЕРНАТИВНЫХ НАКАЗАНИЮ

С.Ю. Скобелин

(доцент кафедры уголовного права Тюменского юридического института МВД России, кандидат юридических наук; skob@inbox.ru)

В статье на основе ретроспективного анализа основных тенденций отечественной уголовно-правовой политики, критического осмысления высказанных точек зрения выясняется понятие и сущность иных мер уголовно-правового характера, не являющихся уголовным наказанием, выделяются присущие им признаки и виды. Доказывается эффективность и распространенность таких мер в будущем.

Ключевые слова: наказание, иные меры уголовно-правового характера, кара, предупреждение преступлений.

Уголовная политика современной России, как и большинства других стран мира, направлена прежде всего на предупреждение преступности, а также недопущение повторных преступлений. Последняя задача решается путем выбора соразмерного содеянному и личности виновного вида и размера уголовно-правового принуждения. Не менее важным моментом в данном направлении является и надлежащим образом организованный процесс исполнения назначенной меры.

В ежегодном Послании Федеральному Собранию РФ 12 ноября 2009 года президент страны Д.А. Медведев отметил: «Наше уголовное законодательство (как и практика его применения) должно стать более современным. Уголовное наказание, как на уровне закона, так и на стадии его применения судами, должно быть адекватным совершенному преступлению и, соответственно, лучше защищать интересы общества и интересы потерпевшего» [1].

Представляется, что современность уголовному закону могут придать не только своевременные научно обоснованные процессы криминализации и декриминализации, адаптирование его норм современным реалиям, что наблюдается в последние годы, но и пересмотр всего арсенала средств уголовно-правового реагирования на факты противоправного поведения людей, морализация уголовно-правового инструментария борьбы с преступностью при соблюдении разумных пределов [2, с. 334].

Социально-правовая действитель-

ность свидетельствует о необходимости поиска новых форм реализации уголовной ответственности, отвечающих международным стандартам и, главное, способных достичь основных целей – удержание осужденного от повторного совершения преступления и обеспечение спокойной жизни законопослушных граждан.

Теоретики и практики, специализирующиеся в области назначения и исполнения наказания, долгое время дискутирующие вопрос об эффективности традиционно наиболее распространенного в России вида наказания – лишения свободы, кажется, сошлись во мнениях о скорейшей возможности достигать обозначенных целей посредством применения так называемых альтернативных видов наказаний, а также мер уголовно-правового характера, наказанием не являющихся. Необходимо согласиться с мнением В.В. Пронникова и А.А. Нечепуренко о том, что монопольное положение наказания как единственного средства уголовно-правового принуждения осталось в прошлом [3, с. 34].

Причем указанная тенденция присуща не только отечественной уголовной политике. По справедливому утверждению Н.Б. Хуторской, «несмотря на сохраняющуюся тенденцию широкого применения тюремного заключения во многих странах мира, его негативные последствия как для преступника, так и для общества в целом становятся все более очевидными. Без преувеличения можно сказать, что во многих странах мира ведутся поиски внетюремных видов наказаний и совершенствование

средств и методов воздействия на правонарушителей» [4, с. 174].

Все чаще научный взор стал обращаться в сторону альтернатив наказания, и в частности иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных действующим уголовным законом.

Несмотря на то, что до принятия Уголовного кодекса РФ 1996 года (далее – УК РФ) упоминания о таких мерах не было, отдельные «прототипы» подобных мер известны отечественному уголовному законодательству, и на протяжении длительного времени реакция государства в отношении лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет, выражалась не только в назначении и исполнении наказания. Разнообразие общественных отношений в различные исторические периоды требовало такой реакции, которая бы обеспечивала одновременно соблюдение принципов гуманизма, экономии репрессии, индивидуализации уголовной ответственности и ее эффективности, то есть недопущение новых преступлений.

Так, отечественному уголовному законодательству давно известны такие формы реализации уголовной ответственности, не являющиеся наказанием, как условное осуждение, отсрочка исполнения приговора, меры медицинского характера и воспитательного воздействия. В соответствии со ст. 7 УК РСФСР 1922 г. к лицам, совершившим общественно опасные деяния, помимо наказания, могли применяться другие меры социальной защиты. УК РСФСР 1926 г. определял систему уголовно-правового воздействия как совокупность мер социальной защиты, подразделявшихся:

- а) на меры судебно-исправительного характера;
- б) меры медицинского характера;
- в) меры медико-педагогического характера.

Несмотря на то, что в УК РСФСР 1960 г. «де-юре» подобные меры закреплены не были, «де-факто» они имели место. Так, Г.С. Гаверов писал: «В последние годы появились такие новые меры уголовно-правового воздействия, применяемые

к правонарушителям..., которые не могут быть “втиснуты” в прокрустово ложе наказания в его традиционном понятии, требуют изменения в той части науки уголовного права, которая до настоящего времени называется учением о наказании. Теперь она может называться более широко, например, учением об уголовно-правовых мерах» [5, с. 188-189].

Данные меры ученый ставил между традиционными видами наказаний и «сугубо» воспитательными мерами и относил к ним уголовно-правовые меры, связанные с условным освобождением от наказания и отсрочкой исполнения приговора, меры административного, общественного и воспитательного воздействия, заменяющие наказание.

В настоящее время в ч. 2 ст. 2 УК РФ говорится о том, что Кодекс «...устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступления». Упоминается о данных мерах и в ч. 1 ст. 3, ч. 1 ст. 6, ч. 2 ст. 7 УК РФ, где декларируется, что они должны определяться настоящим Кодексом, при применении к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, а также не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Однако законодатель не совсем последователен, так как не раскрывает понятие и признаки таких мер, их исчерпывающий перечень, целевые установки, правовую природу, а также правовой статус осужденных к данным мерам и правовые последствия их реализации. Кроме того, в ст. 2 Уголовно-исполнительного кодекса РФ также говорится о том, что «уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации устанавливаются общие положения и принципы исполнения наказаний, применения иных мер уголовно-правового характера, *предусмотренных* (курсив наш. – С. С.) Уголовным кодексом Российской Федерации...». Однако УК РФ их не называет, хотя в ч. 2 ст. 29 Всеобщей

декларации прав человека 1948 г. справедливо отмечается: «каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом» [6, с. 80].

Умолчание законодателя по данным вопросам, имеющим не только отвлеченно теоретическое, но и сугубо практическое значение, к которым относится и указанный вопрос, всегда порождает противоречивые суждения среди ученых. И, несмотря на то, что данный вопрос в теории уголовного права рассматривался не слишком активно, такие противоречия уже появились.

Переименование, закрепленное федеральным законом от 27 июля 2006 года № 153-ФЗ, раздела VI УК РФ «Принудительные меры медицинского характера» на «Иные меры уголовно-правового характера», в который помимо принудительных мер медицинского характера (глава 15 УК РФ) законодатель включил главу 15.1 «Конфискация имущества», проблему не решило, а усугубило.

Появление раздела с подобным названием вызвало волну обоснованной критики со стороны ученых-криминалистов. Ведь принудительные меры медицинского характера вряд ли можно отнести к анализируемым мерам в связи с иной правовой природой, специфическими целевыми установками и основаниями применения. Данные меры применяются либо к лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии невменяемости, то есть не являющимся субъектами преступлений и с большой «натяжкой» включенным в уголовно-правовые отношения вообще, либо к лицам, у которых после совершенного преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказаний, а также к совершившим преступление и страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, и только в случаях, когда такие расстройства связаны с опасностью для самих себя или других лиц (ч. 1, ч. 2 ст. 97 УК РФ). Целью этих мер является излечение данных лиц.

Конфискацию имущества в существующем виде также нельзя считать иной мерой уголовно-правового характера. Дан-

ная мера не направлена на изъятие имущества, принадлежащего виновному. Ее суть состоит в принудительном безвозмездном изъятии и обращении в собственность государства денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступления, а также изъятии доходов от этого имущества, орудий, оборудования или иных средств совершения преступления. Кроме того, и конфискация, и принудительные меры медицинского характера могут применяться судом чаще наряду с наказанием, тогда как, по нашему мнению, иные меры уголовно-правового характера должны носить самостоятельный характер. В связи с этим мы не согласны с авторами, разделяющими меры уголовно-правового характера на дополняющие наказание и выступающие альтернативой наказанию [7, с. 17; 8, с. 46].

Исходя из логического, буквального толкования ст.ст. 2, 3, 6 и 7 УК РФ можно сделать вывод о том, что иные меры применяются только к лицу, признанному судом виновным в совершении преступления, при провозглашении обвинительного приговора (определения, постановления) именно за это преступление. В связи с этим вряд ли можно согласиться с авторами, считающими возможным применение данных мер без связи с совершенным преступлением или с уголовной ответственностью, то есть по иным основаниям.

В частности, С. Курганов предлагает в качестве оснований применения иных мер уголовно-правового характера рассматривать в целом правонарушающее постпреступное поведение лица и относить к ним, помимо форм реализации уголовной ответственности, меры, применяемые к осужденным, не исполняющим требования приговора суда (отмену условного осуждения или продление испытательного срока (ч. 2, ч. 3 ст. 74 УК РФ), отмену условно-досрочного освобождения (п. «а» ч. 7 ст. 79 УК РФ), отмену принудительной меры воспитательного воздействия, которая применялась при освобождении от уголовной ответственности (ч. 4 ст. 90 УК РФ), отмену отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам,

имеющим малолетних детей (ч. 2 ст. 82 УК РФ), замену наказания, в случае злостного уклонения от его отбывания, на более строгое (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 4 ст. 51 УК РФ) [9, с. 59].

Противоречивой является и позиция Т.Д. Устиновой, которая сначала утверждает о том, что такие меры являются реакцией государства на преступление, имеют аналогичные с наказанием цели, в некоторой степени ограничивают права и свободы лица, совершившего преступление, а впоследствии классифицирует их на следующие группы:

1. Обеспечивающие осуществление уголовного преследования и привлечение лица к уголовной ответственности (приостановление течения сроков давности (ч. 3 ст. 78 УК РФ и ч. 2 ст. 83 УК РФ).

2. Альтернативные наказанию и являющиеся формой реализации уголовной ответственности (принудительные меры воспитательного воздействия – ст. 90, ч. 2 ст. 92 УК РФ).

3. Обеспечивающие исправление осужденного и исполнение назначенного наказания (случаи замены наказания другим при злостном уклонении от его отбывания – ст.ст. 46, 49-53 УК РФ, а также отказ в возможности применения условно-досрочного освобождения к некоторым категориям осужденных к пожизненному лишению свободы – ч. 5 ст. 79 УК РФ).

4. Обеспечивающие реализацию задач, стоящих перед институтами условного осуждения, условно-досрочного освобождения, отсрочки отбывания наказания беременным женщинам или женщинам, имеющим малолетних детей (случаи отмены данных мер или продления испытательного срока условного осуждения) [10, с. 347-350].

По нашему мнению, к данным мерам необходимо относить лишь меры, указанные во второй группе, в несколько расширенном виде, о чем речь пойдет ниже.

Достаточно интересным является мнение И.Э. Звечаровского, который под мерами уголовно-правового характера, закрепленными в УК РФ 1996 г., понимает меры, предусмотренные уголовным

законом, применяемые независимо от юридической природы поведения лица, совершившего преступление, но с учетом изменений его уголовно-правового статуса, то есть основанием применения данных мер, по его мнению, может быть не только преступное, но и любое поведение, имеющее уголовно-правовое значение, а сами меры не обязательно должны носить активный, воздействующий характер.

Далее автор перечисляет подсистемы, входящие, по его мнению, в систему данных мер: все виды освобождения от уголовной ответственности (гл. 11 УК РФ), включая примечания к статьям Особенной части УК РФ, ст. 31, ч. 2 ст. 84 и ч. 1 ст. 90 УК РФ; подсистему наказаний – ст.ст. 44, 88 УК РФ, включая смягчение или усиление наказания (ст.ст. 61, 62, 63, 64 УК РФ), условное осуждение (ст.ст. 73, 74 УК РФ), отсрочку отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей (ст. 82 УК РФ); подсистему видов освобождения от наказания (ч. 1 ст. 81, ст. 83, ч. 2 ст. 84, ст. 92 УК РФ); подсистему видов освобождения от отбывания наказания (ст. 79, ч. 1 и 2 ст. 81, ч. 3 ст. 82, ч. 2 ст. 84, ч. 2 ст. 85, ст. 93 УК РФ); подсистему видов замены неотбытой части наказания более мягким (ст. 80, ч. 3 ст. 82, ч. 3 ст. 83, ч. 2 ст. 84, ч. 2 ст. 85 УК РФ) или более строгим наказанием (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 4 ст. 53 УК РФ); досрочное снятие судимости (ч. 5 ст. 86 УК РФ) [11, с. 7].

В то же время данный автор исключает возможность отнесения к таким мерам принудительные меры медицинского характера, а также меры воспитательного воздействия, которые, по его мнению, не являются уголовно-правовыми, не влекут изменения уголовно-правового статуса личности, имеют иные цели и основания.

Указанный подход к понятию мер уголовно-правового характера представляется спорным. Во-первых, автор разрывает связь между преступным деянием и уголовной ответственностью, нарушая триаду «преступление – ответственность – наказание» конструкцией «уголовно-правовое поведение – уголовная ответственность» и

не учитывая, что последняя связка невозможна без первого звена – совершенного преступления. Во-вторых, он расширительно толкует формы реализации уголовной ответственности, говоря в целом о возможных реакциях государства в отношении лица, совершившего преступление. Следуя логике автора, любые уголовно-правовые правоотношения, изменяющие статус лица, совершившего преступление, следует относить к рассматриваемым мерам. В-третьих, вряд ли можно обосновывать необходимость введения категории иных мер уголовно-правового характера тем, что не все предусмотренные уголовным законом реакции государства в отношении лица, совершившего преступление, подпадают под категорию уголовной ответственности (например, ст. 81 УК РФ).

Анализируя юридическую природу альтернатив наказанию, М.Р. Гета отождествляет последние с иными мерами уголовно-правового *воздействия* (курсив наш. – С. С.), предусмотренными УК Республики Казахстан, и относит к ним деятельное раскаяние, освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим и в связи с изменением обстановки, условное осуждение, отсрочку отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, освобождение от наказания в связи с болезнью, вследствие чрезвычайных обстоятельств, помилование и принудительные меры воспитательного воздействия [12, с. 76, 94].

В юридической литературе высказано мнение, согласно которому иные меры уголовно-правового характера – это меры уголовной ответственности, то есть такие меры, которые входят в содержание одного из видов уголовной ответственности и применяются к лицу, совершившему преступление, но в отличие от наказания не имеют карательного травмирующего содержания [13, с. 123; 14, с. 6, 7; 15, с. 12], с чем необходимо согласиться. По меткому выражению В.Д. Филимонова, «их задача состоит не в том, чтобы ограничить права и свободы осужденного и оказать на него определенное травмирующее нравствен-

но-психологическое воздействие, а в том, чтобы создать наилучшие условия для его исправления. У них иная, чем у карательного вида правовых ограничений, социальная направленность» [13, с. 125].

Безусловно, законодатель, упоминая о том, что к лицу, совершившему преступление, кроме наказания, могут применяться и иные меры уголовно-правового характера, подразумевал именно такой подход. Речь идет об иных формах реализации уголовной ответственности, кроме наказания, которые могут применяться к лицу, совершившему преступление, то есть о новой триаде «преступление – ответственность – иные меры уголовно-правового характера», известной отечественному и зарубежному уголовному законодательству.

Представляется, что подобные меры должны обладать следующими признаками:

1. Данные меры имеют уголовно-правовой принудительный характер, то есть должны быть предусмотрены нормами уголовного закона и применяться в принудительном порядке.
2. Основанием их назначения является совершение лицом преступления.
3. Могут назначаться только обвинительным приговором суда.
4. Исполнение данных мер должно осуществляться государственными органами.
5. Данные меры содержательно носят одновременно правоограничивающий, обязывающий (но не карающий) [14, с. 9; 15, с. 16; 16, с. 98] и воспитательно-предупредительный характер.

Таким образом, меры уголовно-правового характера, отличные от наказания, – это предусмотренные уголовным законом и назначаемые судом лицу, признанному виновным в совершении преступления, меры правоограничивающей или воспитательно-предупредительной направленности, лишенные карательного элемента.

На сегодняшний день систему мер уголовно-правового характера, отличных от наказания, составляют, на наш взгляд, условное осуждение, отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и жен-

щинам, имеющим малолетних детей, принудительные меры воспитательного воздействия.

Содержательно «по духу» закона они могут заключаться не только, и даже не столько в ограничении прав осужденного, сколько в контроле за его поведением и скорейшей ресоциализации преступника (например, условное осуждение без возложения обязанностей или отсрочка назначенного наказания беременным женщинам), в ограждении его от дальнейшей криминальной стигматизации и реституции (принудительные меры воспитательного воздействия). Причем не всегда данные меры будут носить принудительный характер, а в условиях модернизации арсенала уголовно-правовых средств воздействия на правонарушителей их содержание и формы могут со временем несколько трансформироваться.

1. Российская газета. 2009. 13 ноября.
2. Сундуров Ф.Р. Природа иных мер уголовно-правового характера // Российский ежегодник уголовного права / под ред. Б.В. Волженкина. СПб. 2007. № 2. С. 334.
3. Пронников В.В., Нечепуренко А.А. Содержание условного осуждения и пути оптимизации его назначения // Российская юстиция. 2006. № 9.
4. Хуторская Н.Б. Опыт применения общественных (обязательных) работ за рубежом // Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации: материалы междунар. конф. М., 2001. С. 174-178.
5. Гаверов Г.С., Тельцов А.П. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник. Иркутск, 1994.
6. Всеобщая декларация прав человека // Соц. законность. 1989. № 4.
7. Гареев М.Ф. Цели иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения по российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005.
8. Медведев Е. Понятие и виды иных мер уголовно-правового характера, применяемых за совершение преступлений // Уголовное право. 2009. № 5.
9. Курганов С. Меры уголовно-правового характера // Уголовное право. 2007. № 2.
10. Устинова Т.Д. Иные меры уголовно-правового характера и меры уголовно-правового воздействия: содержание и соотношение // Российский ежегодник уголовного права / под ред. Б.В. Волженкина. СПб., 2007. № 2.
11. Российское уголовное право: курс лекций: в 5 т. Т. 2. Наказание / под ред. А.И. Коробеева. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 500 с.
12. Гета М.Р. Альтернативы наказанию: учеб. пособие. Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2004.
13. Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству: монография. М.: НОУ «Институт Актуального образования “ЮрИнфоР – МГУ”», 2008.
14. Музеник А.К. Дифференциация уголовной ответственности: формы и виды // Актуальные проблемы государства и права в современный период: сб. ст.: в 2 ч. Ч. 1. Томск, 1998.
15. Ольховик Н.В. Режим испытания при условном осуждении: монография. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 180 с.
16. Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права: монография. М.: Юристъ, 1998.

ЗНАЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В ПРОФИЛАКТИКЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

И.Н. Куркина

(доцент кафедры гуманитарных дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат педагогических наук; human@vui.vladinfo.ru)

На сегодняшний день проблема выработки активной жизненной позиции в молодежной среде вызывает особое беспокойство. Повсеместное распространение получило явление «пассивности» молодых людей как в политической, так и в иных сферах жизнедеятельности общества, которое часто приводит к нарушению закона, к преступлениям. Отечественный и зарубежный опыт свидетельствуют, что популяризация правопослушного поведения, чувства патриотизма, гражданской ответственности среди молодежи является одной из основных задач правового государства.

Ключевые слова: молодежь, жизненная позиция, транснациональная преступность, правопослушное воспитание, социально-реабилитационные центры, общественные молодежные организации, воспитательный процесс

Рассматривая возникшую в современном обществе проблему дефицита активной жизненной позиции в молодежной среде, которая часто приводит к нарушению закона, к преступлениям, следует обратить внимание на то, что молодежь – это особая возрастная группа. В социологической, психологической и криминологической литературе нет единообразного понимания того, что такое молодежь и какими временными границами определяется этот возраст. Так, к молодежи одни исследователи относят лиц не старше 25 лет [1, с. 67], другие отодвигают этот возрастной порог до 30 лет [2, с. 32]; в общественном же мнении распространено расширенное понимание молодежного возраста, когда к данной категории относят и «молодого ученого» за тридцать, и «молодого поэта» за сорок, и даже «молодого режиссера» за пятьдесят [3, с. 374].

Несмотря на расхождения в определении возрастных критериев, неоспоримым остается тот факт, что в XXI веке именно молодежи предстоит решать задачи, контуры которых сейчас трудно различимы, со временем она будет занимать ведущие позиции в экономике и политике, социальной и духовной сферах общества. Представляется, что государство должно уделять особое внимание молодежной политике, используя как собственный на-

копленный с этой сфере опыт, так и опыт ведущих мировых держав.

За рубежом существует понимание того, что для достижения мирового лидерства, а также для борьбы с транснациональной преступностью необходимо формирование и поддержание на должной высоте морально-психологического, этического и интеллектуального уровня населения страны. Например, в Соединенных Штатах Америки действует целый комплекс принципов, ценностей и идей (установок) военного, политического, экономического, морально-психологического и этического характера, совместимых с национальным историческим наследием и связанных с интересами, целями и задачами государства (концепции «превосходства американского образа жизни», «особая миссия США в мире» и др.) [4].

Принцип правопослушного поведения, уважения к законам воспитывается и утверждается в сознании американских граждан с самого детства. То есть у ребенка еще на ранних стадиях развития закрепляется идеал законопослушного гражданина, который добьется успеха в жизни через учебу и кропотливый труд, а не преступным путем.

У нас в стране такой системы нет. Более того, некачественно осуществляется, а зачастую и вовсе отсутствует воспи-

тание – как на уровне государства, так и на местах образовательными учреждениями, общественными организациями и семьей. Средства массовой информации пропагандируют достижение цели любыми путями, в том числе и преступными (особенно отечественный кинематограф).

В основном документе Конференции ООН по окружающей среде и развитию труда отмечено: «Молодежь составляет почти 30 % численности населения мира. Вовлечение современной молодежи в процесс принятия решений по вопросам окружающей среды и развития имеет в долгосрочном плане чрезвычайно важное значение для осуществления Повестки дня на XXI в.» [5, с. 7]. Россия в этом направлении в своей деятельности придерживается Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации [6], которая предусматривает ряд социальных программ, таких как: Федеральная целевая программа развития образования на 2006–2010 годы, Федеральная целевая программа «Дети России» на 2007–2010 годы, и др., но этим декларированием принципов молодежной культуры и культуры гражданственности все ограничивается. В реальной жизни отсутствуют должные механизмы реализации названных программ, а подростки оказываются на улице предоставленными сами себе.

В любом обществе традиционно задачу нравственного воспитания детей и подростков выполняет в первую очередь семья. Именно родители закладывают основу идеалов, ценностей при формировании личности ребенка. Психологи отмечают, что здесь существует некая логичная закономерность: высокий уровень политической и правовой образованности родителя способствует формированию активной жизненной позиции подростка, его непримиримости к любым преступным и антиобщественным проявлениям. Однако в настоящее время в России растет количество неполных, экономически неблагополучных семей, либо семей, в которых родители сами ведут противоправный образ жизни. Следствием этого является снижение воспитательного воздействия семьи

на подростка. Родители зачастую становятся главными «...виновниками нереализованных рыночных притязаний и потребительских амбиций своих чад. Именно на этой почве, как представляется, возникают сейчас межпоколенные противоречия» [7, с. 12].

На сегодняшний день в России явно прослеживается недостаточное участие образовательных учреждений в воспитательном процессе. Здесь наблюдаются проблемы как в процессе обучения, так и в организации досуга несовершеннолетнего. Одна из основных целей преподавания заключается в развитии способности учащихся самостоятельно анализировать и интерпретировать на основе полученного знания значение и смысл жизненных ценностей. Это необходимо для того, чтобы в будущем они могли бы принимать разумные решения, а не руководствоваться сиюминутными желаниями. Однако необходимо отметить, что система образования не справляется с данной задачей, а молодежь не хочет ни о чем задумываться.

Не случайны, на наш взгляд, приводимые ниже цифры, свидетельствующие, что, напримр, в г. Владимире в структуре подростковой преступности идет неуклонный рост тяжких и особо тяжких преступлений. Так, в 2007 г. данные преступления составляли соответственно 19,1 % и 16,5 %; в 2008 г. – 19,8 % и 16,9 %; в первом полугодии 2009 г. – 21,2 % и 17,3 % . Особую тревогу у сотрудников правоохранительных органов вызывает рост следующих преступлений – краж, грабежей, причинения тяжкого вреда здоровью, дорожно-транспортных происшествий с участием несовершеннолетних [8, с. 2].

В сложившейся ситуации представляется излишним обращение к зарубежному опыту правопослушного воспитания молодежи. Так, в Германии важным звеном в предупреждении подростковой преступности является своевременное выявление и принятие мер к родителям, ведущим аморальный образ жизни, злоупотребляющим спиртными напитками, не исполняющим обязанности по воспитанию несовершеннолетних, а также практикующим жесто-

кое обращение с детьми. На территории городов создаются институты школьных инспекторов, их численность составляет от 9 до 14 человек. Опыт работы школьных инспекторов позволяет сделать вывод, что необходимо активизировать деятельность по ранней профилактике преступлений среди несовершеннолетних и защите их прав. Введение данного института способствует также активизации воздействия на несовершеннолетних и их родителей. Приоритетными направлениями их деятельности являются: правовое воспитание учащихся, формирование позитивного правосознания несовершеннолетних, предупреждение распространения пьянства и наркомании, профилактика и пресечение правонарушений, проведение приема учащихся и их родителей, педагогических работников по правовым вопросам.

В нашей стране также проводятся профилактические мероприятия, например, «Занятость», «Семья», «Каникулы», «Здоровье», «Школа», «Выпускник», «Группа», «Безнадзорные дети», «За решеткой детские глаза», помогающие несовершеннолетним трудоустроиться, поправить свое здоровье, организовать досуг, реабилитироваться после освобождения из воспитательной колонии и т.п.

Интересна практика поддержки и развития социальной активности молодежи в США. Там достаточно успешно функционируют социально-реабилитационные центры, где подросткам предлагают альтернативный, отличный от их неблагоприятного прошлого, образ жизни. Проводя комплексное изучение причин и условий, способствовавших антиобщественному поведению несовершеннолетнего, совершению им преступных действий, сотрудники центра принимают индивидуальные меры к каждому подростку.

Для нашей страны неблагоприятным обстоятельством явилось то, что общественные организации довольно мало внимания уделяют проведению дополнительных занятий, кружков, секций, а если они и проводятся, то за плату, следовательно, недоступны большинству подростков. К тому же наше общество еще не совсем

«поправилось» после советского времени, когда основную воспитательную работу обеспечивали пионерская и комсомольская организации. После их распада образовался вакуум. Идеи, которые пропандировались и даже, более того, вбивались в головы людей, «канули в Лету». Сегодня общественных молодежных организаций мало, а деятельность существующих отнюдь нельзя охарактеризовать как положительную. Как правило, эти организации ставят своей задачей не улучшение положения молодежи, а корыстные цели. И основная задача государства, на наш взгляд, должна состоять в популяризации различными средствами социальной рекламы ценностей российского общества, таких как: здоровье, труд, семья, толерантность, права человека, Родина, патриотизм, служение Отечеству, активная жизненная и гражданская позиции, ответственность, правопослушное поведение. В решении данной задачи может помочь изучение и внедрение положительного опыта, накопленного зарубежной практикой.

1. Кон И.С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989.
2. Социология молодежи / под ред. В.Т. Лисовского. СПб., 1996.
3. Сапогова Е.Е. Психология развития человека. М.: Аспект Пресс, 2001.
4. URL: http://www.redstar.ru/2001/03/14_03/r_w31.html.
5. Коптюг В.А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.): информ. обзор. Новосибирск, 1992.
6. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 1760-р.
7. Катаев С. Молодежь как социокультурная общность в аспекте межпоколенных отношений // Теоретические основания культурной политики. М., 2005.
8. Информация о состоянии преступности среди несовершеннолетних и результатах работы органов внутренних дел г. Влади-

мира по предупреждению правонарушений
несовершеннолетних за 2007 г., 2008 г., 1-е
полугодие 2009 года.

Раздел 5. Совершенствование деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений

ПРОВЕДЕНИЕ ПРОВЕРОК СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ЦЕЛЬЮ ВЫЯВЛЕНИЯ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ф.А. Симанцов

(начальник отделения следственного управления при УВД по г. Ноябрьску, Ямало-Ненецкий автономный округ; P1981S@yandex.ru)

В статье рассматриваются вопросы проведения проверок субъектов предпринимательской деятельности с целью выявления налоговых преступлений. Исследуется вопрос о возможности проведения проверок до возбуждения уголовного дела. Предлагается примерный перечень действий для сотрудников управлений по налоговым преступлениям.

Ключевые слова: ревизия, проверка, налог, заявление, следователь, преступление.

Глава Российского государства Д.А. Медведев, выступая 31 июля 2008 г. в г. Гагарине Смоленской области на совещании по вопросам защиты прав собственности субъектов малого и среднего предпринимательства, сказал, что одной из «проблем, с которыми сталкиваются наши предприниматели, где бы они ни занимались бизнесом», являются частые проверки и всякого рода «наезды» по коммерческим наводкам. Вообще, надо, чтобы и наши правоохранительные органы, и органы власти перестали «кошмарить» бизнес» [1].

26 декабря 2008 г. Президентом РФ был подписан федеральный закон № 293-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части исключения внепроцессуальных прав органов внутренних дел Российской Федерации, касающихся проверок субъектов предпринимательской деятельности» (далее – закон № 293-ФЗ), в то же самое время подписан федеральный закон № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». В настоящей статье более подробно остановимся на первом законе в связи с тем, что данный закон в большей степени имеет отношение к расследованию уголовных дел экономической направленности, и в частности налоговых преступлений.

Согласно закону № 293-ФЗ все проверки субъектов предпринимательской деятельности должны проводиться в рамках Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Внепроцессуальные права ограничены только у сотрудников ОВД, порядок же проведения проверок налоговыми органами остался без изменения. В соответствии с федеральным законом № 293-ФЗ, п.п. 25 и 35 ст. 11 закона Российской Федерации от 18 апреля 1991 года № 1026-1 «О милиции» признаны утратившими силу [2] и, как следствие, утратили юридическую силу указы МВД России от 16 марта 2004 г. № 177 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения проверок организаций и физических лиц при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, связанного с нарушением законодательства Российской Федерации о налогах и сборах» и от 2 августа 2005 г. № 636 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками милиции проверок и ревизий финансовой, хозяйственной, предпринимательской и торговой деятельности», изданные в целях обеспечения законности и обоснованности проводимых сотрудниками милиции проверок и ревизий. А поскольку именно этими нормативными правовыми актами сотрудники милиции руководствовались в своей служебной деятельности (особенно в части определения порядка проведения

проверок), то возникли проблемы, связанные с порядком проведения определенных мероприятий, необходимых для осуществления проверок предпринимательской деятельности, таких как изъятие необходимых документов, проведение исследований, осмотр местностей, помещений и других.

До вступления закона в силу для проверки сведений о нарушении законодательства, регулирующего финансовую, хозяйственную, предпринимательскую и торговую деятельность, милиция была вправе производить осмотр служебных помещений и досмотр транспортных средств; изучать документы; изымать образцы сырья, продукции и товаров для экспертизы; требовать проведения проверок и ревизий или самостоятельно проводить их. Однако внесенными изменениями милиция лишается указанных полномочий. Это означает, что теперь должностные лица ОВД при проведении мероприятий, направленных на пресечение правонарушений и преступлений, должны будут руководствоваться только теми процедурами и порядком их применения, которые предусмотрены нормами УПК РФ и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, что было также подтверждено лично президентом РФ Д.А. Медведевым во вступительном слове на расширенном заседании коллегии МВД России. Президент напомнил, что проверять организации и граждан, занимающихся предпринимательской деятельностью, сотрудники милиции должны только при наличии заявления о совершенном преступлении и в рамках возбужденного уголовного дела [3].

Большие трудности возникают у сотрудников подразделений органов внутренних дел по налоговым преступлениям, в должностные обязанности которых входит предупреждение, пресечение, выявление и документирование соответствующих преступлений. На примере данных подразделений и с учетом изменившегося законодательства рассмотрим порядок назначения, проведения проверок организаций или физического лица при наличии достаточных данных, указывающих на признаки

преступления, связанного с нарушением законодательства Российской Федерации о налогах и сборах.

В настоящее время сотрудники милиции в целях выявления, предупреждения, пресечения и документирования преступлений и правонарушений, связанных с нарушением законодательства о налогах и сборах, могут реализовать только предусмотренные законом «О милиции» права, касающиеся получения от граждан и должностных лиц необходимых объяснений, сведений, справок, документов и копий с них (п. 4 ст. 11); производства в предусмотренных законом случаях и порядке уголовно-процессуальных действий (п. 6 ст. 11); осуществления оперативно-розыскной деятельности в соответствии с федеральным законом (п. 16 ст. 11).

Ранее действовавший п. 35 закона «О милиции», согласно которому сотрудники милиции были вправе при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, связанного с нарушением законодательства Российской Федерации о налогах и сборах, проводить проверки организаций и физических лиц в соответствии с законодательством Российской Федерации, на наш взгляд, был недостаточно проработан, и его отмена – это правильное решение законодателя. Из приведенной формулировки видно, что основание проведения проверок было связано с достаточностью данных о признаках преступления. Отсюда возникает вопрос об определении степени достаточности этих данных, порядке их получения и содержания.

Обратимся к толкованию слова «достаточность». В словаре русского языка С.И. Ожегова прилагательное «достаточный» определяется как «удовлетворяющий потребностям, необходимым условиям» [4, с. 162]. В нашем случае этим условием и потребностью являются данные, то есть сведения, необходимые для какого-нибудь вывода, решения [4, с. 139]. Для того чтобы провести проверку субъекта предпринимательской деятельности, необходимо располагать определенными сведениями, позволяющими провести эту проверку, то есть уже на данном этапе владеть инфор-

мацией о том, кто нарушает налоговое законодательство, а также необходимыми документами по финансово-хозяйственной деятельности, в том числе первичными бухгалтерскими документами, учредительными документами, объяснениями лиц, справками и т.д.

При проведении мероприятий, которые возможно было выполнять в рамках п. 35 ст. 11 закона «О милиции», сотрудник милиции, уполномоченный законом проводить эти мероприятия при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, связанного с нарушением законодательства Российской Федерации о налогах и сборах, ссылаясь на получение определенной информации, свидетельствующей, что тот или иной индивидуальный предприниматель либо директор юридического лица уклоняется от уплаты налогов и сборов. То есть получалось, что эта информация принималась как достаточные данные, что само по себе неправильно. Если эта информация получена в рамках оперативно-розыскной деятельности от конфиденциальных источников, то она должна быть подтверждена необходимым комплексом проведенных мероприятий. И только по завершении всех достаточных оперативно-розыскных мероприятий, которые были выполнены в рамках федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – закон «Об ОРД»), необходимо руководствоваться действующей Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд [5]. В рамках прежнего п. 35 ст. 11 закона «О милиции» достаточные данные подменялись информацией, которая никак не оформлялась, что позволяло проверять сотрудникам милиции любую организацию, предприятие, учреждение и индивидуального предпринимателя. Следовательно, исключение данного пункта и внепроцессуальных прав органов внутренних дел Российской Федерации, касающихся проверок субъектов предпринимательской деятельности, – правильное

решение, лишаящее возможностей проверять всех подряд и решать несвойственные для милиции задачи.

Для того чтобы провести определенные проверочные мероприятия в отношении того или иного субъекта предпринимательства при наличии заявления, проблем не возникает. Допустим, работник одного из предприятий или индивидуального предпринимателя сообщил, что на его предприятии директор или индивидуальный предприниматель уклоняется от уплаты налогов и сборов. Заявление в установленном порядке регистрируется в книге учета сообщений о происшествиях, по нему принимается одно из решений, предусмотренных в ст. 145 УПК РФ. А если изложенная в сообщении информация подлежит проверке в соответствии с УПК РФ, то следует выполнить весь необходимый комплекс мероприятий, предусмотренных УПК РФ, законом «О милиции», законом «Об ОРД» и т.д. Помимо проведения ревизий и документальных проверок, это истребование материалов, предметов, документов, получение объяснений, проведение инвентаризации, исследований.

Также не возникает проблем и по поступившим в ОВД материалам от органов налогового контроля. Порядок взаимодействия данных органов подробно описан в приказе МВД РФ и ФНС РФ от 30 июня 2009 г. № 495/ММ-7-2-347 «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений».

Но никто не снимал обязанностей с сотрудников подразделений органов внутренних дел по налоговым преступлениям самостоятельно выявлять такие преступления и тем самым обеспечивать выполнение возложенных на них задач. Однако при выявлении соответствующих преступлений у них возникают трудности в решении вопроса о необходимости проведения поверки (ревизии) для определения суммы неуплаченного налога, необходимой для возбуждения уголовных дел, предусмотренных ст.ст. 198-199 УК РФ. Указанные составы

преступлений являются материальными, соответственно для возбуждения уголовного дела необходимо установление конкретной суммы неуплаченных налогов.

Возникает вопрос: должна ли сумма неуплаченного налога быть высчитана до регистрации сообщения о преступлении в книге учета сообщений о происшествиях или ее расчет производится в процессе предварительной проверки в порядке ст. 144 УПК РФ? На наш взгляд, к моменту регистрации сообщения о преступлении (коим в данном случае будет выступать рапорт оперуполномоченного об обнаружении признаков преступления) в этом рапорте уже должна быть зафиксирована сумма неуплаченного налога, что будет указывать как раз на то, что в процессе оперативно-розыскной деятельности выявлено не налоговое правонарушение, а преступление. Однако закон «Об ОРД» в числе оперативно-розыскных мероприятий не предусматривает такого средства получения информации, как ревизия или документальная проверка. В то же время законом «Об ОРД» предусмотрено такое оперативно-розыскное мероприятие, как исследование предметов и документов (п. 5 ч. 1 ст. 6), в рамках которого возможно представление ревизору подразделения ОВД по налоговым преступлениям изъятых документов для установления признаков преступления (в том числе суммы налогов) для соответствующего исследования, по результатам которого им будет оформлен акт, содержащий необходимые сведения для регистрации сообщения. Дополнительно ревизор может быть опрошен по результатам проведенного исследования в соответствии с п. 1. ч. 1 ст. 6 закона «Об ОРД». После регистрации такого сообщения, содержащего указанные материалы ОРД, уголовно-процессуальный закон позволяет следователю для решения вопроса о возбуждении уголовного дела проверить информацию, содержащуюся в сообщении, посредством реализации требования о проведении ревизии или документальной проверки (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

Таким образом, получается, что в рамках ОРД необходимо провести все не-

обходимые мероприятия и собрать достаточное количество данных для регистрации в книге учета сообщений и преступлений сообщения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших. В этих целях возможно предложить следующий порядок (алгоритм) действий для сотрудников управлений по налоговым преступлениям:

- получение первичной информации и заведение дела оперативного учета;

- проведение необходимых оперативно-розыскных мероприятий для проверки информации и документирования преступных действий (в форме различных оперативно-розыскных мероприятий производится анализ изъятых, обнаруженных, представленных документов, опросы лиц, имеющих отношение к информации о преступлении, исследование и получение информации из различных источников, направление необходимых запросов в контролирующие и регистрирующие организации, получение рекомендаций от специалистов и сотрудников следственных органов, проведение исследования всех собранных документов на предмет установления суммы неуплаченных налогов с составлением акта исследования и пр.);

- представление собранных материалов до регистрации в книге учета сообщений о происшествиях руководителю следственного органа для изучения на предмет достаточности оснований к возбуждению уголовного дела;

- при отрицательной оценке достаточности оснований к возбуждению уголовного дела, данной руководителем следственного органа, осуществление доработки материалов или их представление со своими возражениями руководителю вышестоящего следственного органа;

- при наличии информации от руководителя следственного органа о достаточности оснований к возбуждению уголовного дела регистрация рапорта и направление материала в орган предварительного следствия.

Такой порядок решения вопроса о

возбуждении уголовного дела реализуется в соответствии действующим законодательством, не противоречит принятому федеральному закону № 293-ФЗ и словам Президента РФ. Принятые законодательные акты по исключению внепроцессуальных прав органов внутренних дел, касающихся проверок субъектов предпринимательской деятельности, нисколько не препятствуют реализации правоохранительной функции по пресечению преступлений в экономической сфере и в то же время будут выступать дополнительным стимулом для повышения качества работы органов внутренних дел и недопущения актов коррупционного поведения.

1. Медведев Д.А. Вступительное слово на совещании по вопросам защиты прав собственности субъектов малого и среднего предпринимательства // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/07/204827.shtml>.

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части исключения внепроцессуальных прав органов внутренних дел Российской

Федерации, касающихся проверок субъектов предпринимательской деятельности: федер. закон от 26 дек. 2008 г. № 293-ФЗ // Российская газета. 2008. 30 дек.

3. Медведев Д.А. Вступительное слово на расширенном заседании коллегии МВД РФ об основных результатах оперативно-служебной деятельности ОВД и ВВ в 2008 году и приоритетных задачах на 2009 год // Щит и меч. 2009. № 6 (1166).

4. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 12-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1978.

5. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд: приказ МВД РФ, Федеральной службы безопасности РФ, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков и Минобороны РФ от 17 апреля 2007 г. № 368/185/164/48 1/32/184/97/147 // Российская газета. 2007. 16 мая.

Раздел 6. Процессуальное право, юрисдикция, процедуры

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ЛЮДЕЙ
В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

О.Г. Григорьев

(начальник кафедры уголовного процесса Тюменского юридического института
МВД России, кандидат юридических наук, доцент; 8 (3452) 59-84-39)

В статье автором рассматриваются наиболее значимые вопросы правового регулирования и тактические особенности предъявления для опознания живых лиц, проводимого в рамках досудебного производства; примерами из правоприменительной практики иллюстрируются типичные ошибки, допускаемые при проведении данного действия; анализируются проблемы работы с понятыми и статистами, исследуются сложности производства предъявления для опознания людей в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым.

Ключевые слова: следственное действие, предъявление для опознания людей, опознание, статисты, понятые, опознающий, опознаваемым.

Несмотря на то, что такое следственное действие, как предъявление для опознания, в отечественном уголовном процессе к числу новых не относится, его производство обычно сопряжено с определенными трудностями для правоприменителей. При этом наиболее сложным и проблемным является предъявление для опознания людей. Именно об этой разновидности предъявления для опознания и пойдет речь ниже.

Сущность предъявления для опознания человека состоит в сравнении в установленном уголовно-процессуальным законом порядке участником уголовного судопроизводства сохранившегося у него в памяти мысленного образа ранее воспринимавшегося лица с предъявляемым лицом. Целью такого сравнения является установление тождества или различия между мысленным образом и предъявленным лицом. Основанием данного следственного действия является наличие сомнений относительно тождества запомненного образа и конкретного лица. Если участник уголовного процесса хорошо знает искомое лицо, может назвать его персональные данные, то предъявление для опознания не требуется, т.к. сомнений по поводу правильности идентификации соответствующего лица у правоохранительных органов не возникает.

Законодатель в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ) фактически не изменил процессуальные пра-

вила предъявления для опознания живых лиц. По сути, те же правила существовали и в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР. Было введено лишь два новых положения – запрет на повторное предъявление для опознания лица (как и предмета) тем же опознающим и по тем же признакам (ч. 3 ст. 193 УПК РФ) и возможность предъявления лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ).

Между тем не только эти нововведения вызывают вопросы у правоприменителей.

Начнем с того, что круг лиц, которые могут выступать в качестве опознающих, законом очерчен четко – это свидетель, потерпевший, подозреваемый и обвиняемый. Следовательно, участники уголовного процесса, имеющие какой-либо другой процессуальный статус, например статус гражданского истца, гражданского ответчика, представителя потерпевшего, выступать в качестве опознающего не могут. Выходом из этой ситуации является придание соответствующему субъекту еще одного процессуального статуса, как правило, статуса свидетеля, что осуществляется путем вызова на допрос и последующего допроса данного лица в качестве свидетеля. Совмещение двух процессуальных статусов для гражданского истца и гражданского ответ-

чика законом не запрещено (см. гл. 9 УПК РФ). В отношении же представителя потерпевшего (а также представителя гражданского истца или гражданского ответчика) такой запрет установлен (в ст. 72 УПК РФ). Поэтому появление у него статуса свидетеля влечет утрату статуса представителя.

В свою очередь, перечень участников уголовного судопроизводства, которые могут предъявляться для опознания (выступать опознаваемыми), законодателем не определен. Соответственно, предъявляемое для опознания лицо может и не обладать конкретным процессуальным статусом. Например, сотрудниками милиции по ориентировке был остановлен и доставлен к следователю человек, схожий по приметам с преступником. В этом случае оснований для уголовно-процессуального задержания данного человека в соответствии со ст. 91 УПК РФ еще нет. В качестве такого основания может выступить опознание этого лица потерпевшим или свидетелем*. Но до задержания в порядке ст.ст. 91, 92 УПК РФ данный человек статуса подозреваемого не имеет (согласно ст. 46 УПК РФ). Поэтому он предъявляется для опознания, не обладая конкретным процессуальным статусом. Однако это вовсе не означает, что у такого опознаваемого нет процессуальных прав и обязанностей. Они есть, т.к. процессуальное положение любого опознаваемого включает в себя как общие, так и специальные права и обязанности (в частности, общую обязанность выполнять законные требования следователя, дознавателя; специальное право занять любое место среди лиц, предъявляемых для опознания).

Другим правилом, связанным с предъявлением для опознания, является предварительный допрос опознающего (в рамках отдельного следственного действия) об обстоятельствах, при которых он видел искомое лицо, а также о приметах и особенностях, по которым может это лицо

опознать (ч. 2 ст. 193 УПК РФ). Здесь нередко возникает вопрос: а можно ли тогда предъявлять для опознания человека не только по ранее увиденным признакам, но и по признакам, воспринятым другими органами чувств – слухом, осязанием, обонянием, вкусовыми рецепторами? Толкуя закон буквально, приходим к выводу о возможности использования при предъявлении для опознания лишь той информации, что была получена ранее при помощи органов зрения. Но большинство ученых, занимавшихся этой проблемой, сходятся во мнении, что законодатель здесь допустил ошибку и поэтому, определяя сущность предъявления для опознания, говорят о формировании мысленного образа не ранее *увиденного*, а ранее *наблюдаемого* объекта (курсив наш. – О. Г.) [1, с. 157-158; 2, с. 43; 3, с. 3; 4, с. 14; 5, с. 21-22 и др.]. Практика, в том числе и судебная, также идет по пути допустимости предъявления для опознания лица по голосу и другим особенностям, воспринимаемым не зрительным путем [6, 7, 8, 9]. Но если опознание по голосу или на основе тактильных ощущений может иметь достаточную степень достоверности и в изолированном виде (например, у слепых хорошо развито осязание и слух), то опознание по запаху и вкусовым качествам представляется целесообразным лишь как дополнительный элемент к другим опознавательным признакам, т.к. обоняние у человека слабое, а вкус непостоянен.

В ходе предварительного допроса нередко возникают ситуации, когда допрашиваемый говорит, что запомнил интересующее следователя лицо и сможет это лицо опознать, но при этом не может указать конкретные опознавательные признаки. О допустимости проведения предъявления для опознания в такой ситуации идет спор. Одни авторы считают, что предъявлять для опознания в данном случае вполне допустимо [10, с. 42; 11, с. 322; 5, с. 71], другие такую возможность отрицают [12, с. 20; 13, с. 18; 14, с. 153 и др.]. Суть же проблемы сводится к тому, что узнавание опознаваемого опознающим может происходить спонтанно, на основе признаков, запечатлевшихся на уровне подсознания. Однако

* Необходимо заметить, что предъявление для опознания, как и любое другое следственное действие (за исключением осмотра места происшествия, осмотра трупа и освидетельствования), может осуществляться лишь по возбужденному уголовному делу в рамках срока расследования.

достоверность такого опознания находится под большим сомнением, т.к. в этом случае в качестве опознающих признаков он может называть те, что наблюдает впервые только сейчас – при предъявлении для опознания [15, с. 90-99].

Но для правоприменителей важна не сама научная дискуссия и аргументы каждой из сторон, а выход из сложившейся ситуации. Придерживаясь той или иной позиции, следователь, проводивший предъявление для опознания, вполне может разойтись во мнениях с руководителем следственного органа, прокурором, судом, что, скорее всего, приведет к игнорированию его аргументов и признанию его действий неправомерными. Поэтому при возникновении подобной ситуации рекомендуется следующее. Во-первых, возможно, допрашиваемый просто не имеет навыков описания увиденного и ему надо помочь составить словесный портрет, используя соответствующие криминалистические методики [16]. Во-вторых, иногда целесообразно использовать методы оживления памяти или отложить допрос на некоторое время для того, чтобы допрашиваемый пришел в себя и в спокойной обстановке, не торопясь, вспомнил приметы соответствующего лица [17, с. 22-23; 10, с. 42]. В-третьих, если детали все же ускользают от допрашиваемого и конкретизация признаков остается недоступной, необходимо указать хотя бы общие признаки: пол, рост, вес, форму и черты лица и др.

Следует заметить, что если опознание происходит по другим признакам, нежели были указаны при допросе, оно вызывает большие сомнения у суда. Такие сомнения вызывает и слишком краткое описание идентификационных признаков. Так, по уголовному делу о разбойном нападении потерпевший З. опознал напавшего на него М. При этом в ходе предварительного допроса З. назвал лишь приблизительный возраст нападавшего и цвет его одежды. Судебная коллегия Верховного Суда РФ, рассматривавшая уголовное дело в порядке надзора, обвинительный приговор в отношении М. отменила, указав, что правило

о содержании предварительного допроса опознающего было нарушено [18].

Непростым для понимания является и правило о невозможности повторного предъявления для опознания лица по тем же признакам тому же опознающему. Дело в том, что узнавание опознающим соответствующего лица, впоследствии предъявляемого ему для опознания, нередко происходит в рамках других процессуальных или непроцессуальных действий (например, при задержании лица «по горячим следам», когда сотрудники милиции объезжают улицы вокруг того места, где было совершено преступление (хулиганство, грабеж, разбой, нанесение телесных повреждений и т.д.), вместе с пострадавшим и задерживают того человека, на которого указывает пострадавший). Ряд авторов подходят к этому вопросу формально. Они считают, что запрет в ч. 3 ст. 193 УПК РФ связывается лишь с повторением предъявления для опознания как следственного действия, а узнавание лица в рамках непроцессуальных мероприятий таковым не является и поэтому под данный запрет не подпадает [17, с. 37, 73-78; 19, с. 92]. Думается, что такой подход является неверным, т.к. процессуальная форма следственного действия направлена в конечном итоге на повышение достоверности его результатов. Если же отождествление личности фактически уже состоялось, то смысла в его повторе не будет. В подавляющем большинстве случаев опознающий вновь укажет на то же лицо, хотя бы для того, чтобы не скомпрометировать себя в глазах сотрудников правоохранительных органов. Соответственно, данное действие перерастает из разряда познавательного в разряд «оформительного», т.к. производится только для того, чтобы придать «легальную» процессуальную форму тому опознанию, что уже состоялось раньше.

Исходя из сказанного, сотрудникам правоохранительных органов не рекомендуется осуществлять какие-либо действия по отождествлению личности вне рамок уголовно-процессуального предъявления для опознания. Представляется правильным предложение З.Г. Самошиной, подде-

ржанное А.В. Буройкой, о составлении словесного портрета или фоторобота преступника на основании сведений, сообщенных пострадавшим или очевидцами [15, с. 104]. Этим описанием снабжаются наряды милиции, останавливающие и доставляющие похожих лиц к следователю, которых последний в рамках предъявления для опознания предъявляет потерпевшему и свидетелям. Здесь необходимо отметить, что узнавание потерпевшим или свидетелем искомого лица где-то в магазине, на улице и т.д., без указания на него сотрудникам правоохранительных органов, не следует считать препятствием для производства в дальнейшем предъявления для опознания, т.к. в этой ситуации предъявление лица для опознания фактически места не имеет, и психологическая зависимость, связанная с необходимостью отождествления именно этого лица, у опознающего не возникает. Не будет нарушением и случай, когда лицо предъявлялось для опознания вначале исключительно по голосу, а затем по признакам внешности, т.к. здесь предъявление для опознания осуществляется хотя и тем же опознающим, но по другим признакам.

Вместе с тем выглядят сомнительными такие предлагаемые в литературе основания повторного предъявления для опознания: 1) когда оно проводилось в условиях, худших для восприятия, чем те, при которых опознающий наблюдал лицо первоначально; 2) когда лицо предъявлялось ранее при наличии существенных, но временных изменений отдельных примет; 3) когда опознающий впоследствии изменил свое первоначальное суждение [17, с. 36-37]. Названные ситуации под исключения, вытекающие из ч. 3 ст. 193 УПК РФ, явно не подпадают. Негативно суд относится и к ситуациям, когда непосредственно перед данным следственным действием опознающий увидел опознаваемого в месте производства предварительного расследования. Так, Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ был отменен приговор Эжвинского районного суда г. Сыктывкара Республики Коми, которым К. признан виновным в изнасиловании М. Судебная коллегия в своем решении указала

на то, что судом первой инстанции не оценены показания потерпевшей М. о том, что перед опознанием она видела К., заходившего с улицы в помещение, где происходило предъявление для опознания [20].

Одним из условий успешного проведения анализируемого следственного действия является правильная подготовка к нему. Подробно на данном этапе мы останавливаться не будем – этому посвящено достаточное количество научных трудов и учебных пособий. Акцентируем внимание лишь на некоторых его проблемных аспектах.

Предъявление для опознания должно проводиться как можно раньше – пока в памяти опознающего еще свежи приметы опознаваемого, т.к. угасание мысленного образа происходит с каждым днем. По прошествии значительного времени опознание выглядит сомнительным для суда [21, 22]. Но если предъявление для опознания возможно сразу же после совершения преступления (предполагаемый преступник задержан «по горячим следам»), то опознаваемому желательно дать некоторое время, чтобы оправиться от стресса, который ему причинило преступление.

Немаловажным моментом является подбор понятых, участие которых в данном следственном действии является обязательным. Сторона защиты нередко использует такой тактический ход – объявляет, что понятые были заинтересованными в исходе уголовного дела лицами (например, в качестве понятых участвовали сотрудники милиции, которые объявляются заинтересованными лицами в силу корпоративной этики и общего начальства у них и следователя), что само по себе является нарушением и формально может влечь признание всего действия незаконным, а его результатов недопустимыми [23]. Поэтому приглашение в качестве понятых работников (не только аттестованных, но и вольнонаемных) того правоохранительного органа, который осуществляет расследование соответствующего уголовного дела, не рекомендуется. Если же суд игнорирует названное заявление стороны защиты, считая, что участие заинтересованных понятых не пов-

лияло на результат предъявления для опознания, то ходатайство, как правило, усложняется. Заявляется, что при предъявлении для опознания было допущено какое-либо нарушение (например, опознаваемому не предложили занять любое место среди статистов), которое понятным опровергнуть не дают, ссылаясь на их заинтересованность. В ситуации, когда заинтересованность понятых в той или иной мере все же прослеживается, суд отклонить такое ходатайство не сможет. Так как суд нередко вызывает понятых, чтобы устранить возникшие сомнения в достоверности результатов предъявления для опознания [24], то в протоколе всегда следует указывать не только места регистрации, но и реальные адреса проживания понятых.

Правильно должны подбираться и статисты (не менее двух), т.к. от этого непосредственно зависит результат предъявления для опознания и его оценка судом. Хотя в ч. 4 ст. 193 УПК РФ и говорится, что лицо предъявляется для опознания с другими лицами, *по возможности* (курсив наш. – О. Г.) внешне сходными с ним, но отсутствие внешнего сходства серьезно снижает достоверность опознания. Причем, как справедливо отмечается в специальной литературе, сходство приоритетно над возрастом, национальностью и даже полом [25]. Люди могут быть одного года рождения, но внешне восприниматься разными по возрасту. А так как опознающий свои суждения основывает не на паспортных данных, а на признаках внешности, то эти признаки и являются приоритетными. Если предъявление для опознания предполагается осуществить по каким-то иным физиологическим или функциональным особенностям человека (например, по голосу), то подбираются люди, сходные именно по данным признакам. При этом в протоколе предъявления для опознания должно быть обязательно дано общее описание статистов с указанием о схожести их определенных физиологических или функциональных признаков с соответствующими признаками опознаваемого.

В целях предотвращения ходатайств стороны защиты о несоблюдении правила

схожести статистов и опознаваемого следователями Следственной части Главного следственного управления при ГУВД по Тюменской области практикуется подбор статистов по согласованию с защитником подозреваемого, обвиняемого, предъявляемого для опознания (у защитника спрашивается, устраивают ли его статисты с позиции схожести, и если нет, то производится их замена, положительный же ответ защитника заносится в протокол). Этот же вопрос может быть задан и понятым (особенно если защитник сознательно идет на конфликт и после неоднократной смены статистов заявляет об отсутствии их сходства с опознаваемым).

При подборе статистов важно учитывать их роль в следственном действии. Статист своим поведением может сорвать следственное действие, поэтому не рекомендуется приглашать в качестве таковых лиц под принуждением. В отличие от понятых статистами могут выступать и сотрудники милиции, т.к. их заинтересованность здесь значения не имеет. Если подбор статистов затруднен тем, что опознаваемый имеет характерные отличительные признаки (например, дефекты внешности), и именно эти признаки опознающий назвал в ходе предварительного допроса, то вместо предъявления для опознания возможно проведение освидетельствования лица [10, с. 44] (в дальнейшем следователь должен отразить факт совпадения индивидуальных признаков, указанных в ходе допроса потерпевшего (или другого участника), и признаков, обнаруженных в ходе освидетельствования, в обвинительном заключении). В случаях, когда у опознаваемого имеется яркая отличительная черта, но опознающий ее не заметил (или она появилась позднее), а выделил в качестве индивидуальных другие признаки, лучше эту черту скрыть (опознающий, увидев эту черту, может рассуждать следующим образом: «я не мог не заметить такую характерную черту – значит, это не тот человек, которого я видел раньше»).

Несмотря на то, что статисты подбираются по физиологическим или функциональным признакам, одежда также играет

определенную роль. Значительные расхождения в одежде могут быть расценены судом как скрытое выделение опознаваемого, поэтому существенных различий в одежде стоит избегать. Так, М., обвиняемый в совершении разбойного нападения на З., был предъявлен последнему для опознания в своей одежде в числе двух лиц в униформе. Судебная коллегия Верховного Суда РФ сочла это нарушением уголовно-процессуального закона [18]. Вообще же опознание лица по одежде, украшениям всегда представляется достаточно сомнительным, т.к. одежда и украшения – это легко меняемые элементы, не имеющие с лицом неразрывной связи. Поэтому одежду как опознавательный признак стоит учитывать лишь наряду с физиологическими или функциональными признаками.

Необходимо также помнить, что статистов опознающий впервые должен видеть лишь в ходе предъявления для опознания. Если опознающий знаком со статистом или ранее видел его в месте производства предварительного расследования (например, работающим в соседнем кабинете или приходящим к следователю с какими-либо вопросами), то он автоматически исключает его из числа отождествляемых (действует методом «от противного»: «этого я знаю как сотрудника милиции, значит, преступник кто-то из оставшихся двух»). Знакомство или даже родство статистов и опознаваемого препятствием для производства данного следственного действия не является. Для усиления сходства между статистами возможны определенные инсценировки: надевание париков, наклеивание усов, бороды и т.д., что обязательно следует отразить в протоколе. Но подобные инсценировки должны быть незаметны для опознаваемого. Нередко в правоприменительной практике возникают ситуации, когда предъявляемый для опознания подозреваемый, обвиняемый находится в наручниках, снятие которых нецелесообразно из соображений безопасности. Надевать наручники на статистов здесь не стоит, т.к. это идет вразрез с действующим законодательством (наручники – это специальное средство, используемое только в строго

определенных законом случаях, к которым анализируемый случай не относится). Лучше скрыть этот момент инсценировкой, например, попросив статистов заложить руки за спину и сцепить между собой.

Собственно процедура предъявления для опознания состоит из действий, выполняемых в жесткой последовательности. Нарушение этой последовательности влечет исключение результатов предъявления для опознания из числа доказательств. Вначале приглашаются понятые (и защитник, если он участвует в деле, а опознаваемым выступает его подзащитный), им разъясняются их права, обязанности, сущность проводимого следственного действия, а также их роль в его производстве. Затем приглашаются статисты и опознаваемый. Опознаваемому разъясняются его права (в том числе и право не давать показания) которые могут быть использованы против него (в следственной практике ГУВД по Тюменской области был случай, когда потерпевший не опознал обвиняемого, а обвиняемый, в свою очередь, заявил, что узнал потерпевшего как лицо, в отношении которого совершил преступление, – произошло так называемое «встречное» опознание, доказательственное значение которого сохраняется лишь тогда, когда обвиняемый осознавал его негативные юридические последствия). Затем ему предлагается занять любое место среди статистов. Необходимо отметить, что если создается конфликтная ситуация – опознаваемый отказывается занять какое-либо место среди статистов, вообще отказывается участвовать в данном следственном действии, то производство предъявления для опознания становится нецелесообразным, т.к. выходы опознаваемого, безусловно, акцентируют внимание опознающего именно на нем [4, с. 17].

Если же конфликт отсутствует и опознаваемый занял какое-либо место среди статистов, то следователь (дознатель) по телефону или иным способом, не выходя из кабинета, односложной фразой приглашает опознающего (соблюдение этих условий позволяет избежать заявлений о том, что опознающему подсказали, где нахо-

дится опознаваемый). Опознающему разъясняются его права, обязанности (если это потерпевший, свидетель – то ответственность за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний) и предлагается с использованием тех или иных органов чувств (в зависимости от того, какие признаки используются для сравнения) изучить опознаваемого и статистов (естественно, без указания, кто есть кто). Опознающему задается вопрос, узнает ли он кого-либо из предъявленных лиц. Если да, то предлагается указать, кого именно (лучше всего показать рукой и пояснить словами, например, «крайний справа от меня»). Затем опознающему предлагается объяснить, при каких обстоятельствах он встречался с указанным лицом и по каким приметам или особенностям его опознал. При этом следователю запрещается задавать наводящие вопросы или оказывать давление на опознающего (например, такой фразой: «посмотрите еще раз внимательно на этих лиц, ведь среди них есть тот, кто совершил на Вас нападение»).

Лицу, на которое указал опознающий, предлагается встать и сообщить свои персональные данные (фамилию, имя, отчество) для исключения сомнений в его личности. На этом предъявление для опознания завершается. Все перечисленные действия следователя и пояснения опознающего заносятся в протокол, который подписывается всеми присутствующими (в том числе и статистами). Если от участников следственного действия поступают какие-либо замечания или возражения относительно его хода и результатов, то они также фиксируются в протоколе.

Следует заметить, что отсутствие в бланке протокола предъявления для опознания строк для фиксации тех или иных деталей данного следственного действия (в частности, описания предъявляемых для опознания лиц) обоснованно критиковалось учеными [25, с. 50; 26, с. 22]. Но сейчас бланки уголовно-процессуальных документов отменены, и ничто не мешает следователю (дознавателю) составлять протокол предъявления для опознания так, чтобы он был более информативен (соблю-

дая при этом ч. 9 ст. 193, ст. 166 и ст. 167 УПК РФ).

В правоприменительной практике встречаются случаи, когда опознающий в ходе предъявления для опознания заявил, что никого не узнаёт, а впоследствии сообщил следователю, что в действительности узнал среди лиц, представленных на опознание, преступника, но побоялся открыто сказать об этом. Думается, что в такой ситуации вновь предъявлять для опознания соответствующее лицо нельзя, т.к. это является нарушением ч. 3 ст. 193 УПК РФ. Здесь стоит провести дополнительный допрос опознающего, в ходе которого подробно выяснить, кого он узнал и почему скрыл это. Именно так поступил следователь Следственной части ГСУ при ГУВД по Тюменской области по уголовному делу о грабеже, при расследовании которого потерпевшая в ходе предъявления для опознания заявила, что никого не узнаёт, а потом сообщила, что узнала преступника, но испугалась сказать об этом открыто [27]. Безусловно, что дополнительный допрос потерпевшей не смог заменить собой предъявление для опознания, но тем самым следователь снял противоречие, возникшее в доказательственной базе (остальные собранные доказательства изобличают обвиняемого, а со слов потерпевшей выходит, что преступление совершил не обвиняемый, а другой человек).

Иногда участники уголовного судопроизводства выражают готовность опознать друг друга. Закон такой вариант не предусматривает. В специальной литературе предлагается осуществлять подобное предъявление для опознания двумя способами: 1) единым действием, состоящим из двух самостоятельных этапов: вначале опознающим выступает одно лицо, но таким образом, чтобы второе его не видело (т.е. создаются условия, исключающие наблюдение опознаваемым опознающего), а затем эти лица меняются ролями, но предъявление для опознания осуществляется уже без каких-либо дополнительных условий; 2) первое предъявление для опознания осуществляется по фотографии, а второе – «вживую». В практике следствен-

ных подразделений ГУВД по Тюменской области обычно используется второй вариант [28]. Первый вариант более громоздок, но и более надежен. Вместе с тем необходимо отметить, что и тот, и другой вариант формально идут вразрез с УПК РФ, т.к. основанием предъявления лица по фотографии является невозможность предъявить его «вживую», а основанием предъявления лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение им опознающего, могут выступать только соображения безопасности.

Остановимся подробнее на вопросах предъявления лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, т.к. именно эта разновидность анализируемого следственного действия вызывает наибольшие сложности. Создание условий, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, достигается путем разделения помещения (кабинета) на две части зеркальным стеклом, пропускающим свет только в одну сторону. При установлении такой перегородки человек, находящийся со светоотражающей стороны, не может видеть того, кто находится по другую сторону перегородки, в то время как сам он доступен для наблюдения. Соответственно, со светоотражающей стороны располагаются опознаваемый и статисты, а со стороны, пропускающей свет, – опознающий, понятые и следователь.

В сельской местности такими помещениями оборудованы далеко не все отделы внутренних дел, поэтому там для этих целей нередко используются автомашины с затемненными стеклами. Это не очень удобно, но нарушением закона не является. Той же цели можно достичь, если правильно расположить источники искусственного освещения (яркие лампы). Лампы располагаются перед опознающим и направляются на опознаваемого и статистов. Яркий свет не дает им возможности увидеть опознающего, в то время как он видит их очень хорошо. В целях дополнительной безопасности можно использовать прозрачную перегородку (стеклянную или пластиковую) или обычное окно (опознающий, понятые

и следователь находятся на улице в условиях слабого освещения, а опознаваемый и статисты – за окном в хорошо освещенной комнате).

Закон говорит об исключении лишь визуального наблюдения опознающего опознаваемым. Но сохранить таким способом личность опознающего в тайне от опознаваемого не всегда возможно, т.к. возможно узнавание по голосу. Поэтому в литературе предлагается принимать меры и по звукоизоляции перегородки, разделяющей соответствующее помещение [29, с. 20].

Наиболее часто задаваемым вопросом при проведении данного следственного действия является вопрос о местонахождении защитника опознаваемого подозреваемого, обвиняемого. Если расположить его там, где находится опознаваемый (его подзащитный), то он не сможет контролировать предъявление для опознания в полной мере и воспрепятствовать незаконным действиям следователя (дознателя). Если же поместить его со стороны опознающего, то он сможет наблюдать последнего и сообщить данные о его внешности своему подзащитному. Думается, что защитник должен находиться там же, где и его подзащитный, сохраняя при этом возможность оказать ему необходимую юридическую помощь. Контроль же за действиями следователя и их последующее удостоверение в суде возложены на других лиц – понятых, именно для этого и приглашенных. Однако интервьюирование позволило автору выяснить, что далеко не все правоприменители разделяют эту точку зрения. Некоторые судьи и прокуроры считают, что в этом случае ограничивается право подозреваемого, обвиняемого на защиту, т.к. защитник о допущенных следователем нарушениях узнать не сможет и защитить законные интересы своего подзащитного окажется не в силах. Не вдаваясь подробно в полемику по данной проблеме, можно предложить следующее ее решение, встречающееся как в правоприменительной практике, так и в теории. Опознающего предварительно камуфлируют: надевают просторную одежду, скрывающую фигуру, обувь на вы-

соком или, наоборот, низком каблукке, надевают маску с прорезями для глаз и т.д. (это можно делать как в присутствии понятых, так и без них). В предъявлении для опознания опознающий участвует уже в этом виде. Для изменения его голоса используют специальные приборы или плотную ткань, прижимаемую ко рту. Защитник в течение всего предъявления для опознания может свободно перемещаться по кабинету, наблюдая за действиями всех его участников. По окончании предъявления для опознания защитник, опознаваемый и статисты покидают кабинет, а опознающий снимает камуфляж в присутствии понятых, которые впоследствии смогут удостоверить его личность. При предъявлении для опознания в условиях, исключающих восприятие опознающего опознаваемым, особое внимание необходимо обратить на подбор понятых, т.к. на них может оказываться давление со стороны опознаваемого. Рекомендуется приглашать понятых из числа лиц, устойчивых к такому давлению, например, военнослужащих, сотрудников служб безопасности предприятий и т.п. При этом их обязательно следует предупредить о недопустимости разглашения данных предварительного расследования (сведений о личности опознающего).

Предъявление для опознания объектов, в том числе и людей, допускается также по фотографии. Но здесь необходимо различать предъявление для опознания фотографии как предмета (например, для установления того, какая именно фотография потерпевшего использовалась для заказа на его убийство) и предъявление для опознания лица по фотографии (в этом случае изучению и отождествлению подвергается лишь человек, изображенный на фотографии, а не сама фотография). Во втором случае закон устанавливает правило – невозможность предъявления лица для опознания «вживую». Если такая возможность имела, а предъявление для опознания было осуществлено по фотографии, то его результаты могут быть отнесены к категории недопустимых доказательств [18]. Вместе с тем невозможность предъявления лица для опознания «вживую» не всегда

связывается с его отсутствием. Подозреваемый, обвиняемый может отказаться участвовать в данном следственном действии или его внешность может подвергнуться серьезным изменениям в результате болезни, травмы. В этих ситуациях также можно говорить о невозможности предъявления лица для опознания «вживую» [10, с. 51]. Но для однозначного понимания обоснованности такого решения со стороны других субъектов (суда, прокурора) следователю (дознавателю) рекомендуется выносить мотивированное постановление, в котором указывать конкретные причины невозможности предъявления лица для опознания «вживую».

В научной литературе предлагается проводить предъявление для опознания лица и по видеозаписям [26, с. 19; 29, с. 26-27], однако УПК РФ этого не предусматривает, поэтому такое предъявление для опознания остается в зависимости от усмотрения судьи, рассматривающего соответствующее уголовное дело.

Видеозапись целесообразнее использовать для фиксации хода и результатов предъявления для опознания, т.к. это позволяет полно зафиксировать его детали и предотвратить необоснованные заявления участников уголовного процесса о допущенных следователем процедурных нарушениях.

В заключение необходимо отметить, что выше изложены не все проблемные аспекты предъявления для опознания. Но даже этой их части достаточно для утверждения о сложности данного следственного действия. Во всех случаях его результативность напрямую зависит от тщательности подготовки, а отсутствие сомнений в полученных результатах – от правильного понимания и соблюдения правовых норм, регулирующих его производство.

1. Баев О.Я. Тактика следственных действий: учеб. пособие. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. 208 с.
2. Белозеров Ю.Н., Рябоконт В.В. Производство следственных действий: учеб. пособие. М., 1990. 66 с.
3. Бурданова В.С., Быховский И.Е. Предъ-

- явление для опознания на предварительном следствии. М., 1975. 80 с.
4. Моисеев Н.А. Криминалистическое обеспечение предъявления личности для опознания при расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 23 с.
5. Шевчук И.В. Уголовно-процессуальные, психологические и тактические аспекты предъявления для опознания лиц на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. 229 с.
6. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7 апр. 2006 г. № 43-О06-4СП // Сайт Верховного Суда РФ. URL: [http://www.supcourt.ru/arxiv_out/TEXT.PHP?id_text=70408&i1text=\(дата обращения: 29 ноября 2009\)](http://www.supcourt.ru/arxiv_out/TEXT.PHP?id_text=70408&i1text=(дата обращения: 29 ноября 2009)).
7. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 мая 2006 г. № 9-О06-41 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
8. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 июля 2006 г. № 15-О06-13 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
9. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 окт. 2006 г. № 46-О06-78 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
10. Леви А.А., Пичкалева Г.И., Селиванов Н.А. Получение и проверка показаний следователем: справочник. М.: Юрид. лит., 1987. 112 с.
11. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2001. 352 с.
12. Исаева Л. Предъявление лиц для опознания // Законность. 2002. № 10. С. 20.
13. Корухов Ю.Г. Предъявление для опознания на предварительном следствии и в суде: лекция. М., 1968. 30 с.
14. Османов Т.Ю. Применение метода словесного портрета в следственной и оперативной деятельности: методологические и психологические аспекты проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 233 с.
15. Бурька Д.А. Проблемы организации и тактики предъявления для опознания. М.: Юрлитинформ, 2007. 240 с.
16. Криминалистическое описание внешности человека (функциональные и сопутствующие элементы и признаки): справочное пособие / И.Ф. Винниченко, В.С. Житникова, А.М. Зинина, М.Н. Овсянникова; под ред. В.А. Снеткова. М.: ВНИИ МВД СССР, 1988. 242 с.
17. Гинзбург А.Я. Опознание в следственной, оперативно-розыскной и экспертной практике: учеб.-практ. пособие / под ред. Р.С. Белкина. М., 1996. 122 с.
18. Определение СК Верховного Суда РФ от 31 июля 1997 г. // Бюллетень ВС РФ. 1998. № 2.
19. Ганский А.Л., Гусев А.В. Некоторые проблемы правового регулирования предъявления для опознания и проведения судебной экспертизы // Вестник криминалистики. 2003. Вып. 2 (6).
20. Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2002 год // Бюллетень ВС РФ. 2003. № 9.
21. «Суд рассмотрел проблему пыток в милиции в рамках дела Mikheyev v. Russia» [Электронный ресурс]: обзор решений Европейского Суда по правам человека по российским жалобам за январь 2006 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
22. «Доказывание в уголовном процессе, обеспечение права заключенного на медицинскую помощь, условия содержания в штрафном изоляторе: Popov v. Russia» [Электронный ресурс]: обзор решений Европейского Суда по правам человека по российским жалобам за июль 2006 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
23. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 1 дек. 2005 г. № 49-005-73 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
24. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Вер-

- ховного Суда РФ за 2002 г. // Бюллетень ВС РФ. 2003. № 8.
25. Кальницкий В.В. Следственные действия: учеб. пособие. Омск: Изд-во Омск. акад. МВД России, 2003. 72 с.
26. Самолаева Е.Ю. Теория и практика предъявления для опознания людей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 25 с.
27. Уголовное дело № 200602150/01 (направлено в Ленинский районный суд г. Тюмени с обвинительным заключением).
28. Уголовное дело № 200704339/01 (направлено в Ленинский районный суд г. Тюмени с обвинительным заключением).
29. Бурыка Д.А. Правовые, организационные и тактические основы предъявления для опознания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 28 с.

**Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики:
взгляд молодых исследователей**

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УНИЧТОЖЕНИЯ
ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО НОМЕРА, НОМЕРА КУЗОВА, ШАССИ
ИЛИ ДВИГАТЕЛЯ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА**

А.А. Архипов

(старший государственный инспектор межрайонного регистрационного отдела
ГИБДД при ГУВД по Тюменской области, соискатель кафедры уголовного права
Тюменского юридического института МВД России; uна_69@mail.ru)

В статье дается уголовно-правовая характеристика уничтожения идентификационного номера, номера кузова, шасси или двигателя транспортного средства, уголовная ответственность за которое предусмотрена ст. 326 Уголовного кодекса РФ. Анализируются практические проблемы уголовно-правовой оценки соответствующего преступного деяния.

Ключевые слова: уничтожение, идентификационный номер, транспорт.

В числе преступных деяний, характеризующих альтернативный состав преступления, предусмотренного ст. 326 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), предусмотрено уничтожение идентификационного номера, номера кузова, шасси или двигателя транспортного средства. Понятие уничтожения применительно к данной статье в литературе не имеет однозначной уголовно-правовой характеристики.

«Уничтожение, – пишет И.А. Юрченко, – означает полную ликвидацию номера или знака, в результате чего невозможно идентифицировать транспортное средство или его часть» [1, с. 656]. Так же считают В.И. Морозов, С.Л. Скутин, А.В. Сумачев, которые пишут: «Уничтожение идентификационного номера заключается в полной ликвидации номера с применением различных способов» [2, с. 57].

А.В. Хабаров, напротив, под уничтожением идентификационного номера, номера кузова, шасси, двигателя понимает удаление (хотя бы частичное) номера с агрегата [3, с. 221].

Таким образом, ученые расходятся во мнениях о том, считать ли уничтожением регистрационно-учетного номера его частичную ликвидацию, каковы возможные способы уничтожения, а также является ли уголовно наказуемым уничтожение

государственного регистрационного знака транспортного средства?

По нашему мнению, справедливой является позиция тех авторов, которые уголовно наказуемым уничтожением регистрационно-учетного номера транспортного средства или его агрегата считают как полную, так и частичную ликвидацию идентификационной маркировки. Значимой особенностью понятия уничтожения по смыслу ст. 326 УК РФ является то, что в результате совершения такого деяния идентификационная маркировка оказывается непригодной для идентификации конкретного транспортного средства или его номерного агрегата. Такой результат имеет место не только в случае полного истребления маркировочных начертаний VIN или другого идентификационного номера, но и в случае частичного уничтожения номера, в том числе если уничтожен хотя бы один символ (цифра или буква) регистрационно-учетного номера.

Этим обстоятельством объясняется то, что законодатель напрямую не криминализировал повреждение идентификационного номера, номера кузова, шасси, двигателя, по существу, представляющее собой частичное уничтожение указанных номеров. Вместе с тем нет оснований считать, что умышленное повреждение идентификационной маркировки транспортно-

го средства не криминализировано вовсе. Такое деяние должно квалифицироваться как уничтожение идентификационного номера, номера кузова, шасси или двигателя.

Между тем различие в понятиях «уничтожение» и «повреждение» имеется, поскольку они характеризуют различную степень порчи имущества. «Если уничтожение, – пишет А.И. Бойцов, – означает приведение предмета в полную негодность, в результате чего он целиком теряет свое потребительское или иное целевое назначение и не подлежит восстановлению, то повреждение – это приведение предмета в состояние, существенно или временно затрудняющее его использование, снижающее его потребительские свойства или ограничивающее его хозяйственное назначение, но не исключающее возможности восстановления первоначального состояния при соответствующей затрате труда и материалов» [4, с. 758].

Проецируя данное положение на объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 326 УК РФ, следует сделать вывод, что уничтожение идентификационного номера, номера кузова, шасси или двигателя означает полное истребление указанных регистрационно-учетных номеров, в то время как повреждение есть частичная их порча с сохранением части символов, пригодных для идентификации. Уголовно-правовая оценка повреждения регистрационно-учетного номера транспортного средства по признаку уничтожения является результатом расширительного толкования нормы, которое, по нашему мнению, в данном случае является оправданным.

Предпочтительно, однако, напрямую криминализировать повреждение регистрационно-учетных номеров транспортного средства, наряду с их уничтожением, в ст. 326 УК РФ, дабы привести данную уголовно-правовую норму в соответствие с правовой позицией Конституционного Суда РФ, согласно которой закон, устанавливающий уголовную ответственность, не может толковаться при его применении расширительно, т.е. как распространяющийся на деяния, прямо им не запрещенные; сле-

довательно, нормы, вводящие юридическую ответственность, должны исключать расширительное их истолкование [5, с. 9].

Нельзя считать уничтожением идентификационного номера, номера кузова, шасси или двигателя транспортного средства их сокрытие, не связанное с ликвидацией символов номера, однако делающее его идентификацию недоступной. Сокрытие может заключаться в любых действиях, направленных на блокирование доступа к регистрационно-учетному номеру транспортного средства (закрашивание, бронирование, установка дополнительного оборудования, затрудняющего визуальный обзор маркировки и т.п.).

Практическое значение имеет вопрос об уголовно-правовой оценке случаев уничтожения ранее подделанной идентификационной маркировки транспортного средства или его агрегатов. Полагаем, что по общему правилу в содеянном отсутствует состав преступного уничтожения идентификационного номера, номера кузова, шасси или двигателя. Поддельный регистрационно-учетный номер транспортного средства не является законным средством его регистрации и идентификации, а потому не может выступать в качестве предмета уничтожения по ст. 326 УК РФ. Исключения составляют случаи, когда транспортное средство с ранее подделанной идентификационной маркировкой регистрируется в установленном порядке по решению суда или органов расследования, а затем вновь становится предметом противоправных действий, связанных с уничтожением указанной идентификационной маркировки. Учитывая, что при таких обстоятельствах поддельная идентификационная маркировка используется в качестве регистрационно-учетного параметра транспортного средства (данные о ее изменении заносятся в информационную базу, в паспорте транспортного средства проставляется особая отметка), ее незаконное уничтожение соответствует признакам предусмотренного ст. 326 УК РФ одноименного посягательства на установленный порядок государственной регистрации, учета и идентификации транспортных средств.

Способ уничтожения регистрационно-учетного номера транспортного средства не имеет значения для уголовно-правовой квалификации, однако нельзя недооценивать его криминалистическое значение. Установление способа уничтожения обязательно при доказывании объективной стороны данного преступления и формулирования обвинения.

Уничтожение идентификационного номера, номера кузова, шасси или двигателя транспортного средства следует считать оконченным преступлением с момента полной или частичной ликвидации идентификационной маркировки, когда последняя оказывается полностью или частично непригодной для идентификации конкретного транспортного средства или его номерного агрегата. Это означает, что идентификация становится либо вообще невозможной, либо она может быть проведена по оставшимся идентификационным символам экспертным путем. При этом состав уничтожения следует признавать оконченным с момента полной ликвидации хотя бы одного символа (буквы или цифры) идентификационного номера, номера кузова, шасси или двигателя транспортного средства. Умышленные действия виновного, по независящим от него причинам не приведшие к описанному результату, нужно квалифицировать как покушение на подделку регистрационно-учетного номера транспортного средства.

Ошибочным является мнение некоторых авторов о том, что ст. 326 УК РФ, наряду с уничтожением идентификационного номера, номера кузова, шасси или двигателя транспортного средства предусматривает уголовное наказание за уничтожение государственного регистрационного знака транспортного средства. Об ином недвусмысленно свидетельствует действующая редакция диспозиции ч. 1 ст. 326 УК РФ, согласно которой уголовно наказуемыми являются «подделка или уничтожение идентификационного номера, номера кузова, шасси, двигателя, а также подделка государственного регистрационного знака транспортного средства...». Уничтожение государственного регистрационного знака

транспортного средства данной нормой не криминализовано.

На наш взгляд, умышленное уничтожение государственного регистрационного знака транспортного средства, равно как его повреждение, могут влечь уголовную ответственность при прочих условиях по ч. 1 ст. 325 УК РФ, как уничтожение или повреждение официального документа. А.С. Горелик справедливо писал: «Номерной знак на автомобиле обладает всеми признаками документа и признается таковым в судебной практике» [6, с. 754]. При этом он ссылаясь на дело Попова, осужденного помимо прочего за подделку водительского удостоверения, технического талона и государственного регистрационного знака автомобиля по ст. 196 УК РСФСР [7, с. 9].

Противоположной точки зрения придерживаются Р.А. Сабитов и Е.Ю. Сабитова, которые считают, что регистрационный знак транспортного средства не является документом, поскольку он не отнесен к таковым Правилами регистрации автотранспортных средств МВД России [8, с. 36].

Такой аргумент представляется неубедительным. Действительно, в соответствии с п. 7 Правил регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним в Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации к регистрационным документам относятся свидетельства о регистрации транспортных средств, а также выданные до введения свидетельств о регистрации транспортных средств технические паспорта (технические талоны) транспортных средств [9, с. 12]. Однако данное положение совсем не опровергает того, что по своей правовой природе государственный регистрационный знак транспортного средства является официальным документом в том смысле, который придается этому признаку в ст. 325 и других статьях УК РФ.

«В уголовно-правовом аспекте, – пишут Р.А. Сабитов и Е.Ю. Сабитова, – документ – это зафиксированная на материальном носителе информация, имеющая

юридическое значение и обладающая установленными реквизитами. Материальным носителем информации могут быть не только бумага, но и полимеры и иные материальные объекты» [8, с. 23]. А официальный документ, по мнению указанных авторов, – это зафиксированная на материальном носителе информация, исходящая от государственных органов, органов местного самоуправления и уполномоченных этими органами организаций, обладающая установленными реквизитами, имеющая юридическое значение и публично-правовой характер.

Л.А. Букалерева к охраняемым официальным документам относит документ, который содержит следующие обязательные признаки: удостоверяет факты, имеющие юридическое значение; создан уполномоченными на то государством юридическими или физическими лицами; имеет установленную законом форму; подпадает под действие системы регистрации, строгой отчетности и контроля за обращением [10, с. 77].

Государственный регистрационный знак транспортного средства полностью соответствует приведенным признакам официального документа: выдается уполномоченными государственными органами или организациями (ГИБДД МВД РФ, организациями, реализующими автотранспортные средства, и др.), имеет установленные нормативными правовыми актами форму и реквизиты, а также элементы защиты от подделки, дает право эксплуатации транспортного средства его владельцу, является средством государственного учета транспортных средств и предметом контроля за его обращением.

В соответствии со ст. 326 УК РФ уничтожение идентификационной маркировки транспортного средства является преступным, если это деяние совершено в целях эксплуатации или сбыта транспортного средства. В правоприменительной практике проблематичным стал вопрос об уголовно-правовой оценке по ст. 326 УК РФ случаев подделки или уничтожения идентификационной маркировки кузова, шасси или двигателя транспортного сред-

ства в целях использования этих номерных агрегатов для кустарного изготовления самодельных транспортных средств, которые лицо не намеревалось официально сертифицировать и регистрировать (например, сельские мини-тракторы, вездеходы, иные самоходные машины). Полагаем, что в таких случаях состав преступления по ст. 326 УК РФ не исключается. На квалификацию не влияет то обстоятельство, что в соответствии с существующим порядком не подлежат регистрации в Госавтоинспекции и не принимаются к производству регистрационных действий транспортные средства, изготовленные в России, в том числе из составных частей конструкций, предметов дополнительного оборудования, запасных частей и принадлежностей без представления документов, подтверждающих проведение их сертификации в порядке, установленном законодательством, а также транспортные средства, конструкция которых или ее изменения не соответствуют требованиям действующих в России правил, нормативов и стандартов в области обеспечения безопасности дорожного движения [9, с. 12]. Понятие эксплуатации транспорта предполагает использование его свойств для перемещения грузов или людей и не связано с сертификацией и регистрацией транспортного средства в уполномоченных государственных органах.

Итак, под уничтожением идентификационного номера, номера кузова, шасси или двигателя транспортного средства следует понимать совершенные в целях эксплуатации или сбыта транспортного средства умышленные действия, направленные на незаконную полную или частичную ликвидацию любым способом юридически значимых данных идентификационной маркировки транспортного средства или его номерного агрегата, в результате чего маркировка оказывается непригодной для идентификации.

1. Юрченко И.А. Преступления против порядка управления // Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хе-

- гай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М., 2004. Гл. 18.
2. Морозов В.И., Скутин С.Л., Сумачев А.В. Уголовно-правовая характеристика преступлений против порядка управления: учеб. пособие. Тюмень, 1999.
3. Хабаров А.В. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учеб. пособие и курс лекций для студентов дистанционной формы обучения: в 2 ч. Ч. 2. Тюмень, 2005.
4. Бойцов А.И. Преступления против собственности: монография. СПб., 2002.
5. По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламян: постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П // Российская газета. 2008. 28 мая.
6. Горелик А.С. Преступления против порядка управления // Уголовное право России. Часть Особенная: учебник для вузов / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 1999. Гл. 18.
7. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1966. № 8.
8. Сабитов Р.А., Сабитова Е.Ю. Квалификация преступлений, совершенных с документами: монография. Челябинск, 2007.
9. Правила регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним в Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации: утв. приказом МВД РФ от 24 ноября 2008 г. № 1001 // Российская газета. 2009. 16 янв.
10. Букалорова Л.А. Уголовно-правовая охрана официального информационного оборота: монография. М., 2006.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ПРОКУРОРА

Н.Р. Корешникова

(аспирант кафедры прокурорской деятельности Уральской государственной юридической академии, г. Екатеринбург; kornellya@rambler.ru)

Интерес к теме вызван происходящими в органах прокуратуры преобразованиями. Понятие «правовые средства прокурора» рассматривается с использованием функционального подхода, который позволяет дать его комплексную характеристику. Определяется правовая природа, содержание правовых средств прокурора.

Ключевые слова: правовые средства прокурора, полномочия прокурора, надзорная деятельность прокурора, ненадзорная деятельность прокурора.

Осуществляя повседневную и основную деятельность по выполнению возложенных на прокуратуру РФ задач, прокуроры используют полномочия по обеспечению исполнения законов, применяя свойственный им инструментарий для выявления правонарушений и реагирования на них – правовые средства прокурора. Использование правовых средств невозможно без теоретической, научно обоснованной базы, являющейся фундаментом эффективного применения права и укрепления законности в стране. С позиции современных преобразований, проводимых в органах прокуратуры, необходимо переосмысление существующих знаний о правовых средствах прокурора, с использованием комплексного подхода и фундаментальных наук.

Понятие «правовые средства прокурора» рассматривается в ракурсе инструментальной теории права (право расценивается как средство (инструмент) для разрешения практически значимых задач общества, для удовлетворения интересов людей), с использованием функционального подхода, который позволяет обеспечить его комплексную характеристику. Для наиболее полного и многостороннего понимания природы и сущности правовых средств прокурора целесообразно обратиться к знаниям о правовых средствах в общей теории права, так как представление о правовых средствах выступает прежде всего как общетеоретическая проблема.

Характеристика правовых средств

как особых явлений правовой действительности, элементов механизма правового регулирования достаточно полно отражена в работах С.С. Алексеева, а также некоторых других авторов. С.С. Алексеев под правовыми средствами понимает институциональные явления правовой действительности, воплощающие регулятивную силу права, его энергию, которым принадлежит роль ее активных центров [1, с. 218, 223]. В.А. Сапун определяет правовые средства как институциональные образования (установления, формы) [2, с. 10]. Необходимость использования функционального подхода в понимании юридических средств разделяют А.В. Мальков и К.В. Шундилов, которые отмечают, что «юридическое средство» как понятие призвано обозначать функциональную, прикладную сторону правовой системы, поскольку юридические средства образуют реальную правовую технику и технологию, с помощью которой достигаются конкретные результаты [3, с. 35].

Основываясь на суждениях названных ученых, можно сделать вывод о том, что правовые средства охватывают весь диапазон правовых феноменов (ситуаций). Особенностью правовых средств является то, что они вычлениваются и рассматриваются с позиции их функционального предназначения и характеризуются как инструмент решения каких-либо конкретных задач. Применительно к органам прокуратуры это в первую очередь регламентированная законом и облаченная в строго определенную форму деятельность проку-

рора, характеризующаяся как инструмент решения поставленных перед ней задач, сформулированных в ст. 1 федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 25.12.2008) «О прокуратуре Российской Федерации» [4].

В прокурорском надзоре как современной юридической науке (в общепринятом понимании) правовые средства прокурора представляют собой строго регламентированную систему. Особенностью природы правовых средств является то, что они могут выступать в различном виде в зависимости от уровня, на котором рассматриваются. Опираясь на представление С.С. Алексеева о правовых средствах, применительно к теме данной статьи необходимо выделить два таких уровня правовых средств прокурора: во-первых, уровень первичных правовых средств – элементов механизма правового регулирования в целом и его важнейших подразделений. Это прежде всего юридические нормы, а также субъективные юридические права и юридические обязанности. Здесь правовое средство есть, в сущности, путь, общее направление решения жизненной проблемы.

С точки зрения отрасли прокурорского надзора уровень первичных правовых средств прокурора представляется нам как регламентированные законом полномочия прокурора, используемые с целью выполнения поставленных перед прокуратурой задач.

Второй уровень – операционный. Он представляет собой юридические средства, находящиеся непосредственно в оперативном распоряжении прокуроров. В зависимости от этапа осуществления функциональной деятельности прокурора мы рассматриваем правовые средства выявления нарушений законности и правовые средства реагирования на выявленные нарушения. Эти правовые средства прокурора закреплены в законодательстве: проверка, постановление, предостережение, представление, требование, жалоба.

Первичный уровень обусловлен полномочиями прокурора, является правовым фундаментом его непосредственной деятельности. Здесь следует обратить внима-

ние на позицию авторов о том, что между полномочиями и правовыми средствами можно поставить знак равенства [5, с. 48; 6, с. 34-35; 7, с. 29]. С таким выводом вряд ли можно согласиться. Используя логическое представление о понятиях (дефинициях), понятие «полномочия» в данном случае уже и входит в понятие «правовые средства». Таким образом, правовое средство необходимо определить, как понятие родовое или как общее к частному. Так как первичный уровень правовых средств обуславливает формирование правового инструментария, всей системы правовых средств прокурора, то он фактически является абстрактными правами и обязанностями прокурора.

Природа полномочий прокурора – сложная категория. Во-первых, полномочия прокурора – это прежде всего субъективные права, предоставленные государством прокуратуре в целом, должностным лицам прокуратуры для выполнения возложенных на органы прокуратуры функций. Ранее А.Ф. Козлов достаточно скрупулезно исследовал и дал развернутое понятие полномочий прокуратуры в целом и должностных лиц прокуратуры, в частности. Он рассматривал полномочия через призму субъективного права: «Субъективное право есть установленная законом возможность совершать надзорные действия (функции прокуратуры). Более того, в предоставленном субъективном праве заложена необходимость его осуществления, т.к. оно непременно должно быть реализовано...» [8, с. 51]. В правовом положении государственных органов, и в частности прокуратуры, не существует дифференциации прав и обязанностей подобно тому, как это бывает у граждан. Полномочия здесь выступают в единстве прав и обязанностей. Предпосылкой данного правового феномена служит то, что государство предоставило субъективные права для выполнения строго определенных функций, предполагая тем самым реализацию стоящих перед органами прокуратуры целей и задач. Применение этих прав является обязанностью прокуратуры, т.к. данные полномочия предопределены их назначением. Таким

образом, предоставленное право – это обязанность, и наоборот, каждая обязанность – это право. Например, поднадзорный субъект вынес незаконное решение. Перед государством прокурор несет обязанность опротестовать его. По отношению к поднадзорному субъекту он имеет право на принесение протеста. В ст. 10 федерального закона о прокуратуре РФ установлено, что прокурор не только вправе рассматривать жалобы и заявления, содержащие сведения о нарушениях законности, но обязан это делать для принятия мер по их устранению.

Операционные правовые средства прокурора в его деятельности выступают в роли конкретного инструментария реализации его интереса, направленного на борьбу с нарушениями законности, восстановление нарушенных прав и охраняемых законом интересов различных субъектов, привлечение виновных лиц к ответственности, т.е. направлены на реализацию целей и задач прокуратуры. Оптимальное использование операционных правовых средств в процессе деятельности и приводит к достижению определенного позитивного результата.

Между первичными правовыми средствами (полномочия прокурора) и операционными правовыми средствами (функциональная деятельность прокурора) имеется прямая зависимость. Изменение полномочий прокурора автоматически отражается как на его функциональной деятельности, так и на инструментах этой деятельности. Особенности полномочий прокурора существенно влияют на значение и содержание видов правовых средств прокурора, которые он использует для реализации конкретного полномочия в своей надзорной и ненадзорной деятельности.

Существует другая точка зрения о содержании правовых средств прокурора. Так, авторы комментария к федеральному закону о прокуратуре Российской Федерации указывают, что протест прокурора представляет собой одно из основных средств прокурорского реагирования на выявленные нарушения закона [9, с. 118], относя тем самым к средствам прокурор-

ского реагирования лишь акты прокурорского реагирования. При этом следует отметить, что деятельность прокурора заключается не только в применении им правовых актов, как одной из составляющих правовых средств реагирования на выявленные нарушения законодательства, но и в выполнении действий, обеспечивающих исполнение требований, изложенных в акте прокурора.

Отдельные авторы правовым средством выявления нарушений законности называют прокурорскую проверку, применяемую в ходе осуществления прокурорского надзора [10, с. 72]. А.В. Трикс определяет прокурорские проверки как основной способ выявления нарушений закона, в процессе проведения которых принимается большинство решений о применении мер прокурорского реагирования. [11, с. 11]. Другие авторы рассматривают прокурорскую проверку как надзорное действие, как метод выявления нарушений законов, которым охватывается понятие «правовое средство прокурорского надзора», и определяют его как предусмотренные законодательством и совершаемые в установленном порядке действия по устранению выявленных нарушений закона, а также причин и условий, им способствующих, и привлечению к ответственности виновных лиц [12, с. 95; 13, с. 114].

Из вышеизложенного следует, что прокурорская проверка одновременно определяется через понятия «метод», «способ», «средство», «прием» и «действие». В результате этого в юридической литературе данные категории необоснованно отождествляются, что представляется далеко не бесспорным. Так, например, метод показывает лишь на то, как, каким образом прокуроры в процессе осуществления прокурорской деятельности решают поставленные перед ними задачи. Он определяет качественную сторону прокурорской деятельности. Следовательно, прокурорская проверка является скорее не методом, а правовым средством по выявлению нарушений законов, а также причин и условий, им способствующих.

Таким образом, понятие «правовые

средства прокурора» включает как саму функциональную деятельность прокурора, опосредованную его полномочиями, так и весь правовой инструментарий, являющийся средством реализации этой деятельности (прокурорская проверка, акты реагирования на выявленные нарушения и т.д.). Следовательно, определение, согласно которому правовые средства прокурора представляют собой совокупность полномочий и актов прокурора, является неполным, не отражающим функциональную сторону рассматриваемого института [14, с. 131].

Определив, что природа и сущность правовых средств прокурора выражаются особым видением деятельности прокурора, который использует свои полномочия посредством конкретных инструментов для реализации задач, стоящих перед российской прокуратурой, необходимо рассматривать данный аспект в неразрывной связи с функциональной характеристикой прокуратуры Российской Федерации.

Еще одним аспектом, обуславливающим природу правовых средств прокуратуры РФ, являются функции прокуратуры. Вопрос о функциях прокуратуры в настоящее время является остродискуссионным и связан с последними изменениями федерального закона о прокуратуре (выделение в отдельную структуру СК при прокуратуре РФ) и процессуального законодательства РФ.

В статье 1 федерального закона о прокуратуре Российской Федерации определяется функциональная деятельность прокуратуры. Это, в первую очередь, осуществление от имени Российской Федерации надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории России (надзорная функция). Остальные функции прокуратуры являются ненадзорными, ими охватывается участие прокурора в рассмотрении судами дел; участие в правотворческой деятельности; выпуск специальных изданий, координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Пределы и содержание полномочий прокурора по осуществлению функций су-

щественно отличаются друг от друга. По данному критерию функции прокуратуры можно подразделить на три вида: надзорная функция; функция участия прокурора в рассмотрении судами дел и организационная функция [15, с. 5]. Применительно к теме данной статьи первостепенное значение имеют надзорная функция и функция участия прокурора в рассмотрении судами дел, именно в их пределах рассматривается категория «правовые средства прокурора».

Таким образом, природа правовых средств прокурора представляет собой надзорную и ненадзорную деятельность прокурора, осуществляемую в рамках предоставленных полномочий, с использованием закрепленных в законе правовых средств выявления нарушений закона и правовых средств реагирования на выявленные нарушения.

Работникам прокуратуры необходимо в своей работе четко представлять систему правовых средств, опосредованную неразрывной связью закрепленных в законодательстве полномочий прокурора с функциональной деятельностью, при которой он использует оперативные правовые средства. Правовые средства выражены не только актами реагирования, но и самой деятельностью прокурора. Тем самым непосредственная деятельность прокурора, направленная на выявление нарушений закона, реагирование на выявленные нарушения и принятие мер для недопущения нарушений законности, должна отвечать требованиям законности, обоснованности и убедительности. Следует помнить о неодинаковости предоставленных законом полномочий, т.к. они не только определяются местом прокурора в системе прокуратуры, но и зависят от вида функциональной деятельности. Так, недопустимо применение надзорных полномочий прокурора в ненадзорной деятельности, что, в свою очередь, влияет на содержание оперативных правовых средств. Недооценка, неверный выбор правовых средств, приемов, заложенных в нормативной основе правового регулирования прокурорско-надзорных отношений, приводят к сбоям в реализации права, сни-

жению позитивного правового эффекта. Именно это в первую очередь предопределяет законность и обоснованность применения правовых средств, что влияет на эффективность использования как надзорных, так и ненадзорных правовых средств.

1. Алексеев С.С. Теория права: 2-е изд. М.: БЕК, 1995. 320 с.
2. Сапун В.А. Деятельность по использованию правовых средств в реализации современного права // Проблемы реализации права: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во СЮИ, 1990. С. 85-103.
3. Мальков А.В., Шундилов К.В. Цели и средства в праве и правовой политике: монография. Саратов: Саратовская гос. академия права, 2003. 296 с.
4. Российская газета. 1992. 18 февр.; 2008. 30 дек.
5. Прокурорский надзор в СССР: учебник / С.Г. Березовская [и др.]; под ред. Б.А. Галкина. М.: Юрид. лит., 1982. 304 с.
6. Прокурорский надзор в СССР: учебник / С.Г. Березовская [и др.]; отв. ред. М.П. Мальяров. М.: Юрид. лит., 1969. 331 с.
7. Коробейников Б.В. Основные понятия общего надзора // Вопросы теории и практики прокурорского надзора. Ч. 11. М., 1975. С. 187-196.

8. Козлов А.Ф. Прокурорский надзор в Российской Федерации. Общая часть: учеб. пособие. Екатеринбург: УрГЮА, 1999. 140 с.

9. Комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации». С приложением ведомственных нормативных актов // М.П. Журавлев [и др.]; сост. В.П. Рябцев; под общ. ред. Ю.И. Скуратова. М.: Норма, 1996. 736 с.
10. Качалов В.И., Качалов О.И. Прокурорский надзор в Российской Федерации: монография. М., 2007.
11. Трикс А.В. Справочник прокурора. Спб.: Питер, 2007.
12. Березовская С.Г. Прокурорский надзор в советском государственном управлении: монография. М.: Госюриздат, 1954. 107 с.
13. Прокурорский надзор: учебник. 3-е изд. / А.Ю. Винокуров [и др.]; под общ. ред. А.Ю. Винокурова. М.: Норма., 2009. 464 с.
14. Прокурорский надзор: учебник. 3-е изд. / под ред. А.Я. Сухарева. М.: Норма, 2009. 464 с.
15. Ергашев Е.Р. Проблемы понятия и соотношений функций прокуратуры, направления деятельности и отраслей // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 1.

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Т.Л. Пономарева

(старший инспектор по кадрам управления по работе с кадрами Южно-Уральского государственного университета, соискатель кафедры конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск; ptl@susu.ac.ru)

Статья посвящена особенностям и проблемам привлечения к дисциплинарной ответственности должностных лиц таможенных органов. Даны предложения по совершенствованию действующего законодательства о дисциплинарной ответственности.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, дисциплинарное производство, служебная проверка.

Административная реформа диктует необходимость применения единого подхода к организации деятельности органов исполнительной власти, формированию эффективного механизма разрешения споров, укреплению дисциплины, искоренению коррупции из сферы государственной службы посредством создания действенного механизма именно дисциплинарной ответственности служащих. Важной задачей остается совершенствование нормативно-правовой базы с целью повышения эффективности института дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих и усиление его роли в качестве средства поддержания служебной дисциплины в системе органов государственной власти.

Нормативно-правовая регламентация дисциплинарной ответственности в административном праве осуществляется целой совокупностью актов, различных по юридической силе, содержанию, сфере применения. Дисциплинарная ответственность может быть общей, предусмотренной Трудовым кодексом Российской Федерации [1], и специальной, предусмотренной отдельными федеральными законами, уставами и положениями о дисциплине. Основным актом, регламентирующим вопросы дисциплинарной ответственности в административном праве, является федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 25.11.2009) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [2].

Вопросы дисциплинарной ответственности таможенной службы раскрываются в федеральном законе от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ (ред. от 09.02.2009) «О службе в таможенных органах Российской Федерации» [3]. Сущность служебной дисциплины в таможенных органах РФ, права и обязанности начальников таможенных органов, связанные с ее поддержанием, а также порядок применения поощрений и наложения дисциплинарных взысканий определяются Дисциплинарным уставом таможенной службы РФ [4].

Особенность применения дисциплинарной ответственности состоит в том, что она применяется только в порядке подчиненности. Так, Дисциплинарным уставом таможенной службы РФ определена персональная ответственность начальника таможенного органа за состояние служебной дисциплины в таможенном органе, которым он руководит, и обязанность организовывать проведение воспитательных и профилактических мероприятий с подчиненными, выявлять и своевременно пресекать дисциплинарные проступки. По результатам служебной проверки, за нарушение служебной дисциплины на сотрудников таможенных органов могут налагаться дисциплинарные взыскания, предусмотренные Дисциплинарным уставом, а такой вид дисциплинарного взыскания, как увольнение сотрудника из таможенных органов, производится начальником таможенного органа, имеющим право на-

значения на должность. При этом правило о прямой подчиненности не является определяющим, что является особенностью применения дисциплинарной ответственности, так как привлечь к ней правомочен не только непосредственный (прямой) руководитель, но и руководитель более высокого уровня. Если в зависимости от степени тяжести дисциплинарного проступка необходимо применить меры дисциплинарной ответственности, превышающие объем прав, предоставленных данному начальнику таможенного органа, он готовит для вышестоящего начальника соответствующее представление, на основании которого выносится решение о применении дисциплинарной ответственности.

По общему правилу, применение дисциплинарного взыскания не освобождает работника, совершившего проступок, от иной ответственности, предусмотренной законодательством РФ. Дисциплинарным уставом (п. 20) определено, что если в результате служебной проверки будет обнаружено, что сотрудник допустил действия, указывающие на признаки преступления, руководитель таможенного органа обязан незамедлительно передать полученные материалы в органы дознания или предварительного следствия.

Дисциплинарная ответственность, по общему правилу, применяется за дисциплинарный проступок, под которым понимается противоправное виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение сотрудником возложенных на него должностных обязанностей. В целом законодательство не содержит исчерпывающего перечня дисциплинарных проступков. В этом также проявляется одна из особенностей дисциплинарной ответственности. Поскольку не установлено исчерпывающего перечня дисциплинарных проступков, постольку нет и четких указаний о том, какое взыскание соответствует каждому дисциплинарному проступку. Таким образом, вопрос о том, какое конкретно дисциплинарное взыскание применить к служащему, решается руководителем таможенного органа по его собственному усмотрению.

Отношения в сфере дисциплинарной

ответственности сотрудников таможенных органов характеризуются значительной субъективностью. Нередко, выяснив в достаточно полной степени мотив и цель проступка и отношение лица к содеянному, субъект применения дисциплинарной ответственности может освободить виновное лицо от дисциплинарной ответственности вообще [5, с. 648]. Так, в случае нецелесообразности применения дисциплинарного взыскания начальник таможенного органа может ограничиться предупреждением подчиненного о необходимости строгого соблюдения дисциплины.

Таким образом, наказание не устанавливается в качестве обязательного следствия совершенного противоправного деяния. Степень усмотрения в применении дисциплинарного взыскания остается высокой, так как наказание сотрудника таможенного органа за дисциплинарный проступок – это право начальника таможенного органа, а не обязанность.

Большое значение для выявления причин совершения дисциплинарных проступков и их профилактики имеют критерии оценки служебной дисциплины. Они применяются в ходе проведения воспитательно-профилактической деятельности подразделений кадров, а также в ходе служебной проверки. Критериями оценки состояния служебной дисциплины в системе таможенных органов являются:

- уровень исполнения должностных обязанностей в соответствии с должностными инструкциями и должностными регламентами;
- состояние планомерности и эффективности профилактической работы по предупреждению преступлений, происшествий и нарушений служебной дисциплины;
- соблюдение правил служебного распорядка таможенного органа;
- морально-психологический климат в коллективе, характер взаимоотношений между должностными лицами, их социальная активность;
- знание начальниками таможенных органов и структурных подразделений мо-

рально-деловых качеств и особенностей подчиненных;

– уровень работы по охране труда, жизни и здоровья должностных лиц [6].

Для различных категорий служебных (трудовых) отношений устанавливаются различные виды дисциплинарных взысканий. Это еще одна особенность применения дисциплинарной ответственности. За совершение дисциплинарного проступка трудовым законодательством определены следующие дисциплинарные взыскания: замечание, выговор, увольнение по соответствующим основаниям. В соответствии со ст. 29 Закона о службе в таможенных органах Российской Федерации за нарушение служебной дисциплины на сотрудников могут налагаться в порядке, предусмотренном Дисциплинарным уставом таможенной службы, следующие виды дисциплинарных взысканий: замечание, выговор, строгий выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии по результатам аттестации, увольнение из таможенных органов.

К процессуальному основанию дисциплинарной ответственности относится установление и фиксация факта совершения дисциплинарного проступка, возбуждение и рассмотрение дела о дисциплинарном проступке – дисциплинарное производство и, в конечном итоге, применение (реализация) дисциплинарной ответственности к виновному в совершении дисциплинарного проступка лица.

Законодательство детально регламентирует механизм привлечения к дисциплинарной ответственности. Первая стадия дисциплинарного производства заключается в возбуждении дисциплинарного дела и выявлении обстоятельств и причин, послуживших основанием для разрешения вопроса о привлечении к дисциплинарной ответственности, выбора и применения меры ответственности к виновному лицу. Способы возбуждения дисциплинарного производства не оговорены и не закреплены. Предусмотрены сроки возбуждения дисциплинарного производства (не более одного месяца со дня, когда начальнику таможенного органа стало известно о со-

вершенном проступке, или не более шести месяцев (двух лет) со дня его совершения).

Ограничение сроков для применения взысканий обусловлено необходимостью стимулирования работодателя к определенной оперативности в реакции на факт трудового правонарушения [7, с. 38]. В этом состоит смысл эффективности применения юридической санкции и одновременное выражение оценки с точки зрения морали, поэтому нельзя допускать ситуацию, когда работник неоправданно продолжительное время находился бы в состоянии угрозы применения к нему меры дисциплинарного взыскания.

Инструкция об организации и о проведении служебной проверки в таможенных органах Российской Федерации [8] определяет цели, поводы, основания, организацию и ход служебной проверки, проводимой по решению начальника таможенного органа или заместителя руководителя Федеральной таможенной службы России.

Во всех случаях у лица, привлекаемого к дисциплинарной ответственности, должны быть взяты объяснения. Отказ дать объяснения не прекращает производство по делу. Однако право дать объяснение, быть выслушанным – важный элемент права на защиту от необоснованного привлечения к ответственности. При отказе сотрудника от дачи письменного объяснения, от ознакомления с заключением или при отказе поставить свою подпись составляется акт (форма акта приведена в Инструкции об организации и о проведении служебной проверки в таможенных органах РФ). Такого рода акт будет являться доказательством соблюдения работодателем правовых норм по привлечению нарушителя к дисциплинарной ответственности в случае возможного спора о правомерности дисциплинарного взыскания.

Обязательной формы для истребования объяснения не предусматривается, и чаще всего осуществление требования работодателя происходит в устной форме. Законодатель не уточняет юридических последствий отсутствия требований рабо-

тодателя, его устных либо письменных запросов объяснения работника по существу вопроса о дисциплинарном проступке. Отказ работника дать объяснение не препятствует применению дисциплинарного взыскания работодателем. Дача объяснения является диспозитивным правом работника, и никто не в праве заставить работника свидетельствовать против себя самого. Работник вправе как дать письменное объяснение, так и отказаться от дачи такового.

Приступив ко второй стадии дисциплинарного производства и рассматривая обстоятельства, имеющие значение для разрешения вопроса о привлечении к дисциплинарной ответственности того или иного работника, руководитель таможенного органа обязан в рамках действующего законодательства выбрать единственно правильную меру ответственности, применимую к работнику, совершившему дисциплинарный проступок.

На стадии вынесения решения определяется мера дисциплинарного взыскания и ее процессуальное закрепление в приказе, с которым сотрудник должен быть ознакомлен в трехдневный срок под роспись. Если работник отказывается подписать предложенный работодателем приказ (распоряжение), то составляется соответствующий акт, при этом отказ работника удостоверить факт предъявления приказа (распоряжения) не имеет какого-либо юридического значения и никак не влияет на действительность примененного взыскания.

Как всякий административный акт, приказ может быть пересмотрен. Вышестоящий начальник таможенного органа имеет право отменить, смягчить или усилить (в пределах предоставленных ему прав) дисциплинарное взыскание, наложенное нижестоящим начальником, если найдет, что это взыскание не соответствует тяжести совершенного проступка. В случае несогласия сотрудника с решением о привлечении к дисциплинарной ответственности он вправе в письменной форме обжаловать это решение начальнику вышестоящего таможенного органа или в суд. Обжалование не приостанавливает исполнение приказа о

наложении дисциплинарного взыскания.

После издания приказа о привлечении к дисциплинарной ответственности для виновного возникает особое правовое состояние – состояние наказанности. Во-первых, в течение срока действия взыскания меры поощрения, как правило, не применяются. Во-вторых, в это время может быть применено снятие ранее наложенного взыскания. В-третьих, совершение нового проступка в течение срока действия взыскания считается повторным нарушением дисциплины и влечет применение более суровых взысканий. В-четвертых, наличие дисциплинарного взыскания не позволяет положительно решить вопрос о представлении к очередному званию, повышению в должности.

Проведенный краткий анализ механизма привлечения работников таможенных органов к дисциплинарной ответственности позволяет сделать вывод о том, что в период активного реформирования законодательства, устанавливающего дисциплинарную ответственность, необходимо четко закрепить перечень дисциплинарных проступков; установить процедуру привлечения с обозначением совокупности действий; привести перечень дисциплинарных взысканий в соответствие с действующим законодательством; закрепить права и обязанности как субъектов привлечения к дисциплинарной ответственности, так и субъектов применения дисциплинарной ответственности.

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 10.11.2009) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
2. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
3. О службе в таможенных органах Российской Федерации: федер. закон от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3586.
4. Об утверждении Дисциплинарного устава таможенной службы Российской Федерации: указ Президента РФ от 16 нояб.

1998 г. № 1396 // Собрание законодательства РФ. 1998. № 47. Ст. 5742.

5. Общее административное право: учебник / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 2007. 848 с.

6. Об утверждении Методических рекомендаций начальником таможенных органов по организации и проведению воспитательно-профилактической работы: распоряжение Федеральной таможенной службы РФ от 23 янв. 2006 г. № 21-Р. Документ опубликован не был. Доступ из

справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

7. Агапов А.Б. Проблемы совершенствования административно-юрисдикционной деятельности. М., 2005. 308 с.

8. Об утверждении Инструкции об организации и о проведении служебной проверки в таможенных органах Российской Федерации: приказ Федеральной таможенной службы РФ от 2 сент. 2008 г. № 1083 // Российская газета. 2008. № 208.

Раздел 8. Подготовка кадров для правоохранительных органов и научная жизнь высшей школы

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ» НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В.Г. Ставцев

(старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел Орловского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук; 8 (4862) 41-46-93)

С учетом изменяющихся социально-экономических условий жизни общества, влияющих на необходимость изменения тактики борьбы оперативных подразделений органов внутренних дел с преступностью, автором обозначаются основные направления совершенствования системы подготовки кадров для оперативных аппаратов милиции.

Ключевые слова: учебная дисциплина, оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел, обучение курсантов, подготовка специалистов, эффективность образования.

В Орловском юридическом институте МВД России, как и в других учебных заведениях системы Министерства внутренних дел, предусмотрено изучение учебной дисциплины «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел». Обучение курсантов и слушателей по вышеуказанной дисциплине осуществляется в соответствии с учебной программой, разработанной кафедрой оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел.

Учебная дисциплина «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел» призвана способствовать формированию высококвалифицированных специалистов – оперативных сотрудников, способных самостоятельно решать задачи по предупреждению, выявлению и раскрытию преступлений.

Обучение специалистов такой специфической направленности, как оперативно-розыскная, имеет ряд особенностей. Главная из них – подготовить оперативно-розыскного работника можно только в условиях специальных учебных заведений. Таковыми в системе МВД России являются академии, университеты, институты.

Проблема подготовки такого рода специалистов в настоящее время требует глубокого переосмысления. Причиной этого, безусловно, являются глубокие социально-экономические преобразования

общества, которые привели к тому, что оперативно-розыскные подразделения органов внутренних дел столкнулись с необходимостью радикального пересмотра сложившихся ранее тактических приемов борьбы с преступностью, чтобы противостоять постоянно совершенствующейся криминальной практике, которая приобретает все более организованный характер.

Выделим два основных аспекта этой проблемы:

1. Потребность МВД России в высококвалифицированных специалистах может быть удовлетворена только через систему специальных: учебных заведений.

2. Молодежь получает в этих вузах престижное юридическое образование.

Совпадение содержащихся в этих аспектах двух потребностей – путь к удовлетворению интересов как одной, так и другой стороны. Как известно, этапом, следующим за получением высшего образования как социального процесса, является распределение специалистов и использование их знаний и навыков, т.е. удовлетворение потребностей, в частности, оперативных подразделений. Именно на этом этапе выявляется степень эффективности системы высшего образования, поскольку ее критерий лежит за пределами учебного процесса – в сфере труда.

В связи с этим необходимо отметить,

что оперативные подразделения органов внутренних дел, особенно в крупных городах, испытывают постоянный «кадровый голод», а их полная сменяемость происходит через каждые три – четыре года. Следовательно, никакое увеличение учебных заведений системы МВД проблемы насыщения квалифицированными кадрами не решит.

Критерий эффективности системы высшего образования необходимо искать не только в нем самом, а прежде всего в том, насколько его «продукция» соответствует требованиям заказчика к специалистам, как в количественном, так и в качественном отношении. Отсюда вытекает важное требование – изучать процесс подготовки специалистов в высшей школе в неразрывной связи с его использованием.

Исторически работа по улучшению качества подготовки специалистов шла следующими путями:

- повышение требований к уровню общеобразовательной подготовки, введение вступительных экзаменов для всех категорий абитуриентов и конкурсного отбора;

- улучшение качественного состава и повышение квалификации преподавателей;

- совершенствование учебных планов с учетом достижений науки, а также необходимости дать широкую общеобразовательную базу для полного овладения данной специальностью.

Принятие дополнений к федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29.04.2008) «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] требует разработки новой учебной программы по курсу «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел». В ней должны быть учтены изменения, происходящие в обществе на современном этапе, тенденции социального, экономического, правового характера. При ее составлении следует также предусмотреть совершенствование обучения курсантов и слушателей в плане наиболее тесной связи теории с практикой, привития им необходимых навыков работы в сложной оперативной обстановке.

Иными словами, система обучения специалиста в области оперативно-розыскной деятельности должна отвечать требованиям адаптивности к уровням и особенностям развития и подготовки обучающихся, но при этом соответствовать получению квалификации, позволяющей выполнять профессиональные функции в сложившихся условиях.

Сформулируем ряд требований к подготовке специалиста оперативного состава – выпускника учебного заведения системы МВД России.

1. Выпускник должен уметь работать в любом оперативно-розыском подразделении. В этих целях необходимо осуществлять его подготовку без относительно узкой специализации для работы только в подразделениях, например, уголовного розыска или по борьбе с преступлениями в сфере экономики. Поэтому обратим внимание на такое обстоятельство: создание самостоятельных оперативных подразделений, потребность в которых, как правило, возникает вследствие обострения обстановки по одному из направлений борьбы с преступностью, не должно параллельно порождать создание новых учебных заведений. Такой вывод может быть подтвержден тем, что преступность перестала быть только общеуголовной или в сфере экономики и т.п., – налицо ее сращивание. Раскрытие, например, «заказных» убийств, как правило, сопряжено с отработкой версий, требующих познаний в области экономики. Поэтому программа курса должна быть универсальной, т.е. предусматривать подготовку специалиста широкого профиля. Но при этом специализация не отрицается, она должна иметь место тогда, когда выпускник получит распределение в конкретное подразделение.

2. Изучение дисциплины «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел» должно осуществляться в тесной связи с уголовным процессом, уголовным правом, криминологией, криминалистикой, административным и уголовно-исполнительным правом, другими юридическими науками. Это приобретает актуальность в настоящее время, связанное

с обновляющимся правоохранительным законодательством и глубоким изучением практики его применения, в том числе и при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий.

Только познание права как системы позволит нашим выпускникам быть профессионалами высокого уровня. При составлении учебных планов необходимо практиковать разработку и использование в учебном процессе межкафедральных учений, предусматривающих решение широкого круга правоприменительных задач. Целесообразным следует признать и написание курсовых работ не по проблематике только одной из учебной дисциплин, а «на их стыке». Такие работы, как правило, более интересны и полезны.

Преподавание дисциплины в настоящее время связано с определенными трудностями. Они вызваны тем, что современные условия требуют пересмотра сложившихся ранее организационно-тактических форм борьбы с преступностью. Приходится констатировать, что теория оперативно-розыскной деятельности не успевает обобщать и разрабатывать методики борьбы с теми видами или группами преступлений, которые подвергались криминализации в последнее время. Особые затруднения вызывает преподавание организации и тактики проведения оперативно-розыскных мероприятий, разрешенных законом. В лучшем случае их перечисляют и комментируют, как это делает соответствующая инструкция, а содержательная сторона, как правило, остается старой, т.е. излагаются традиционные методы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Это касается и тактики выявления, предотвращения и раскрытия новых видов преступлений, относящихся прежде всего к организованной преступ-

ности, которая все активнее проникает в ранее недоступные сферы экономики: кредитно-финансовую систему, в сферу биржевой и внешнеэкономической деятельности и т.п.

3. Изучение дисциплины «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел» следует осуществлять на богатом историческом опыте. Молодой специалист по окончании специального учебного заведения системы МВД России должен хорошо знать историю развития отечественных и зарубежных оперативных служб. «Привязывать» изучение дисциплины только к базе действующих нормативных актов, как показывает опыт, – не лучший способ подготовки специалистов. Можно привести примеры, когда слушатели начинали изучение курса по одним нормативным актам, а ко времени сдачи государственных экзаменов эти акты отменялись. В последнее время это стало типичным.

Поэтому изучение дисциплины необходимо построить следующим образом. Основная часть ее изучается на основе законов, нормативных правовых актов МВД России, регламентирующих оперативно-розыскную деятельность органов внутренних дел. После прохождения слушателями стажировки в подразделениях органов внутренних дел ими изучается спецкурс, основанный на глубокой проработке действующих нормативных актов. При этом слушатели, не получившие распределение в оперативные подразделения, такой курс не изучают.

Высказанные соображения носят постановочный характер и не претендуют на истину в последней инстанции.

1. Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349; 2008. № 18. Ст. 941.

Раздел 9. Обзоры, рецензии, критика

ДИСКУССИЯ ОБ УГОЛОВНОМ НАКАЗАНИИ. РЕЦЕНЗИЯ
НА МОНОГРАФИЮ А.Ф. МИЦКЕВИЧА «УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ:
ПОНЯТИЕ, ЦЕЛИ И МЕХАНИЗМЫ ДЕЙСТВИЯ»¹

А.В. Шеслер

(начальник кафедры уголовного права Тюменского юридического института
МВД России, доктор юридических наук, профессор; 8 (3452) 59-84-71)

Уголовное наказание является одной из основных мер воздействия на преступников. Тема, которой посвящено исследование А.Ф. Мицкевича, актуальна еще и потому, что положения уголовного закона о наказании и практика их применения остаются недостаточно проработанными учеными. Подчеркивая значимость, фундаментальность монографии, рецензент делится и своими замечаниями.

Ключевые слова: уголовное наказание, социальная справедливость, исправление осужденных, преступление.

¹Мицкевич А.Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия: монография. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 329 с.

Актуальность темы монографического исследования сомнений не вызывает. Несмотря на то, что социальная практика выработала целый комплекс мер некарательного воздействия на лиц, совершивших преступления (криминологических, общесоциальных, поощрительных, мер безопасности и т.д.), уголовное наказание по-прежнему занимает основное место, поскольку дает наиболее ощутимые результаты. Вместе с тем карательная политика Российского государства далека от совершенства, в частности, действуют не все виды наказаний, предусмотренные уголовным законодательством. Одной из причин сложившейся ситуации является недостаточная научная проработка положений уголовного закона о наказании и практики их применения. Монографическое исследование А.Ф. Мицкевича в значительной мере способствует решению возникших проблем.

Логичной представляется структура работы, которая состоит из введения и трех глав.

В первой главе работы в историческом аспекте раскрываются понятие и признаки наказания. Автор справедливо отмечает, что сущностью уголовного наказания является кара, заключающаяся в применении к осужденному лицу лишений и ограниче-

ний. Не вызывает возражений трактовка виновности лица не только с точки зрения психического отношения к преступлению, но и с точки зрения общей отрицательной оценки личностью социальных ценностей. Важно и то, что при раскрытии общественной опасности преступления автор включает в ее содержание прецедентность деяния, состоящую в возможности причинения вреда общественным отношениям от аналогичных преступлений. Такой подход еще не получил широкого признания в науке уголовного права.

Во второй главе работы рассматриваются цели уголовного наказания. В своих выводах автор исходит из того, что нельзя отождествлять цель исправления, достигаемую через страх осужденного перед наказанием, и цель специального предупреждения преступления, реализуемую через позитивные изменения в психике осужденного. Следует согласиться с мнением автора о том, что цель общего предупреждения может достигаться как угрозой наказания в отношении лиц, склонных к совершению преступления, так и нормостабилизирующим воздействием на лиц с устойчивым законопослушным поведением. Считаем, что в последнем случае наказание является средством воспитания позитивной ответственности личности, через которое

государство дает индивиду ориентир на важнейшие социальные ценности. Автор исходит из оценочного характера социальной справедливости как цели наказания и считает, что она достигается при реализации ряда функций наказания: ценностно-соизмерительной, восстановительной и т.д.

В третьей главе работы речь идет о механизмах действия уголовного наказания. К механизму реализации цели специального принуждения автор относит лишение или ограничение фактической возможности виновного совершить новое преступление, а также выработку у него через устрашение или исправление мотивов, препятствующих совершению преступления. В работе сделан обоснованный вывод о том, что различные виды наказаний обладают неодинаковыми ограничивающими возможностями, в связи с чем в разной степени способствуют цели специального предупреждения. Интерес представляет сравнение автором содержания ограничений, относящихся к различным видам наказания и мер безопасности. Особое внимание в работе обращается на отличие между механизмами реализации целей общего и специального предупреждения преступлений по объекту, способам и продолжительности воздействия на личность. Причем автор подходит к рассмотрению общеупотребительного действия уголовного наказания как разновидности управления по принципу обратной связи. Исходя из этого, в работе предлагается использовать различный характер информационного воздействия на граждан в зависимости от того, каким субъектом преступления совершаются, а именно общим или специальным. Обоснованно подвергается сомнению также устоявшийся стереотип о том, что незнание закона не освобождает от ответственности, применительно к группе преступлений, которые могут быть совершены только специальными субъектами.

Механизм реализации цели исправления осужденного рассматривается через воспитательное воздействие уголовного наказания на его нравственное сознание,

антиобщественные привычки, волю и эмоционально-чувственную сферу.

Восстановление социальной справедливости уголовным наказанием исследуется автором на уровне естественных прав человека и на уровне позитивного права, в тесной взаимосвязи с такими абсолютными ценностями, как Свобода, Справедливость и Равенство. Исключительно важным является то, что справедливость рассматривается как духовная ценность, определяющая предел возможностей наказания, а само уголовное наказание – как определенное проявление справедливости, т.к. наказание выступает как средство демонстрации основных социальных ценностей.

Изложенные обстоятельства свидетельствуют о серьезности и фундаментальности научного исследования.

Вместе с тем считаем необходимым сделать некоторые замечания по тексту монографии.

1. Автор недостаточно внимания уделил раскрытию карательной сущности уголовного наказания. На наш взгляд, в работе лишь констатируется, что осужденный лишается определенных прав и свобод или ограничивается в них. В работе не раскрыт возмездный характер уголовного наказания, мимоходом упоминается научная полемика о том, следует ли наказание связывать с субъективным восприятием осужденным ограничений или лишений определенных прав и свобод как принуждения и возмездия, либо наказанием является только объективное лишение или ограничение этих прав и свобод (с. 43-44).

2. Объектом критики становится авторское понимание общественной опасности преступления как наличия реального ущерба, причиненного общественным отношениям, или реальной опасности его наступления (с. 74), так как опасным может быть то, что еще не наступило, а только грозит наступить. Наступивший вред является показателем ранее существовавшей общественной опасности преступления. Поэтому общественная опасность – это всегда потенциальная характеристика преступления, состоящая, во-первых, в его вредоносности, т.е. в способности де-

яния породить негативные для общества последствия приспособительного и преобразовательного характера, во-вторых, в его прецедентности, т.е. в том, что преступление содержит в себе свойство человеческой практики, возможность повторяемости аналогичных деяний в будущем.

3. Вызывает возражение суждение автора о том, что и преступление, и наказание сходны в разрушении полезных, выгодных и угодных личности или обществу отношений и в замене их на вредные и отрицательные (с. 52-55). При таком сходстве наказание перестает быть эффективным и превращается в абсолютное зло, способствующее достижению результата, не сопоставимого с целями уголовного наказания, указанными в ст. 43 УК РФ. Напротив, наказание эффективно, способно привести к указанным целям, если разрушаются вредные отношения, порожденные преступлением, и заменяются на социально полезные.

4. Нельзя в полной мере согласиться с авторской позицией по поводу достижения социальной справедливости как цели уголовного наказания. Во-первых, наказание не может выполнять восстановительную функцию, в смысле компенсации затрат и восстановления общественных отношений, о чем пишет автор (с. 122-123), т.к. наказание по своей сути материально, физически или статусно ничего и никому не может компенсировать и восстановить, оно может только лишить или ограничить личность в каких-то социальных благах, утверждая тем самым справедливость нормативно-правовых требований. Во-вторых, автор не говорит о том, что социальная справедливость в значительной мере реализуется через удовлетворение карательных притязаний населения.

5. Полемичной является авторская трактовка негативной оценки преступника и его преступления, в том числе, что преступник стал «чужим» для общества, что он какой-то своей частью не принадлежит обществу, находится за его пределами (с. 56). Такое бескомпромиссное, категоричное и тотальное «клеймение» преступника нейтрализует специально-

предупредительный эффект уголовного наказания, делает невозможной постпенитенциарную адаптацию осужденного, т.к. не дает возможности виновному лицу войти в систему социально полезных связей, приобщиться к позитивной деятельности. В конечном счете, такое «клеймение» толкает виновного в социально-негативную среду, воспроизводящую детерминанты преступности. На наш взгляд, негативная оценка государством преступника и его деяния не должна отчуждать его от тех институтов общества, в которых возможна его позитивная социальная адаптация, исправление или закрепление результатов исправительного воздействия уголовного наказания. Очень образно об этом высказался Ф.М. Достоевский устами одного из героев романа «Братья Карамазовы» – старца Зосимы: «Теперь же церковь, не имея никакого деятельного суда, а имея лишь возможность одного нравственного осуждения, от деятельной кары преступника и сама удаляется. Не отлучает она его от себя, а лишь не оставляет его отеческим назиданием. Мало того, даже старается сохранить с преступником все христианское церковное общение: допускает его к церковным службам, к святым дарам, дает ему подаяние и обращается с ним более как с пленным, чем как с виновным. И что было бы с преступником, о господи! Если б и христианское общество, т.е. церковь, отвергло бы его подобно тому, как отвергает и отсекает его гражданский закон? Да выше не могло бы и быть отчаяния, по крайней мере для преступника русского, ибо русские преступники еще веруют». Таким образом, отчуждение государством преступника от себя через осуждение не означает его отчуждения от общества.

В заключение отметим, что высказанные замечания носят полемический характер и свидетельствуют о содержательности и научной новизне работы, которая, несомненно, вызовет оживленный читательский интерес.

Summary

1. Methodology, theory and history of state and law regulation

Tsishkovskiy E.A. Legal responsibility in lawful behaviour

The article is devoted to the occurrence, subsequent development and perspectives of the theory of legal responsibility in lawful behaviour. Various approaches to understanding positive (perspective) responsibility are investigated, their grounds are analyzed. In conclusion the concept of legal responsibility in lawful behaviour co-ordinated with the general theory of responsibility in law is formulated.

Keywords: Legal responsibility, lawful behaviour, perspective responsibility, positive responsibility, legal estimation.

Kramskoy I.S. External conditions of the effectiveness of state-legal regulation mechanism of social relations

The article is devoted to the idea of the mechanism of state-legal regulation and such conditions of its effectiveness as the level of public legal awareness, legal culture; individual qualities of a person, realizing the legal norm; the proper level of law and order in the society; high level of scientific forecasting of political, economical, social perspectives; planned development of the country, its economical prosperity.

Keywords: legal regulation, mechanism of state-legal regulation, the aims of legal regulation, external and internal conditions of the effectiveness of legal regulation, legal relations, legal norm, legality, legal culture, legal awareness.

Ovchinnikova O.D. To the question about form of government

The article is devoted to such element of state system as form of government. The author considers the historical development of the concept, different approaches to the classification, as well as the factors influencing formation of state system.

Keywords: Form of government, monarchy, republic.

2. The problems of state and municipal construction

Izinger A.V. Modernization of the contemporary Russia's political system according to the Message of the Russian President to the Council of Federation (November, 12, 2009)

In the article the questions of modernization of the political system of the contemporary Russia according to the message of the Russian President to the Council of Federation, proclaimed on the 12th of November in 2009 are considered. A brief analyses of the main statements of the Message in the sphere of reformation of the political system of the Russian Federation on the regional level is given. The succession in modernization of the political system by the Presidents of the Russian Federation since 2000 till the present moment is investigated.

Keywords: the Message of the Russian President, political system, modernization, reformation, regional level.

Pozharskiy D.V. About the correlation of the economic and guarding functions of the Russian state

Having taken for a basis the consideration of various aspects of the correlation of the most important state functions – economic and guarding, the author of the article comes to the conclusion that all state functions are in close organic connection and form a system.

Keywords: the economic function of the state, the guarding function of the state, legality, law and order, economy, the economic factor.

Danilova N.V. The legal regime of territories with the traditional usage of natural resources by radical small people

The author of the article researches the past and present legislation aimed at the settlement of the relations arising due to allocation of territories with the traditional usage of natural resources, with participation of the radical small people. Analyzing the acts of regional legislation, the author mentions the procedural moments of the allocation of such territories and discusses the ambiguity of the legal regimes of such territories.

Keywords: a natural complex of territories, the traditional way of life, especially protected natural territories, original culture of small people, the register of territories, the economic activity.

3. Private law, regulation of contracts

Libanova S.E. Maintenance of efficiency of economy by means of constitutionalization of the conventional law norms

Effectiveness of law enforcement depends on its interaction with lawmaking. New codes of practice have exonerated court from establishing the truth on a lawsuit, and the Anglo-American concept of competitiveness in Russian law enforcement is only the fiction restraining constitutional rights. The principle of competitiveness should be really working.

Keywords: imperfection of laws, subjectivism of law enforcement specialists, presuming of contractual regulation in court practice.

4. Criminal legislation and Criminology

Sumachev A.V. About the structure of criminal-legal norm of law

The author defines the structure of criminal-legal norm of law. The characteristic of features of disposition, hypothesis and sanctions of criminal-legal norm of law is given.

Keywords: criminal-legal norm of law, disposition, hypothesis, sanction.

Skobelin S.Ju. The essence and contents of the measures of criminal law nature, alternative to punishment

In this article the author examines the concept and the essence of other measures of criminal law nature which are not criminal punishment, their distinctive signs and forms on the basis of retrospective analysis of the main tendencies of the domestic criminal law policy and critical comprehension of the expressed points of view. The effectiveness and prevalence of such measures in future are proved.

Keywords: Punishment, other measures of criminal law nature, retribution, crime prevention.

Kurkina I.N. The value of international experience in developing of youth social activity in crime prevention

The problem of working out the active social position among young people is of great concern in the community nowadays. Such widespread phenomenon as «passivity» of the youth both in political and other spheres of life often leads to the crime commission. Our local and international experience shows that popularization of law abiding behaviour, ideas of patriotism, civil responsibility among youth is one of the main goals of the legal state.

Keywords: adolescence, life goals, transe-national criminality, law abiding education, social rehabilitation centers, social youth organizations, educational process.

5. The improvement of the law enforcement agencies' activity in crime detection and crime investigation

Simantsov P.A. Carrying out the inspections of subjects of business activity with the purpose of revealing tax crimes

In the article the questions of carrying out the inspections of subjects of business activity with the purpose of revealing tax crimes are considered. The question of possible inspections before bringing a criminal case is investigated. The provisional list of actions for the officials of the departments on tax crimes is offered.

Keywords: audit, inspection, tax, application, investigator, crime.

6. Procedural law, jurisdiction, procedures

Grigoryev O.G. Peculiarities of presenting persons for identification at the stage of preliminary investigation

In the article the author considers the most significant problems of legal regulation and tactical peculiarities of presenting living persons for identification conducted on the stage of preliminary investigation; examples from law enforcement practice illustrate typical errors made in the course of such action; the problems of the work with witnesses and the persons taking part in the process of identifying are analysed; the difficulties of the procedure of presenting persons for identification in conditions excluding visualization are researched.

Keywords: the investigative action, presenting persons for identification, identification, witnesses, identifying, identified.

7. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

Arhipov A.A. The criminal-legal characteristics of destruction of the identification number, the number of a body, the chassis or the vehicle's engine

In the article the criminal-legal characteristics of destruction of the identification number, the number of a body, the chassis or the vehicle's engine is given, the criminal liability for which is stipulated by item 326 the Criminal code of the Russian Federation. Practical problems of criminal-legal estimation of the appropriate criminal act are analyzed.

Keywords: destruction, identification number, transport.

Koreshnikova N.R. Concept and essence of legal means of the public prosecutor

The interest to the topic is caused by transformations taking place in public prosecutor's office. The notion «legal means of the public prosecutor» is considered with the use of the functional approach, which makes it possible to give its complex characteristics. The legal nature and maintenance of the public prosecutor are defined.

Keywords: legal means of the public prosecutor, powers of the public prosecutor, supervising activity of the public prosecutor, non-supervising activity of the public prosecutor.

Ponomareva T.L. Peculiarities of disciplinary responsibility of officials of customs bodies of the Russian Federation

In the article the author investigated the peculiarities and the problems of bringing the officials of customary bodies to disciplinary responsibility. Some proposals on improving the current legislation concerning disciplinary responsibility are considered.

Keywords: disciplinary responsibility, disciplinary practice, office check.

8. The staff training for law enforcement agencies and scientific life of higher education

Stavtsev V.G. Some aspects of teaching the discipline «Crime detection activity of law enforcement bodies» at present

Taking into account the changing social and economic living conditions of the society which influence the necessity to change the tactics in the fight of law enforcement operative bodies against criminality the author considers the basic directions of improving the system of professional training for the militia operative agencies.

Keywords: discipline, crime detection activity of law enforcement bodies, training of cadets, preparation of experts, effectiveness of education.

9. Surveys, reviews, criticism

Shesler A.V. Discussion about criminal punishment. The review of A.F. Mickiewicz's monography «Criminal punishment: concept, purposes and mechanisms of action»

Criminal punishment is one of the basic measures of influence on criminals. The theme to which A.F. Mickiewicz's research is devoted is actual also because the positions of the criminal law concerning punishment and practice of their application remain insufficiently worked scientists. Emphasizing the importance and fundamentality of the monography, the reviewer makes his remarks as well.

Keywords: criminal punishment, social justice, correction of the convicted, persons, crime.

Уважаемые авторы!

Решением Президиума ВАК Минобрнауки от 7 марта 2008 г. № 9/11 «О мерах по повышению эффективности использования Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий» с 1 сентября 2008 г. начата полномасштабная эксплуатация системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Включение нашего издания в систему РИНЦ потребует от авторов представления в редакцию дополнительной информации.

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить в редакцию надлежащим образом оформленные **материалы и заявку**.

Для опубликования научных статей дополнительно требуется **внешняя рецензия**.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном или электронном виде либо оформляется на сайте издания (<http://www.naukatui.ru>).

После принятия решения об опубликовании материалов редакция направляет автору (авторам) **лицензионный договор**.

Плата за опубликование материалов в журнале не взимается.

Требования, предъявляемые к оформлению материалов:

1. Материалы представляются в распечатанном (с обозначением наименования файла и подписью автора(ов)) и электронном виде.

Объем материалов: научная статья – до 1 авт. листа, научное сообщение, рецензия, обзор – до 0,5 авт. листа (авторский лист – 40 тыс. печатных знаков, включая пробелы).

2. Материалы набираются в редакторе Word (шрифт – Times New Roman, размер – 14 pt, межстрочный интервал – 1,0 (одинарный), верхнее поле – 20 мм, нижнее – 20 мм, левое – 25 мм, правое – 25 мм).

3. Заглавие (тема) материала набирается прописными буквами.

4. Указываются сведения об авторе(ах) (инициалы, фамилия, место работы, должность, ученая степень, ученое звание).

5. Обязательно наличие списка литературы (в рецензиях список литературы допускается не приводить).

Отсылки к источникам приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор (например, [2, с. 46], [3, с. 48; 7, с. 25]).

Литературные источники перечисляются в списке в порядке их упоминания в тексте (комплексное описание источников не допускается). Список литературы оформляется в соответствии с прилагаемыми примерами.

В публикуемой рецензии, кроме того, необходимо привести библиографическое описание рецензируемого издания (см. примеры оформления списка литературы).

6. Авторские примечания оформляются как подстрочные (знак сноски – *).

7. В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

Требования, предъявляемые к оформлению заявки:

Обязательными элементами заявки на опубликование являются:

1. Индекс УДК.

2. Заглавие материала (на русском и английском языках).

3. Сведения об авторе(ах):

– фамилия, имя, отчество полностью (на русском и английском языках);

– ученая степень (полностью), ученое звание;

– должность;

- место работы: полное наименование организации, населенного пункта, почтовый адрес и (или) e-mail (на русском и английском языках);
- контактная информация (телефон и (или) e-mail автора(ов)).
- 4. Аннотация (на русском и английском языках).
- 5. Ключевые слова – выбираются из текста материала (на русском и английском языках).

Требования, предъявляемые к оформлению рецензии:

Внешняя рецензия содержит традиционные элементы описания рецензируемого труда. В рецензии необходимо указать место работы, должность, ученую степень, ученое звание, фамилию и инициалы рецензента. Подпись рецензента заверяется надлежащей печатью. Рецензия может быть направлена как в распечатанном, так и в электронном виде.

Образец оформления заявки

БЛАНК

(все поля подлежат
обязательному заполнению)

ЗАЯВКА на опубликование материала в журнале «Юридическая наука и правоохранительная практика»		Индекс УДК 343.14 (47)
Заглавие материала (на рус. языке)		
Состязательность – условие равноправия сторон в уголовном судопроизводстве		
Заглавие материала (на англ. языке)		
Adversary as equality term for parties involved in criminal procedure		
Фамилия, имя, отчество автора (на рус. языке)		
Корнакова Светлана Викторовна		
Фамилия, имя, отчество автора (на англ. языке)		
Kornakova Svetlana Viktorovna		
Ученая степень (полностью)	Ученое звание	Контактная информация (тел., эл. почта автора)
Кандидат юридических наук	–	8(3952) 24-00-14 Svetlana-kornakova@yandex.ru
Место работы (полное наименование организации, населенного пункта), почтовый адрес и (или) адрес электронной почты – на рус. языке)		
Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11		
Место работы (полное наименование организации, населенного пункта), почтовый адрес и (или) адрес электронной почты – на англ. языке)		
Baikal National University of economics and law, 664003, Irkutsk, Lenina, 11		
Должность (полностью)		
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, заместитель декана судебно-следственного факультета БГУЭП		
Аннотация материала (на рус. языке)		
В статье автором рассматривается принцип состязательности, основанный на различии интересов сторон в уголовном процессе, указываются необходимые условия выполнения этого принципа: равенство сторон и независимость суда, делается вывод о том, что состязательность способствует достоверному установлению обстоятельств преступления		
Аннотация материала (на англ. языке)		
In the article the author considers that the principle of adversary is based on the difference of the interests for parties in criminal procedure. Some terms for using of this principle are determined as equality of the parties and court independence. Also the author draws a conclusion that adversary promotes valid ascertainment of the circumstances of the crime		
Ключевые слова материала (на рус. языке)		
Состязательность, равенство сторон, справедливость, истина		
Ключевые слова материала (на англ. языке)		
Adversary, equality term, justice, truth		

Примеры оформления списка литературы

1. Отдельные издания.

Книга 1 автора: Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология: монография. М.: Наука, 1982. 287 с.

Книга 2 авторов: Белкин Р.С., Белкин А.Р. Эксперимент в уголовном судопроизводстве: метод. пособие. М.: Инфра-М, 1997. 153 с.

Книга 3 авторов: Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория государства и права в схемах и определениях: учеб. пособие. М.: Юристъ, 2007. 251 с.

Книга 4 и более авторов: Теория государства и права: учеб. нагляд. пособие / А.И. Числов [и др.]. 2-е изд., доп. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2007. 233 с.

Книга с указанием сведений об ответственности:

Неновски Н. Право и ценности: монография / вступ. ст. и пер. с болг. В.М. Сафронова; под. ред. В.Д. Зорькина. М.: Прогресс, 1987. 248 с.

Многотомное издание: Алексеев С.С. Общая теория права: курс лекций: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. 359 с.

Продолжающееся издание: Проблемы философии права и государства: сб. науч. ст. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2003. Вып. 2. 103 с.

Серийное издание: Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3, Экономика. Право. Волгоград, 1996. Вып. 1. 223 с.

Диссертация: Кузнецов А.П. Государственная политика противодействия налоговым преступлениям в Российской Федерации (проблемы формирования, законодательной регламентации и практического осуществления): дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2000. 473 с.

Автореферат диссертации: Маштакова Е.А. Теоретико-правовые вопросы государственного контроля в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. 28 с.

Архивные и неопубликованные материалы: Российский государственный архив древних актов. Ф. 4. Оп. 5. Д. 8. Л. 2 (об.).

2. Составные части издания.

Статья из сборника: Марцев А.И. Понятие и содержание уголовной ответственности // Проблемы борьбы с преступностью: сб. тр. Омской высшей школы милиции МВД СССР. Омск: Омская высш. шк. милиции МВД СССР, 1976. С. 90-112.

Статья из сборника по материалам конференции: Сумачев А.В. Компромисс в уголовно-правовой борьбе с незаконным оборотом наркотиков // Проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Тюменской области: материалы междунар. науч.-практ. конф., Тюмень, 23-24 мая 2001 г. / Тюменский юрид. ин-т МВД России. Тюмень, 2002. С. 34-35.

Статья из журнала: Клеандров М.И. Роль органов МВД России в проверке кандидатов в судьи // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 1 (4). С. 31-42.

Статья из газеты: Лубенченко К.Д. Безработные законы // Известия. 1990. 25 апр.

3. Электронные ресурсы.

3.1. Локального доступа.

Составной части электронного ресурса:

Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия [Электронный ресурс] от 5 апр. 1994 г.: ред. от 16 окт. 2006 г. // КонсультантПлюс: Высшая школа: учеб. пособие. 2007. Вып. 8. 1 CD-ROM. Загл. с этикетки диска.

Отдельного издания: КонсультантПлюс: Высшая школа [Электронный ресурс]: программа информационной поддержки российской науки и образования. 2005. Вып. 3: К весеннему семестру 2005 года. 1 CD-ROM. Загл. с этикетки диска.

3.2. Удаленного доступа.

О Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. конст. закон от 17 дек. 1997 г. № 2-ФКЗ: ред. от 2 марта 2007 г. // КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=66567;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=BE95276C46F8994647D4BBD5703C1EAC> (дата обращения: 19 дек. 2008 г.).

3.3. Из локальных сетей, а также из полнотекстовых баз данных, доступ к которым осуществляется на договорной основе или по подписке.

О введении надбавок за сложность, напряженность и высокое качество работы [Электронный ресурс]: указание М-ва соц. защиты РФ от 14 июля 1992 г. № 1-49-У. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Нормативные правовые акты.

О милиции: закон РФ от 18 апр. 1991 г. № 1026-1: ред. от 23 июля 2008 г. // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. 18 апр.; Российская газета. 2008. 25 июля.

Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ: ред. от 30 июня 2008 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16; Российская газета. 2008. 3 июля.

О некоторых вопросах, связанных с квалификацией и установлением требований по обязательным платежам, а также санкциям за публичные правонарушения в деле о банкротстве: пост. Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2006 г. № 25 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 9.

Все элементы библиографического описания источников являются обязательными.

